Алишер Навои

III

علیشیر نوائی
АЛИШЕР 525 НАВОИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН" УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

Перевод
Владимира Державина

ТАШКЕНТ·1968

(Узб) 1
Н 15

Редколлегия

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, Р. М. Маджиди, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *Р. М. Маджиди*

Оформление Народного художника Узбекской ССР
И. И. Икрамова и П. Д. Воронкина

7-4-3
Подп. изд.

О НИЗАМИ И О ХОСРОВЕ ДЕХЛЕВИ

Он — царь поэтов — милостью творца
Жемчужина Ганджийского венца.

Он — благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной волной.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети — небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная ниша комнаты его —
Вход в Каабу [1], где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн — учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее размерил Ганджави.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной [2] — шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет.

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты.

Так он слова низал, что не людьми
А небом был он назван: «Низами» [3].

И «Да святится...» как о нем сказать,
Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу — он: тысяча один! [4]

От Бога имя это рождено!
А свойств у бога — тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца,
Другие буквы — блеск его венца.

Шейх Низами — он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам,
Шум и смятенье поселялись там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его с индийским я сравню царем,—
Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Ганджи собрал, как властный шах,
Казну — неистощимую в веках.

Стал от него Ганджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора — поэзия, а речь — тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит — пир свечою озарить,
Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Ганджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.

От старого ганджийского вина
Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.

С «Сокровищницей тайн» ганджиец был,
Делиец — с «Восхождением светил».

Ганджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли,

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они — неповторим.

ОБ АБДУРРАХМАНЕ ДЖА'МИ

Он, как звезда полярная в пути,
К познанью призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зерцале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в мадрасе своей,
Вкушая мир средь истинных друзей.

Его цветник — высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи: — не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев странничьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершая свой намаз.

Его походка — молнии полет
Летящий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, а не из чернил
Соткал он занавес — и тайну скрыл.

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней — вода живая — свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один — средь певчих птиц в тени ветвей,
Шах соловей над розою своей.

Прочесть мне было прежде всех дано
Все, что ни создал мудрый Мавлоно.

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит роза, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы — ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот — в потоке сокровенных слов —
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

Но среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны; в них — глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Без жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
И счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего
И вижу рукопись в руках его.

Он оказал мне честь, велел мне сесть,
Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я — я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» тут же прочитал,
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То — третий был дастан; хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

В нем скрыто содержанье первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти —
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий — усладный хмель;
Ограда сада — бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
Земля же — их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар.

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд [5] потом допьет отстой.

Я псом себя смиренным ощутил —
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду — их верным псом.

Глава XIV

О СЛОВЕ

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужницею сердца рождено.

Четыре перла мирозданья — в нем,
Всех звезд семи небес блистанье — в нем.

Цветы раскрылись тысячами чаш
В саду, где жил он — прародитель наш.

Но роз благоуханных тайники
Еще не развернули лепестки.

И ветер слова хлынул с древних гор
И роз цветущих развернул ковер.

Два признака у розы видишь ты:
Шипы и благовонные цветы.

Тех признаков значенье — «Каф» и «Нун»,
То есть: «Твори!» Иль как мы скажем «Кун!»

И все, что здесь вольно́ иль не вольно́,
От этих букв живых порождено

И сонмища людей произошли
И населили все круги земли.

Как слову жизни я хвалу скажу,
Коль я из слов хвалу ему сложу.

Ведь слово — дух, что в звуке воплощен,
Тот словом жив, кто духом облачен.

Оно — бесценный лал в ларцах — сердцах,
Оно — редчайший перл в ларцах — устах.

С булатным ты язык сравнил клинком,
С алмазным слово я сравню сверлом.

Речь — лепесток тюльпана в цветнике,
Слова же — капли рос на лепестке.

Ведь словом исторгается душа,
Но словом очищается душа

Исус умерших словом воскрешал —
И мир его «Дающим Жизнь» назвал.

Царь злое слово изронил сплеча,
Так пусть не обвиняют палача.

По слову в пламя бросился Халил
И бремя слова тащит Джабраил.

Бог человека словом одарил,
Сокровищницу тайн в него вложил.

Не попади душой кумиру в плен,
Чей рот молчанием запечатлен.

Она прекрасна, уст ее рубин
Твой ум пьянит сильнее старых вин.

Но пусть она блистает, как луна,
Что в ней — всегда безмолвной, как стена?

Ты, верно, не сравнишь ее с иной,
Не спорящей с небесною луной.

Пусть не лукавит взглядом без конца,
Пусть не пронзает стрелами сердца.

Пусть даже внешне кажется простой
И пусть не ослепляет красотой.

Но если дан ей ум, словесный дар,
То он сильнее самых сильных чар.

Она упреком душу опьянит,
Посулом смуту в сердце породит.

И пусть обман таят ее слова,
Но как от них кружится голова!

И видишь ты, что все ее черты
Полны необычайной красоты.

Как устоишь перед таким огнем,
Хоть ты сгораешь, умираешь в нем?

А коль она прекрасна, как луна,
И в речи совершенна и умна.

Коль, наряду с природной красотой,
Владеет всею мудростью земной.

Она не только весь Адамов род,
Но коль захочет — целый мир сожжет.

Такой красе, сжигающей сердца,
В подлунной нет достойного венца,

Когда певец прославленный средь нас
Ведет напев под звонкострунный саз.

То как бы сладко он ни пел без слов,
Нам это надоест в конце концов;

Мелодия любая утомит,
Когда мутриб играет и молчит.

Но если струны тронет он свои
И запоет газели Навои,

Как будет музыка его жива,
Каким огнем наполнятся слова!

И гости той заветной майханы
Зарукоплещут, радостью полны,

И разорвут воротники одежд,
Исполнены восторга и надежд.

Что жемчуг, если слово нам дано?
Оно в глубинах мира рождено!

Пусть слова мощь сильна в простых речах,
Она учетверяется в стихах.

Стих — это слово! Даже ложь верна,
Когда в правдивый стих воплощена.

Ценнее зубы перлов дорогих;
Когда ж разрушатся — кто ценит их?

В садах лелеемые дерева
Идут в нагорных чащах на дрова.

Речь обыденная претит порой,
Но радует созвучной речи строй.

Когда дыханье людям дал творец,
Он каждому назначил свой венец.

Шах, расцветая розой поутру,
Главенствует в суде и на пиру.

И каждый место пусть свое займет,
Тогда во всем согласие пойдет.

Царь должен за порядком сам смотреть,
И не дозволено ему пьянеть.

Не должен бек с рабами в спор вступать,
Строй благолепный пира нарушать.

Фигуры, бывшие в твоей руке,
Рассыпались на шахматной доске.

И кто-то из играющих двоих
В порядке, по две в ряд, расставит их.

Встают ряды и стройны и крепки —
В двух песнях две начальные строки.

Но силы их пока затаены,
Меж ними есть и кони и слоны.

Коль у тебя рассеян ум и взгляд,
Твой шах и от коня получит мат.

Столепестковой розою цветет
Тетрадь, чей сшит любовно переплет;

Но вырви нить, которой он прошит,—
Лист за листом по ветру улетит.

Так участь прозы — с ветром улетать,
Поэзии же — цветником блистать.

Удел ее поистине велик —
Она цветет в предвечной Книге Книг.

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

О боже, дай мне, бедному, в удел,
Чтоб я искусством слова овладел!

Глава XV

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТОМ, ЧТО В СЛОВЕ СОДЕРЖАНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕГО ДУШОЙ, А БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ ФОРМА СЛОВА — ТЕЛО БЕЗ ДУШИ

В пучине слов ныряльщик лучший — тот,
Кто смысла перл в жемчужнице найдет.

Пред тем, кем светоч смысла обретен,
Гарем очарованья озарен.

Тот опьянен словами, кто подъял
Жемчужницу значенья, как фиал.

Скажи: вино бессмертья в нем горит,
Что, словно лампа, сердце озарит.

Кувшин небесный полон тем вином,
А солнце — крышка на кувшине том.

Все люди мира им упоены,
Самозабвением усыплены.

Но сколько из него вина ни пить,
Кувшин вовек до дна не осушить.

Хоть поколенья это пьют вино,
На каплю не убавилось оно.

Иду как пьяный с караваном я
К порогу майханы небытия.

Стремлюсь, надеждой радостной горя...
Мне чаша слова светит, как заря.

Но, с путеводной чаши сняв печать,
Я много лет предпочитал молчать.

Предчувствую, испив из чаши сей,
Что я расстанусь с волею своей.

Как ветер устремлюсь, куда хочу,
Сады в цвету, пустыни облечу.

И обойду, как солнце, высоту,
Все видя — ничего не обрету.

Отвергну все и сяду пировать,
Упьюсь вином, начну стихи слагать;

И на престол поэзии взойду,
И тысячи приверженцев найду...

Тогда б играл и пел я целый день,
Кулах парчовый сдвинув набекрень.

И морем слов мне б стало бытие —
Я в нем бы плавал в чаше, как в ладье.

Я до краев бы наполнял фиал,
Его ежеминутно б осушал.

Запел бы я под пиршественный шум
По тюркски: «Ай-Тулгум» и «Ай-Тулум»,

Я одинок! Поэтов тюркских нет.
Найду ль в сердцах сочувственный ответ?

Пускай мой друг пригубит хоть глоток,
Коль он, как я, не выпьет весь поток.

Увы! Пока мечта свой пир ведет,
Безмолвствует высокий небосвод.

Иль не было предтеч моих в былом,
Владевших тюркским словом и стихом?

А если были — позабыл их мир...
Я после них пришел на этот пир.

Но хуже одиночества гнетет
Меня назойливый и жадный сброд.

Двух не умеют слов они связать,
Бездарны все, и все хотят писать.

Они, в стихах размеров разных двух
Не различая, мой терзают слух.

Их строй словесный знатоку смешон,
Лад исполненья верности лишен.

Все ложной новизной хотят блистать,
Хоть и не могут ничего создать...

Когда врата поэм открылись мне
И пери красоты явились мне,

Мое искусство скромно занялось
Нарядом их, прической их волос.

Сунбул кудрей их тронул гребень мой,
Нарциссы их я оттенил сурьмой.

Блеск их лишит от слез моих зардел,
Где родинки мой взгляд напечатлел.

Для их одежд брала моя рука
Слова, как многоцветные шелка.

Чтоб заблистал красою каждый стих —
Невестой, непохожей на других.

Парчою царской, с головы до ног,
Свой стих я, как красавицу, облек.

Я посвятил все существо мое
Заботам украшения ее.

Они же, как разбойники в ночи,
Пришли — украли золото парчи;

Украли стих — красавицу мою,
Украли жемчуг, шелк и кисею.

И пери Чина в нищенскую шаль,
Одели, словно смертную печаль...

Мой каждый бейт они перепоют
И за свое творенье выдают.

И все, что у меня ни украдут,
Презревши стыд, несут ко мне на суд.

Коль в их мазне себя узнать я рад,
Они нахально требуют наград.

Стыжусь за них, судить их не могу,
Но больше выносить их не могу.

Одно мне остается: прочь уйти,
Твердыню на вершине возвести.

На круче неприступной высоты
Воздвигну замок вечной красоты.

Его опоры — у подземных вод,
А башен сталь упрется в небосвод.

Глубокий будет кладезь там, чье дно
До грозных недр земли углублено.

Чтоб ход под крепость ту не подкопать,
Зубцов стены арканом не достать.

Чтоб там мои создания цвели,
От бедствий и опасностей вдали.

И будет много там камней и стрел,
Чтоб враг напасть на крепость не посмел.

Те камни будут скорбью мне даны,
А стрелы вздохом утра рождены.

Кто на твердыню приступом пойдет,
Тот от камней и стрел моих падет...

О, боже, боже! Небыль, бред и тьма!
Я бредил, будто впрямь сошел с ума.

Хвалился, будто опьянен вином,
Забыв себя в безумии своем.

Коль ты себя над всеми вознесешь,
Знай: это все — безумие и ложь.

Бранил я подражателей моих,
Что взяли образцом мой слог и стих.

Они ведь пишут плохо не всегда,
Стихи их сладкозвучны иногда.

Они поют, как ты,— и от души,
Ты сам — плохой, они же — хороши.

В дорогу, Навои! Забудь покой,
Но строк, рожденных сердцем, вслух не пой!

Средь нищих нищим будь, пока венца
Не удостоишься из рук творца.

Глава XVII

ОПИСАНИЕ ДУШИ

В саду Эдема — на заре времен —
Был человек из глины сотворен.

Дохнуло утро по лицу земли,
Чтоб все цветы вселенной расцвели;

Дабы прекрасен и благоухан
Возрос из праха созданный Рейхан.

Дух жизни искру жизни раздувал,
Чтобы огонь души не угасал.

О ты, воспевший мир живой души,
Ее природы свойства опиши!

Бутоном розы в тело вмещена,
Она раскрыться розою должна.

Твоя душа в твоей крови живет,
В биенье сердца жив души оплот.

Но это внешний вид ее и цвет,
В ней — мира суть, без коей жизни нет.

Все, что душа собой животворит,
Как кровь, живою розою горит.

Но ведь Ису нельзя сравнить с ослом,
Пророка не сравнить с его врагом!

Суфием торгаша не назовешь,
Хоть розни в них телесной не найдешь.

Не о душе телесной говорю,
На степень духа высшую смотрю.

Есть разница меж сердцем и душой,
Их — по названью — путают порой.

Душа над розой тайны — соловей,
Светильник в доме искренних людей.

Эдемское благоуханье — в ней,
Истока истины сиянье — в ней.

Ее «Вершиною» назвал мой пир;
Суфий сказал, что это — Высший мир.

Но этот Высший мир, мне скажешь ты,
Увы, незрим в зерцале чистоты.

Священна Мекка для любой души,
Но — прах она пред Каабой души.

Святыня Каабы влечет сердца;
Душа — святыня вечного творца.

Но трудный путь должна душа пройти,
Чтобы сокровищницу обрести.

Искуса тропы круты и трудны,
Пока твой дух дойдет до майханы.

Как облака несущегося тень,
Обгонит он молящихся весь день...

Душа в обитель горную придет
И там, с мольбой, к порогу припадет

Иль, забредя в кабак небытия,
Поклонится огню душа твоя...

Твоя душа — Фархад в горах скорбей;
Ее удар — стальной кирки острей.

Порою на земных лугах вдали
Душе твоей является Лейли.

И кружится Меджнуном вкруг нее
Душа твоя, впадая в забытье.

То саламандрой пляшет на огне,
То прячется, как жемчуг в глубине.

То в воздухе как облако встает,
То сыплет наземь проливень щедрот.

Но где бы ни была — везде должна
Свой образ совершенствовать она.

Увидеть все должна и все познать,
Чтоб назначенье в мире оправдать.

Того, кто в этот высший мир идет,
Мир «Человеком духа» назовет.

Халифов и царей сравнишь ли ты
С владыкою сокровищ доброты?

И ведай: счастье зиждет свой престол,
Чтоб чистый сердцем на него взошел.

Ты душу, сердце — все отдай ему
Душой и сердцем подражай ему.

О, Навои! Полы его одежд
Коснись — во исполнение надежд!

Глава XVIII

ПЕРВОЕ СМЯТЕНИЕ ИСХОД ДУШИ ИЗ МРАКА НЕБЫТИЯ И СОЕДИНЕНИЕ ЕЕ С УТРОМ БЫТИЯ

Эй, Кравчий! Отогнала мрак заря!
Дай пить мне из фиала, как заря!

Синица спела мне: «пинь, пинь!»—«пить, пить!»
И утром я, с похмелья, должен пить!

Я заглушу вином печаль свою,
Как утренняя птица запою.

Встал златоткач рассветных покрывал,
Основу стана ночи оборвал.

И письмена он выткал для меня:
«Клянусь зарей! Клянусь светилом дня!»

И горные вершины озарил,
И коврик свой молитвенный раскрыл,

Ночь утащила черный свой престол,
И веник утра след ее замел,

И мускус, сеявшийся над землей,
Сменил благоуханной камфарой.

И вот нежно-лиловый небосвод
Раскрыл в росе златой тюльпан высот.

Эбен дарчи слоновой костью стал,
И желтым жаром запылал мангал.

Рассветный сумрак в утреннем огне
Сгорел; померкли звезды в вышине.

Павлиньих перьев ночи блеск исчез,
И стало чистым зеркало небес.

И человек открыл глаза свои —
В забвенье бывший, как в небытии.

Как жизнь, он ветер утренний вдохнул,
Завесу тьмы забвенья отогнул.

Рожденный в мире, мира он не знал,
И самого себя не понимал,

Беспечному подобен ветерку,
Не ведая, что встретит на веку.

Явленья мира стал он изучать,
Со всех загадок снять хотел печать.

Чем больше было лет, чем больше дней,
Разгадка становилась все трудней.

Все было трудно робкому уму,
И откровенья не было ему.

И, не уверен, слаб и удивлен,
В чертоге мира занял место он.

И безнадежен был, и в некий час
Из неизвестности услышал глас:

«Вставай! Простор вселенной обойди!
На чудеса творенья погляди!»

Он встал, пошел — и видит пред собой
Сады Ирема, светлый рай земной.

И вечный он презрел небесный сад,
Овеян чарами земных услад,

Где древеса, склоняясь до земли,
Густые ветви с лотосом сплели.

Что небо перед их густой листвой?
В их тень уходит солнце на покой.

Там стройных кипарисов синий лес
Стоит опорой купола небес.

Там тысячью широколапых звезд
Чинар шумит — защита птичьих гнезд.

И лишь зимой, как золото желты,
С чинара наземь падают листы.

Сандал листвой вздыхает, как Иса,
Умерших оживляет, как Иса.

Не землю — чистый мускус ты найдешь,
Когда в тот сад прекрасный забредешь.

Там ветерок с нагорий и полей
Колеблет ветви белых тополей.

Там, как меняла, со своих купин
Монеты сыплет утренний жасмин.

Деревья там — густы и высоки —
Укрыли звезды, словно шишаки.

Чинарами окружены поля,
Соперничают с ними тополя.

Стан кипариса розы оплели;
Там ветви ив склонились до земли.

И пуговицы на ветвях у них —
Подобье изумрудов дорогих.

Там — в хаузах — прозрачна и светла,
Вода блистает, словно зеркала.

Ручьи, чьей плеск от века не смолкал,
Мерцают рукоятями зеркал.

Живая в тех ручьях течет вода,
В ней жажду сердца утолишь всегда.

Там самоцветами окружены
Цветы неувядающей весны.

Те камушки — не кольца на корнях,
Хальхали у красавиц на ногах.

Цветы теснятся, полны юных чар,
И не развязан узел их шальвар.

А для кого красуются цветы?
Ты — их султан, над ними волен ты.

Здесь поутру дыханье ветерка
Росинку скатывает с лепестка...

Здесь ветви в хаузе отражены,
Как локоны красавицы луны.

Роса на розах утренних блестит,
Как светлый пот на лепестках ланит.

И лилии, как змеи, извиты —
Здесь перешли предел своей черты.

Гремит и щелкает в тени ветвей
Отравленный смертельно соловей.

То, что мы пуговицами сочли,
Колючкой стало вьющейся в пыли.

А соловей... неймется соловью,
Поет он, презирая боль свою.

В тени фазан гуляет и павлин,
Как радуга безоблачных долин.

Он пьян, павлин; ломает он кусты
И попирает нежные цветы.

Густые космы ива расплела,
Как будто впрямь она с ума сошла.

Ей на ногу серебряную цепь
Надел ручей, чтоб не сбежала в степь.

Морковка тянется — тонка, бледна,
Или она желтухою больна?

Но почему ей рыбкою не быть,
Чей взгляд желтуху может излечить!

Чем ярче блещет золото лучей,
Тем весны расцветают горячей.

Тюльпан — игрок; продув весь цвет красы,
Под утро платит каплями росы.

Его игрой залюбовался мак
И сам — до нитки — проигрался мак.

Фиалка опустила шаль до глаз,
Она росинку прячет, как алмаз.

Пусть молния расколет небосвод,
Дождинка вестью Хызра упадет.

И ветерок на долы и леса
Дыханьем жизни веет, как Иса.

Шумя, стремятся воды с высоты,
Растут, блистают травы и цветы.

А тот, кто это увидать сумел,
В глубоком изумленье онемел.

Куда бы он ни обращал свой взгляд,
Чудес являлось больше во сто крат.

Себя он видел под дугой небес,
В кругу неисчерпаемых чудес.

Но главной нити всех явлений он
Не видел, непонятным окружен.

И понимал, тревогою томим,
Что вот — безумья бездна перед ним.

Но — образ мира в этом цветнике,
И целый мир сокрыт в любом цветке.

Не сам собой растет он и цветет,
Есть у него Хозяин-Садовод.

И тот, кто сердцем истину познал,
В своем смятенье сам себе сказал:

«Пусть предстоит в явленьях бездна мне,
Но удивленье бесполезно мне.

Свой разум светом правды озари,
И все глазами сердца посмотри!»

И правду он в груди своей открыл,
И свет ему дорогу озарил.

Воркует голубь, свищет соловей,
Лепечут дерева листвой ветвей.

И все живой хвалою воздают
И славу Неизменному поют.

По свойствам, им присущим навсегда,
Слагают песню ветер и вода.

И удивленный вновь был поражен:
Все пело, а молчал и слушал он.

Он молча облак вздоха испустил
И снова стал беспамятным, как был.

* * *

О, Кравчий, существо мое — в огне!
Вином зари лицо обрызгай мне.

Чтоб овладел я памятью моей
И в чаще слов гремел, как соловей.

Глава XIX

ВТОРОЕ СМЯТЕНИЕ О ТОМ, КАК ДУША, ПОДОБНАЯ ПТИЦЕ, ОБЛАДАЮЩЕЙ ПЕРЬЯМИ ХУМАЮНА, ПЕРЕЛЕТЕЛА ИЗ ЦВЕТКА ЭТОГО МИРА В НЕБО—ВО МРАК НЕИЗВЕСТНОГО МИРА АНГЕЛОВ

День за горами скрыл прекрасный лик,
Над степью ветер мускусный возник.

Нарцисс благоухающий уснул,
Восток дыханьем амбры потянул.

Цветок заката желтый облетел.
Небесный сад цветами заблестел.

И день, уйдя за грань земель иных,
Рассыпал мускус из кудрей своих.

Благоухает мускусом ручей,
А в сердце человека сушь степей.

Он, утомленный долгим жарким днем,
Закрыл глаза, чтобы забыться сном.

Уснул рябок в посеве до зари,
Во мраке мечутся нетопыри,

Сова, бесшумно взвившись в вышину,
Как в круглый бубен гулко бьет в луну.

И тысячи разнообразных роз
В росе раскрылись, словно в брызгах слез.

И дивные дела в ночной тиши
Явились взору дремлющей души.

Судьба, как фокусник и лицедей,
Пришла с палаткой колдовской своей.

Ее палатка — синий небосвод,
А куклы — звезд несметный хоровод.

И полудужье Млечного Пути
Звало, манило — на небо взойти.

Тот путь — зовущий издревле сердца —
Не живопись на куполе дворца.

Прекрасен сад небесной высоты,
Где блещут звезд бессмертные цветы.

Душа, как птица, вся рвалась в полет
И устремилась в высоту высот.

Телесный прах оставив на земле,
Она кружила в небе, в млечной мгле.

И крылья, что внезапно отросли,
Высоко над землей ее несли.

Вот так душа живая — ты пойми —
Была на первом небе из семи [6].

Дух человека землю облетал,
Жемчужной сферой мира заблистал.

Кружились хоры звезд в своем кольце,
Стал человек алмазом в том кольце.

Нет, то кольцо, как блюдо, мне блестит,
Где сонм свечей собранье осветит.

Душа — в ночи разлуки мне она
Свечой среди развалин зажжена;

Свечою в хижины несущей свет,
Сияньем, пред которым ночи нет.

Кругл облик мира. Вечный звон его
Несметных четок — славит божество.

И мнится пение его кругов
Мне словарем, где мириады слов.

И вот душа живая, окрылясь,
В сады второго неба поднялась.

И там она красавицу нашла,
Чьи брови — черный лук, а взгляд — стрела.

Кольчуга локонов из-под венца
Завесой скрыла лунный блеск лица.

В ней было двойственное существо —
Она и Кравчий и творец Наво[7].

Хоть вешней юностью она цвела,
Старуха ей подругою была.

Все были жилы и мослы видны,
На теле ущербленной той луны.

Певец, как врач, свой обнажал ланцет,
И плакал он, что в жилах крови нет.

Он плакал, крови не добыв из жил,
И плачем этим Вечному служил.

И в новый круг небес душа пришла
Там, где султанша мудрая жила.

Она писала, или — может быть —
Жемчужную нанизывала нить.

Вся прелесть мира — в образе ее
Бесценном, редкостном, как мумиё [8].

Ее вниманье тонкое всегда
В любой сосуд вольется, как вода.

Ее перо черно, но письмена
Блистают. Славит истину она...

И дух черту высот перелетел,
На некий новый свод перелетел.

В ларце сапфирном неба там блистал
Перл, что вселенной средоточьем стал.

Был свет его в надоблачной тиши,
Как свет первоисточника души.

Как зеркало, весь мир он отразил,
Свет зеркалу луны он подарил;

Он ангелом кружит по тверди сей,
На крыльях огневеющих лучей.

Там сам Иса живой открыл родник,
Неистощимый вечных сил родник.

Не потому ли вечный мрак глубок,
Что вечной жизни в нем горит исток?

Бьет исполинскими лучами свет,
Как крылья величайшей из планет.

Нет — то не огненные арыки,
То — славящие бога языки...

И вот увидел дух в пути своем
Тот круг, где Тахамтан стоит с копьем.

Он — в тучах гнева. В годы старины
Им сотни звезд хвостатых рождены.

Они летают в небе сотни лет,
Но духу гнева примиренья нет.

Он миру местью издавна грозит,
И меч его двуострый ядовит.

Он в руки череп чашею берет
И не вино — а кровь из чаши пьет.

Идет он, стрелы длинные меча;
Луна Наврузa — след его меча.

Но меч его и каждая стрела —
Все это было Вечному хвала.

И перенесся дух живой тогда
В тот круг, где шла счастливая звезда.

Она, как ангел в радужных шелках,
Она — дервиш небес и падишах.

Хоть на высоком троне вознеслась,
Она отблеска мира отреклась.

Она являет по ночам свой лик,
Ей в небе — факел счастья проводник.

В ней — разум, а лица ее цветок,
Как счастья совершенного залог.

В ее владеньях нет ни тьмы, ни зла,
А в песнопеньях — Вечному хвала.

Душа вошла потом в питейный дом;
Ходжа — индийский старец в доме том.

Во всех своих деяньях терпелив,
Усердием в работе он счастлив.

Как ночь страданий, темен он челом —
И на обе ноги, должно быть, хром.

За расторопным служкой он глядит,
А сам в углу по целым дням сидит.

Как Каабу, он весь небесный свод
За тридцать лет однажды обойдет.

Но четки звезд перебирает он,
Единственного восхваляет он.

И дух, что чуждым стал мирской тщете,
К надмирной устремился высоте.

Неколебимая твердыня — там.
Коран гласит: «Светил святыня — там,

Где под землей и над землей идет
Двенадцати созвездий хоровод».

Но холм в любом созвездье видишь ты —
Престол для несказанной красоты.

Взгляни, как чередуются они,
Как над землей красуются они!

И все глаголом сердца говорят,
Дарителя щедрот благодарят.

И вот ступил на высшую ступень
Скиталец-дух — незримый, словно тень.

Вошел он в храм, где статуи Богов,
Как изваяния из жемчугов.

Там не было брахманов, но кругом
Блистали Будды древним серебром.

Гул их молитвы истов был и чист,
Казалось: Будде молится буддист.

Увидев эти дива, не спеша
Весь круг их чутко обошла душа.

И поклонилась. Было им дано
То видеть, что от нас утаено...

И вот душа, внезапно изумясь,
Стократным удивленьем потряслась.

Все в средоточье здесь. Одна она
Рассеянна и речи лишена.

Свет откровения ее поверг
В беспамятство. И свет ее померк.

* * *

О, Кравчий мой! Мне столько испытать
Пришлось, что стало тягостно дышать.

Я к чаше сам не дотянусь моей —
Ты в рот мне сам вино по капле влей!

Глава XX

ТРЕТЬЕ СМЯТЕНИЕ
НИСХОЖДЕНИЕ СМЯТЕННОГО СТРАННИКА ИЗ МРАКА МИРА АНГЕЛОВ В СТОЛИЦУ ГОСУДАРСТВА ТЕЛА

Вот солнце стягом осенило мир
И весь под ним объединило мир;

И село на высокое седло
И крупной рысью по небу пошло.

Пересекло меридиан, спеша,
Жарой испепеляющей дыша.

А странник-дух — дремал в ту пору он,
В забвенье изумленьем погружен.

Над ним полдневный небосвод пылал;
И вздрогнул он, опомнился и встал.

Жар лихорадочный таился в нем,
Как будто жар вина струился в нем.

Он ощутил себя чужим всему,
И родина возжаждалась ему.

Опять дорогой трудной он пошел,
Стезю исканий миру предпочел.

Земной простор скитальца восхитил.
И в некий дивный город он вступил.

По воле движется тот город сам;
Предела нет в нем скрытым чудесам.

Из глины первозданной сотворен,
Он формой совершенной наделен.

На двух столпах саманных, город тот
В себе самом вселенную несет.

Четыре перла сокровенных сил
В состав его строитель положил:

Огонь и дух — две силы высших в нем,
Земля, вода — две силы низших в нем,—

Слились в нерасторжимое одно,
Как волею творящей решено.

В том городе — мечеть, базар и сад,
Дома, дворцы, и даже — харабат [9].

Его огонь — горящий куст Мусы,
Дыханье — как дыханье уст Исы [10].

Орошены рекой живой воды
Его благоуханные сады.

Стоит в твердыне града тахт златой,
Там шах сидит, что правит всей страной.

Во всех краях страны и поясах
Смятенье, коль на троне болен шах.

Но процветают город и страна,
Когда рука правителя сильна.

Над градом возвышается дворец,
Чей круг наметил циркулем творец.

Не по божественным ли чертежам
Воздвигнут свод — на удивленье нам?

Тот свод — вершина всех земных чудес —
Подобье свода вечного небес.

Что куполу небесному дано —
Все в куполе земном отражено.

Когда врата откроет тот чертог,
То перлы сыплются через порог.

Из цельного рубина створы врат
Бесценные жемчужины таят.

За ними, восхищающими взор,
Разослан царский пурпурный ковер.

Дворец — на пропитание свое —
В ворота вносит яство и питье.

Посредством сих божественных забот
Весь этот город дышит и живет.

И два истока есть в твердыне сей —
Дороги очистительных путей.

Два продуха есть над рубином врат,
Что город весь дыханием дарят.

Снаружи замок чистым серебром
Окован с несказанным мастерством.

А звукоуловители его
Внимают звукам сущего всего.

И, внемля этим голосам, народ
Державы той в спокойствии живет.

И царь страны с советниками сам
Всегда внимает этим голосам.

У шаха мудрый первый есть вазир.
Чье назначенье — изучить весь мир.

Что даже круг незримой точки сей
Сумеет разделить на сто частей.

Его решенья — мудры и ясны —
Велениями жизни рождены.

Вазир счастливый охраняет трон,
И справедливость у него — закон.

Пять неусыпных стражей в замке том,
Все внемлющих, все знающих кругом.

Но каждый делом занят лишь своим,
И несравнимы все один с другим.

Хоть каждый на посту за свой лишь страх —
Согласие у них во всех делах.

Один из них все зримое кругом
Увидеть должен в зеркале своем.

Другой, внимая чутко каждый звук,
Все знает, что свершается вокруг.

А третий — кравчий — пробует подряд
Все блюда: не сокрыт ли в пище яд.

Четвертый — различает дух любой.
Он слышит: мускус мокрый иль сухой.

А пятый чует холод и жару,
Колючки он не предпочтет ковру.

Вот: зренье, осязанье, вкус, и слух,
И обоняньe — клички этих слуг.

С их помощью дана нам благодать
Весь мир, нас окружающий, познать.

Чертоги замка росписью горят,
У входа пять хранителей не спят.

И зорко вглядываются во тьму,
И внемлют движущемуся всему.

И в тот же миг доносят обо всем
Глядящему бессонно за дворцом.

Все вести тот, кого «Умом» зовут,
Приносит размышлению на суд.

И третий есть хранитель той страны —
Оценщик знаний, счетчик всей казны.

То память — сторож кладовой дворца,
Богатства собирает без конца.

Все, что извне к нему ни попадет,
Он прибирает, счет всему ведет.

Приобрести способен целый мир
Казнохранитель — истовый вазир.

Восходит он к властителю в чертог,
Сей Каабы облобызав порог.

И внемлет сам ему счастливый шах —
Высокий духом, справедливый шах.

Сокровищницу проверяет он,
И то, что нужно, отбирает он.

Ценнейшее берет он для даров
Владыке и зиждителю миров.

Дабы достигнуть ревностью своей
В познанье блага высших степеней.

Дабы надежды светоч обрести
На том крутом спасительном пути.

И станет сам на том пути вождем,
Коль верен он в служении своем.

Увидел дух, смятеньем обуян,
Весь мир — в пылинке, в капле — океан.

И, поглощенный мыслью, как китом,
Он закружился в океане том.

Хоть дым раздумий до неба вставал,
Он ничего вокруг не понимал.

В огне смятенья истребился он,
В огонь чистейший превратился он.

Телесно он очистился огнем,
И новый зренья дар открылся в нем.

Свет вечности скитальцу заблестел,
И он себя в том городе узрел.

В то царство он вошел, как свет во тьму,
И подчинился целый мир ему.

Сам стал он царством, троном и царем
Всевидящим и сведущим во всем.

Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он Истину познал.

* * *

Дай, Кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!

Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, человека восхвалю!

Глава XXVI

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА О СУЛТАНАХ

О ты, кому, как небу, власть дана,
Ты, чьи литавры — солнце и луна.

Ты волен в зле сегодня и в добре,
И солнце всей страны — в твоем шатре.

Венец твой вознесен главой твоей,
Престол твой утвержден стопой твоей.

И звезды неба — горы серебра
Для твоего монетного двора.

Твой трон, пред коим падают цари,
Благословляет хутбой Муштари.

Запечатлен твой перстень на луне,
Твой светлый щит, как солнце по весне.

Ты — мудрый Сулейман в юдоли сей;
Хума парит над головой твоей [11].

Ты правишь там, где правил древний Джам [12].
Златой фиал идет твоим перстам.

Но ты на перстне надпись не забудь,
Что «В справедливости — к спасенью путь»!

Молясь, аят [13] Корана повторяй:
«Правитель, справедливо управляй!»

Ты помни, что судья в твоих делах —
Сам возвеличивший тебя аллах.

Могучих он к ногам твоим поверг,
И чуждый блеск перед тобой померк.

Склоняется перед тобой народ,
Покорно он твоих велений ждет.

Творец миров, владыка звездных сил,
Людей твоей деснице подчинил.

Но сам пред ним ты немощен и слаб,
Ты сам — его творение и раб.

Как все, ты — прах и обречен земле.
Как все, ты — сгусток тьмы, не свет во мгле.

Своим рабам подобен ты во всём —
По внешности и в существе своем.

Но красотою речи и умом,
Но совершенством в мастерстве любом,

Упорством каждодневного труда,
И честностью — со всеми и всегда;

Но преданностью богу твоему
И полным подчинением ему

Ты уступаешь — не мужам святым,
А самым низким подданным своим.

Но все ж калам судьбы предначертал,
Чтоб ты султаном в этом мире стал.

Неизреченный дал тебе печать,
И жезл, и власть — людьми повелевать.

Ты каплей был. Но в море превратил
Тебя живой Источник Вечных Сил.

И в этом — воля, власть и мощь творца;
А божью власть приемлют все сердца.

По жребию ли тайному,— одно
Такое счастье здесь тебе дано,—

Ты знай: вершина мудрости земной
В искусстве управления страной.

Пусть для народа шах добро творит,
И за добро творца благодарит.

Установи закон добра, взамен
Насилия,— «И будешь ты блажен!»

Да, здесь ты — царь, но царь на краткий срок...
«Так осчастливь людей!» — сказал пророк.

Божественных велений череда
Несметна. Друг народу — будь всегда!

Народ — твой сад. Будь мудрым, Садовод!
Будь, пастырь, добрым! Стадо — твой народ.

Пастух задремлет — волки нападут,
Урон великий стаду нанесут.

Забросишь сад — засохнут дерева
И пригодятся только на дрова.

Благоустраивай и орошай
Свой сад! Волков от стада отгоняй!

За то, что стадо защитишь и сад,
Награда — урожай, приплод ягнят.

А коль сады загубишь и стада,
Придут к тебе тревога и беда.

Умрешь, перед судом предстанешь ты...
Что ты ответишь? В бездну канешь ты.

Открой глаза и правдой озарись!
Всю жизнь на благо подданных трудись!

Ты благоденствуешь, а твой народ
В невыносимых бедствиях живет.

Но труженик, и в бездне нищеты,
Духовно выше степенью, чем ты.

Предстанут пред владыкою времен
Тот, кто гнетет, и тот, кто угнетен.

Награду угнетенный обретет,
А на тебя проклятие падет.

Язык того, кого ты угнетал,
Тебе вонзится в сердце, как кинжал.

И перед бездной содрогнешься ты,
Как стебель, от стыда согнешься ты.

Ты счастлив ныне, но идешь во мрак.
В Эдем пойдут гонимый и бедняк.

Когда же все грехи твои сочтут,
Тебя стократным мукам предадут.

И не поможет бог беде твоей,—
Предвечный бог — не сборщик податей.

Иглу у нищих силою возьмешь —
Знай: та игла тебя пронзит, как нож.

Спеши, утешь обиженных тобой!
Не то — сгоришь в геенне огневой.

За всех, кого колючкой ранишь тут,
Тебе стократно в бездне воздадут.

И будет пламень вкруг тебя жесток
За тех, кого хоть искрой ты обжег.

Отнимешь нить у нищих, эта нить
Удавом вырастет — тебя душить.

Ты властен. Над тобою — никого.
Но ты — палач народа твоего.

Насильник обездоленных людей,
Насильник ты и для души своей.

Взгляни: ты в скверне по уши погряз!
Беги, пока твой разум не погас,

Уйди от зла, добром наполни мир!
А ты, восстав от сна, бежишь на пир.

Подобен раю, светел и высок
Для пиршества украшенный чертог.

Но в киноварной росписи его
Алеет кровь народа твоего.

Завеса, чья неслыханна цена,
Не из парчи — из жизней соткана.

Украшен жемчугами твой шатер,—
Ты у народа отнял их, как вор!

Чтоб яшму взять для арки и стены,
Гробницы древние разорены.

Вот на пиру садишься ты на трон.
Фиал вином шипучим опенён.

Там кравчие снуют — полны красы,
Вельможи льнут к ногам твоим, как псы.

Чтоб жажду утолить, шербет, вино —
В стократном им количестве дано.

Там речи — пустословие одно,
Их верным слушать стыдно и грешно.

Там сквернословья слышен пьяный хор,
Там непотребства оскорбляют взор.

Покамест день сияет над землей,
На сборище разгульном чин такой.

Когда ж звезда вечерняя блеснет
И ночь страницу дня перечеркнет,

Зажгутся свечи, но бесчинство то ж
Идет и у тебя, и у вельмож.

Свеча, пылая, плачет над тобой,
И, падая, рыдает кубок твой.

«Дай денег!» — казначею ты кричишь
И, как петух охриплый, голосишь.

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат.

Забыт завет пророка! От вина
Толпа твоих гостей пьяным-пьяна.

Хоть каждый тигра злобного лютей,
Но все покорны власти пса страстей.

Корыстью низкой души их горят,
Они давно презрели шариат.

Не дрогнут изнасиловать, растлить,
Чтоб низменную похоть утолить.

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сраженье полегла,
Распластаны упившихся тела.

Уже намаз полуденный вершат,
А в замке царь, вельможи, войско спят.

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать.

Все взыщут, не оставят ни зерна:
Мол, пополненья требует казна!

Казну пополнят, а ночной порой
Опять — и шум, и гам, и пир горой.

Когда бесчинству царь дает пример,
Бесчинствуют вельможа и нукер.

Вот так проходят ночи их и дни;
О будущем не думают они.

Пророка и халифов четверых —
Ты вспомни, заступивший место их!

Где у тебя закон? Где правый суд?
К чему твои поступки приведут?

По воле бога ты султаном стал —
А ты народ измучил, обобрал!

Молитва, пост завещаны тебе,
А ты привык к веселью и гульбе.

В самозабвенье дни твои пройдут...
Опомнись! Вспомни: грянет грозный суд!

И ужас смерти обоймет тебя;
Никто в ту пору не спасет тебя.

Не шахом, жалким прахом станешь ты.
Как из пучины зла воспрянешь ты?

Когда ты жизни грань перешагнешь,
Ты знай, что там пощады не найдешь.

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!

Твое насилье, низость и разврат
Земле и небу вечному претят.

Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

Хоть никакой не волен человек
Не совершить греха за долгий век,

Хоть совершенства полон только тот,
Кто создал мир и многозвездный свод,

Но ты, порой невольно оступясь,
Раскайся, о прощении молясь.

И коль невольно утеснил людей,
Воздай им тут же милостью своей.

И должен ты, как свет во тьме, светить,
Все души справедливостью пленить.

Как солнце, луч над миром простирай,
И подданным своим любовь являй!

Ту доблесть, что жила в былых царях,
Хранит один победоносный шах!

Глава XXVII

РАССКАЗ О СУЛТАНЕ И СТАРУХЕ

В те дни, когда Победоносный шах
С врагами царства пребывал в боях,

Нукеров верных сотни две всего
Сопровождали шаха своего.

В сраженьях каждая его стрела
Смертельной для противников была.

Аллах возвёл его на шахский трон,
Что был его отцами утвержден.

Когда в свою столицу он вступил,
Он двери справедливости открыл.

Он истребил насилие и гнет,
Украсил город от своих щедрот.

При нем исчезли ересь и разврат,
И стал опорой правды шариат.

Дабы столицу осмотреть кругом,
Султан однажды выехал верхом.

И некая старуха подошла
И крепко за полу его взяла.

«Эй, шах! — кричала, плакала она.—
Передо мною на тебе вина!

Ты справедлив. Так пусть же призовут
Тебя ответчиком на правый суд!»

А царь: «Не дрогну, жизнь тебе отдав,
Когда твой иск по шариату прав!»

И вот на суд к исламскому кази
Пришли — старуха и султан Гази.

Был весь народ смятеньем обуян,
Когда, как подсудимый, сел султан.

Они сидели, словно Заль и Сам,
Открытые земле и небесам.

Старуха начала: «Когда в боях
Сначала отступал великий шах,

В отряд, что двинулся против него,
Неволей взяли сына моего.

Он кипарисом был в саду моем,
Единственным на ниве колоском.

Но царь убил кормильца моего...
Мечом он в битве зарубил его!»

Судья ей: «Для признания вины
Мне два живых свидетеля нужны».

Старуха молвила: «Я приведу
Двух очевидцев правому суду».

А царь: «Вину свою я признаю.
Все так. Я зарубил его в бою».

Судья сказал: «Иль кровью заплати
За кровь, или потерю возмести!»

Султан ответил: «Я, без дальних слов,
По шариату жизнь отдать готов!»

Мешок динаров золотых открыл
И меч старухе плачущей вручил;

Сказал: «Казною жизнь не возместить,
И ты вольна мне голову рубить.

В бою убил я сына твоего,
Но жизнь тебе отдам за жизнь его!»

Потупила старуха скорбный взгляд,
Увидев тот прославленный булат.

В смятении, она к ногам царя
Упала, так сквозь слезы говоря:

«Мой сын против тебя пошел на бой,
Я за тебя пожертвую собой!

Меня теперь ты с миром отпусти,
Коль я виновна, мне вину прости!»

Так у всего народа на глазах
Явил святую справедливость шах.

Старуха-мать от мести отреклась,
От денег — ради чести — отреклась.

Но сам султан ей сына заменил,
Безмерно он ее обогатил.

Своим вниманьем, как небесный Заль,
Утешил, сколько мог, ее печаль.

* * *

Забудь обиды жгучие свои
Пред блеском солнца правды, Навои!

Эй, Кравчий, дай мне верности фиал,
Чтоб верности цветник не отцветал!

Вина мне! Выпью радостно его
За справедливость шаха моего!

Глава XXVIII

ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА О ЛИЦЕМЕРНЫХ ШЕЙХАХ

Эй ты, обманщик, дармоед в хырке,
Чей крик с утра мне слышен вдалеке!

Эй, лицемер, на рубище своем
Заплаты нашивающий кругом!

Не деньги ли под множеством заплат
Ты прячешь, как в народе говорят?

По тем заплатам нитка лжи прошла,
Твоя игла — из уса духа зла.

Заплаты он кладет на небосвод,
С планетами игру свою ведет.

Зарозовеет утренний туман,
Но это утро — призрак и обман.

Пускай у шейха велика чалма,
Но под чалмой — ни света, ни ума.

Взгляни на посох шейха и скажи:
— Сей посох — столп опорный дома лжи!

А четки подобрал он из кусков
С порога у ваятеля божков.

Сосуд греха — их камень головной,
А нить — зуннара шнур волосяной.

Подошвы деревянные его
Стучат, к соблазну города всего.

Но он восходит на минбар святой,
Тряся своей козлиной бородой.

Пусть он козел, не страшен он ворам.
Хоть и козел он — а ворует сам.

Козел почтенный, если мудр и стар,
Становится водителем отар.

Не так ли шейх хвастливый, как козел,
Доверчивых ведет долиной зол?

Взгляни, как зорко, сам идя вперед,
Козел стада на пастбища ведет...

А шейх, тряся козлиной бородой,
Ведет людей к геенне огневой!

Заблудших он ведет, на свет маня;
Но это отблеск адского огня.

Прибежище, где царствует разврат,
Зовется: «Храм» «Молельня», «Харабат».

Там шейх циновку стелет. Смысл ее,
По начертанью слова — «бу-риё» [14].

В мечети их столбы, изгиб стены —
Отвращены от южной стороны.

Из храма гебров [15] — створы их дверей,
Михраб [16] их — дуги женственных бровей.

Шейх этим грешным молится бровям,
Ему шайтан подсказывает сам.

И, полн доверья, слушает народ
Невежественный — все, что он поет.

А шейх сгибает спину, словно «Нун»,
Сидит в углу, как набожный Зуннун.

Средь истинных суфиев — первый он.
Его решения для них закон.

И он своей пустою болтовней
Увлечь людей умеет за собой.

Одним внушает: — В угол сядь, молись! —
Другим внушает: — В горы удались!

Он шлет на мученичество одних
И тешит небылицами других.

Умеющий обманывать народ,
Он выдумку за правду выдает.

Себя обманывает... Для него
Нет друга, кроме Хызра самого.

Он в тряпке банг упрятал; и она
От цвета банга стала зелена.

Не потому ль кричат: «Вот Хызр [17] идет!» —
Что зеленью тряпье его цветет?

Такой он — этот шейх! Его душа
Всецело в обаянье гашиша.

В ночи, дурманом банга обуян,
Он видит под собой звезду Кейван.

И кажется ему, что он достиг
Вершин познанья — и, как бог, велик.

Услышать най бродяги — все равно
Что выпить вечной истины вино.

И чем приятней песня, чем звучней,
Тем громче сам он подпевает ей.

Он топает не в лад, ревет, как слон,
Не понимая — как ничтожен он.

И, по примеру шейха своего,
Суфии кружатся вокруг него.

Несутся вихри ликов неземных
В расстроенном воображенье их.

И все они, как их беспутный пир.
И пляска, что ни день, у них, и пир.

В самозабвенье кружатся они;
Ты их с ночною мошкарой сравни —

В самозабвении, в глухой ночи
Кружащейся вокруг твоей свечи.

Круженье, вопли тех, «мужей святых»,
Их иступленье, обмороки их

У них зовутся «поиском пути»,
Дабы «в забвенье истину найти».

Но в них пылает пламя адской лжи.
Ты с их ученьем, верный, не дружи.

Они всю ночь не устают плясать,—
Да так, что поутру не могут встать.

Но вожделенье в них одно и то ж:
Привлечь к себе внимание вельмож,

Чтоб сам вазир верховный поглядел —
Насколько в «Вере» круг их преуспел,

И убедился в набожности их,
И счел бы их за подлинно святых;

И всех бы их от бедствий защитил
И щедрою рукой обогатил;

Чтоб щит страны — султан великий сам,
Молясь о них, к предвечным пал стопам,

Чтоб шейха лицемерного того
Возвысил, стал мюридом у него;

Чтоб для него казну он расточил,
Чтоб землю шейх в подарок получил.

А ты на ненасытность их взгляни,
Когда обогатятся все они.

Увидишь: суть их — низменная страсть:
Разбогатеть; а там — пускай пропасть.

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так пусть о них всю правду знает свет:
Обманщиков подлее в мире нет!

Их внешность благовидна и свята,
Но души их — отхожие места.

Любой из них — пристрастий низкий раб:
Любой из них пред нечистью ослаб.

Снаружи — перья ангелов блестят,
Внутри их — дивы и бездонный ад.

Пусть веет мускусом от их рубах,
Но в их сердцах — смятение и страх.

Динар фальшивый позлащен извне,
Но золото очистится в огне.

Ну, а для этих, правду говоря,
Огонь геенский раздувают зря.

Никто бы вечно жить в огне не мог,
От них же сам огонь бы изнемог.

Людей различных порождает мир:
Святыня этим — кыбла [18], тем — Кумир.

Сожженья недостойные, они,
Не веря в жизнь, проводят жизнь одни...

Свет истины! Дорогу освети,
И мир, и жизнь, и душу возврати

Тем искренним, чей путь прямой суров,
Отрекшимся от блага двух миров,

Труждающимся, страждущим в тиши,
Чтоб не погас живой огонь души;

Тем, что в огне сожгли свою хырку
И не злоумышляли на веку;

Которым ни мечеть, ни майхана,
Ни Кааба святая не нужна!

Все ведают они! Но в их глазах
Вселенная — соломинка и прах.

Настанет день — и мирозданья сень
В небытии исчезнет, словно тень.

Им эта мысль сердца не тяготит,
Живая мысль их зеркалом блестит.

В том зеркале горит желанье их,
Любимой лик — и с ней слиянье их.

Той мысли земнородным не вместить,
Лишь грань той мысли в сердце может жить.

И в каждой грани — вечно молодой
Лик отражен красавицы одной.

И ты в какую грань ни бросишь взгляд,
Везде глаза волшебные глядят.

Везде глаза прекрасные того,
Кто смысл и суть живущего всего.

И те, кто видел это, лишь они —
Суфии подлинные в наши дни.

Они несут свой путеводный свет,
Всем заблудившимся в долине бед.

Они, как Хызр, отставшего найдут
В пустыне и к кочевью приведут.

По зоркости вниманья своего
Они — как братья Хызра самого.

Под их дыханьем даже Хызр святой
Нам кажется зеленою травой.

Источник вечной жизни Хызр найдет
В слезах, что по ланитам их течет.

Пыль их сандалий зренье исцелит,
Их слово камень в злато превратит.

Пред гневом их бессилен небосвод.
И круг планет, что род людской гнетет.

В их цветнике всегда цветет весна,
Как два листка, там солнце и луна.

Они — в пути, и пот на лицах их
Непостижимее глубин морских.

Как многозначно содержанье слов
В благословенном строе их стихов!

Суфий сидит в углу — чуть виден сам,
А ходит по высоким небесам.

В иклимах [19] мира их путей черта
От всякой ложной мудрости чиста.

На светлом том пути — ристанье их,
В делах и мыслях — состязанье их.

Их ночи жаркою мольбой полны,
Чтоб сонмы верных были спасены.

Путем пророка следуют они,
Его лишь волю ведают они.

Слезами веры путь свой орося,
Они идут — награды не прося.

Под бурей не сгибаются они,
В беде не содрогаются они.

Смиренны, без надежды на Эдем,
Лишь к истине стремятся сердцем всем.

Любовь их только к истине одной.
Нет во вселенной истины иной.

О ищущий жемчужину любви,
О ней к глубинам вечным воззови!

Глава XXX

ПЯТАЯ БЕСЕДА
О ЩЕДРОСТИ

О мудрый муж, от сердца щедрым будь,
И счет своих даяний позабудь!

Пусть из перстов твоих златой поток
Дождем осыплет Запад и Восток!

Враждует серебро с рукой твоей;
Рассыпь его без счета, не жалей!

Сыпь золото, как молнию, всегда,
Чтоб молния вспотела от стыда.

Корону голова твоя несет,
Краса венца — жемчужина щедрот.

Жемчужины твоей прославлен свет,
Как перламутр жемчужницы планет.

Чем больше здесь казна расточена,
Тем выше в небесах твоя цена.

Пусть вечно блещет, словно слово «барк»,
Твоя звезда, как «фар» над словом «фарк»! [20]

Ты всюду знамя щедрости несешь, 4
Как гордый стяг «алифа» в слове «бош» [21].

Ты сам — жемчугоносный океан,
В одной руке — Кулзум, в другой — Оман [22].

Ты раздаешь. Зато твоим перстам
Покорствуют Бармак и сам Хатам [23].

Родясь, ты принял гору серебра,
И щедрость, и желание добра.

И твой любой на теле волосок
Тобою восторгался б, если б мог.

Не будь скупым, просящего дари,
Но сам за все творца благодари.

Ведь щедрость — знак душевной красоты,
А жадность — знак душевной нищеты.

Ты щедр, от корня щедрых порожден.
Венец твой этим перлом озарен,

Но этот чистый перл не попирай
И разум жадностью не называй!

Кто щедр без меры — шум пойдет о нем;
И назовется щедрость мотовством.

Без всякой меры щедрость — наравне
Со скупостью — ущерб несет казне.

Так щедрость цену перлов низвела
К стекляшкам на ошейнике осла.

Такая всем нам заповедь дана:
У щедрости граница быть должна.

Ты богом в сан султана возведен,
Богатствами безмерно наделен.

Ты можешь сыпать горсти серебра,
Но только ради блага и добра.

А из тщеславья деньги раздавать,
Для хвастовства горстями их бросать

Грешно, постыдно! Это дар пустой;
И скупость лучше щедрости такой.

Ведь нужно пьяным быть, безумцем стать,
Чтобы богатство предков расточать.

Кто пьет за пиалою пиалу,
Тот погружает разум свой во мглу.

Наследье Сулеймана истребить
Способен див, вино привыкший пить.

Хоть посади на золотую цепь
Безумца — что ему любая крепь?

Сорвется он — не удержать его
Богатствами Каруна самого!

Но меру щедрости, любви, добра
Нельзя измерить мерой серебра.

Цветы тюльпана ветер оборвет,
Но кто же щедрым ветер назовет?

Аллах сказал в Коране: «Пей! Вкушай!»
Но там же сказано: «Не расточай!»

Нет блага в расточенье. И народ
Щедротой мотовство не назовет.

Богатый дарит щедро. Но беда,
Когда не знает сам — кому? куда?

Ты на просящих зорко посмотри:
Тем, кто в нужде,— по их нужде дари.

А ты пресыщенному ставишь стол,
Даришь халат тем, кто и так не гол.

Ты посылаешь лучших скакунов
Владеющему сотней табунов.

Рубины посылаешь в Бадахшан,
Тмин посылаешь в тминовый Керман.

Водою жизни Хызра напоить,
Египет леденцами угостить —

Не все ль равно, что днем зажечь свечу;
Мол, солнцу я помочь светить хочу.

Ночь осыпает мускус с темных крыл,
Чтоб дол земной благоуханным был.

Но тот, кто сытого на пир зовет,
Голодным же ни корки не дает,

Он с тучей схож, что льет поток воды
В горах, поля минуя и сады.

Пропойца жаждет лишь глотка вина,
Ему ж тобой и капля не дана.

Чума настала... Стон вокруг и плач.
Но деньги прячет в тайнике богач.

Есть в мире виды счастья и беды,
И щедрости душевной и нужды.

Не бедствует порода тех людей,
Что бедствуют от жадности своей.

Я проклинаю жадных к серебру,
Что тянутся к народному добру!

О помощи они ли вопиют
Иль наглостью и силою берут,

Коль все удастся им с людей содрать,
Не жалко часть им сотую отдать.

Богач, бесчестно грабя свой народ,
Бесчестно и «дары» ему дает.

Всю жизнь он роет яму. Но кому?
Себе он роет яму самому.

О, стыд! — У беззащитных отнимать
И часть, корысти ради, раздавать!

От грабежа его — народу вред,
А от его раздачи пользы нет.

Не щедр, кто не уделит ничего,
Пока не молят помощи его.

Пусть люди стонут в пропасти нужды,
Он не придет спасать их из беды.

«Он — брат наш!» — прихлебатели кричат.
Но себялюбец — никому не брат.

Ты видел, как базарный чудодей
Бросает шарик в пасть индийских змей?

Свой яд факиру змеи отдают,
Но разве это щедростью зовут?

Тот, чей язык, как пламя, удлинен,
Кто щедростью своею восхищен,

Кто пред людьми своим величьем горд,
Тот, как алмаз, душой жесток и тверд.

Свеча же, ровно озаряя мрак,
Над строчкой ночи свой подъемлет стяг.

Есть у огня достоинство свое —
Железо плавит он, как мумиё.

Пускай заря прекрасна и ясна,
Краса лучами солнца ей дана.

Ты щедрыми людьми зови таких,
Что радуются радости других.

Кто сердцем щедр — богат иль беден он,—
Корысти низкой, зависти лишен.

Он, сострадая, силы соберет
И гибнущих от бедствия спасет.

У океана капли не возьмет,
А свой бальзам страдальцам принесет.

И все, что принял сам, как благодать,
Нуждающимся он готов отдать.

«Что с вами?» — он не спросит никогда,
Сам видит он — где бедность и нужда!

Как нож разбойника — голодных стон;
И все, что есть при нем, отдаст им он;

Для них в горах добудет он рубин
И чистый жемчуг из морских глубин.

Бывает миг: дирхем в руке твоей
Мешка динаров золотых ценней.

Вот щедрый муж: богат иль не богат,
Но всем, что есть, помочь в беде он рад.

Не только деньги бедным он несет,
Скажи — он им всю душу отдает.

Он знает, что дарить добром сердца —
Веленье милосердного творца.

Здесь тайна скрыта: Милосердный сам
Творить добро велит его рукам.

Но тот, скажи, безумен или пьян,
Кто страстью расточенья обуян...

Казну свою, что ты собрал не сам,
Не раздавай, как лепестки ветрам!

Но и не будь скупым; динаров звон
Не прячь в мешок, как в розовый бутон.

Жемчужница, от жадности твоей,
Скрывает перлы в мантии своей.

Ночь поглотила солнца круг златой,
И лик земли покрылся темнотой.

Восходит солнце — и монеты звезд
Ссыпает утро в бездну тайных гнезд.

А осень сыплет щедрою рукой,
Как расточитель, золотой листвой.

Дракон, что на сокровище лежит,—
Поймет ли он, что кровью клад залит?

Когда Бахрам небес заносит меч,
Тому дракону клад не уберечь.

Восстанет небо на тебя с мечом,
Умрешь ты на сокровище своем.

Не зная — кем сражен, рукою чьей,
Омоешь ты лицо в крови своей.

Тогда на жизнь надежду сокруши,
Расставшийся с жемчужиной души.

Вставай же, дверь подвала раскрывай,
Казну свою страдающим раздай!

Зерно засыпал ты в амбар давно,
Истлеет втуне чистое зерно.

Раздай голодным! И взойдет щедрей
Посев на ниве мудрости твоей.

Хоть не посев — зерно, что раздаешь,—
Но все же что посеял, то пожнешь.

Посей добро, и добрый урожай
Сторицею под осень собирай.

Друг, от корыстолюбья отрекись,
Как на посев, на щедрость положись!

Умей отдать, далек от мысли брать.
И лучше уж не брать, чтобы отдать.

Глава XXXI

РАССКАЗ О ХАТАМЕ ТАЙСКОМ

Спросил Хатама некий человек:
«О славный муж, я прожил долгий век,

Но кто же равного тебе найдет,
С тех пор, как ты простер ладонь щедрот!»

Ответил: «Я под сень шатров моих
Созвал однажды всех людей степных.

Чтоб изобильна трапеза была,
Барашков я зарезал без числа.

На том пиру мне душно стало вдруг.
Я вышел в степь, гостей покинув круг.

И на тропе глухой, среди песков,
Увидел старика с вязанкой дров.

Под этой тяжестью сгибался он,
Кряхтя, на посох опирался он.

Вся хижина телесная его
Шаталася от бремени того.

Так, что ни шаг, он тяжело вздыхал
И, останавливаясь, отдыхал.

Я был взволнован видом этих мук
И ласково сказал ему: О друг,

Твой непосилен груз! Тебя язвит
Колючек ноша, как гора обид,

Ты — житель степи — видно, не слыхал,
Что здесь у вас Хатам с шатрами стал,

Что он, дабы в сердцах посеять мир,
Всех, злых и добрых, звать велел на пир?

Сбрось ты колючек ношу с плеч долой!
В цветник добра, на пир идем со мной!

Мое волненье увидал бедняк;
Он улыбнулся мне и молвил так:

«Цепями алчности окован ты,
На шее у тебя — петля тщеты.

На башню благородства никогда
Не вступишь ты — не знающий труда.

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.

И лучше мне трудом дирхем добыть,
Чем от Хатама стадо получить!»

И не сказал в ответ я ничего,
Склонясь перед величием его».

* * *

О Навои! Будь сердцем щедр во всем,—
Да будет сам Хатам твоим рабом!

Дай чашу, Кравчий, щедро нам служи,
Пример Хатаму Тая покажи!

Мы бедны. Не на что купить вино,
Тебе лишь море щедрости дано!

Глава XXXII

ШЕСТАЯ БЕСЕДА О БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ

О устремленный к Истине всегда
Согнувшийся под ношею труда!

Служа добру, пылинкой ты взлетишь,
Глаза высокомерья ослепишь.

Лей слезы отрешения души
От мира! Пламя страсти потуши!

Раскаянье, как пламя, взметено —
И лжи лицо от копоти черно.

О верный, каждый огненный твой вздох
Хирманы лицемерья сжечь бы мог!

А верный, к цели главной устремлен,
Корысти для себя не ищет он.

Дыханье сил он сам в себе найдет,
Опору крыл растущих обретет.

Проверь запас твоих духовных сил,
Ты — что на путь искания вступил.

Ты неуклонно путь свой проходи,
И в скромности достоинство блюди.

Навруза месяц согнут, но потом
Как он сияет в торжестве своем!

Лук для стрелы свой изгибает стан,
Но славу возгласил ему Коран.

Согнул над миром спину небосвод,
Но дел мирских ему подвластен ход.

Двойной дугой изогнут лук бровей —
За них ты жертвовал душой своей.

Происхожденьем знатным не гордись
И преходящей славы устыдись.

И пусть твой стыд дождем живых щедрот
На пажити безводные падет!

Но непристоен будет здесь вовек
Гордящийся собою человек.

И первый признак неприличья — смех,
Когда вокруг беда, нужда и грех.

Вот засмеялся и загуркотал
Нагорный голубок — и в сеть попал.

Тюльпан расцвел и смехом засиял
И лепестки по ветру растерял.

Блеснула в ливне молния, смеясь,
И цвет тюльпана превратила в грязь.

Рассвет, смеясь, жемчужницу раскрыл,
А полдень в пепел жемчуг превратил.

Когда бесстыдный смех гремит вокруг,
Тогда я молча слезы лью, мой друг.

В ночи свеча в слезах светлей горит,
А смех цветов под ветром облетит.

Так смехом молний в землю бьет гроза,
Но перлом станет облака слеза.

И пьяница, отверженный от всех,
Слезой расскаянья смывает грех.

Не засмеется мудрый никогда
Под каплею из облака стыда.

Как хор лягушек — хохот шутников,
Их шутки — род лягушечьих прыжков.

Кто стал шутом наперекор судьбе,
Пусть щеки сажей вымажет себе.

Слова шута — бессмыслица и ложь,
Он сам себе в язык вонзает нож.

Смеша приклеенною бородой,
Он сам глумится над самим собой.

За деньги шуткой шут послужит всем,
Он за пощечину берет дирхем.

Сова — ночная хищница, а днем
Всем птицам кажется она шутом.

Цыган, дабы добыть свой хлеб дневной,
Горланит, ходит книзу головой.

Когда б имел хоть каплю он стыда,
Так не унизился бы никогда.

Чуть над землей заблещет солнца стяг,
Уходят знаки звезд в подземный мрак.

Шут болтовней в ночи гуляк смешит,
А днем слова, обдумав, говорит.

Лиса смешна в уловках; а на льва
Идут селеньем всем — гласит молва.

О том же, что всегда в народе чтут,
Что честью и достоинством зовут,

Скажу: две эти степени верны,
Но не во всякой степени равны.

Воздай царю и воинству его
По сути и достоинству его.

Но коль рабу покорность явит хан,
Сам на себя наденет он аркан.

Ты кланяешься нищему,— зачем?
Довольно, если дашь ему дирхем.

Пред юношей с поклоном не вставай,
Достоинство свое не унижай.

Умей нести достоинства печать,
И всем — по их достоинству — воздать.

Тебе в служенье некто подчинен,
И от тебя во всем зависит он —

Ты не гони его, не угнетай,
Сочувствуй, в трудном деле помогай.

Заветам правды слуг твоих учи,
Открой им справедливости ключи.

Над подчиненными держи надзор
И знай: их беззаконье — твой позор.

И все злодейства их твоим грехом
Предстанут перед будущим судом.

Но от нужды избавь твоих людей;
Прожиток их — за пазухой твоей.

Ты их руководи во всех делах,
Пускай за совесть служат, не за страх.

Блюди тебе доверенную часть,
Возмездия грядущего страшась.

И честь семьи — твоя, во-первых, честь,
Коль у тебя семья и дети есть.

Ты породил детей, но должен знать,
Как с малых лет им воспитанье дать.

Нисана [24] капля пала в перламутр —
И стала перлом, ярче вешних утр.

Ты должен хорошо детей наречь,
Чтоб их потом насмешкам не обречь.

Ведь имя — счастья знак и знак обид,—
Не зря: один — «Хусейн», другой «Язид».

Вторая цель твоя на том пути —
Достойного учителя найти.

Потребна дичь, которую принес
Охотничий твой обученный пес.

Как сыну твоему невеждой быть,
Когда ты пса умеешь обучить?

Жалей дитя, оберегай от бед,
Но в нежности чрезмерной — явный вред.

Святое уважение к своим
Родителям пускай владеет им.

Великим уваженье быть должно
К тому, кем благо жизни нам дано.

Главу свою перед отцом склоняй,
А сердце матери своей отдай.

Свободы, счастья хочешь ты искать?
Пускай благословят отец и мать.

Пускай отец — Луна и Солнце — мать
Тебе дорогу будут озарять.

Блюди всегда предуказанья их,
Не преступай предначертанья их.

Пред ними ты свой стан, как «Даль», согни
И знай: твои хранители — они.

А к страждущим на жизненном пути
Долг милосердья высшим долгом чти.

Ты помогай везде, где можешь, сам
Голодным, бесприютным беднякам.

Коль старше муж тебя — ему служи,
А если младше — помощь окажи.

Долг уваженья к людям не забудь:
С ровесником своим умерен будь;

Чрезмерного почтенья не являй
И грубостью отнюдь не оскорбляй.

Есть мудрость в изреченье золотом:
«Средина — мера лучшая во всем».

Дари добро вниманья своего
Любому — по достоинству его.

Когда по воле неба, может быть,
Царю ты удостоишься служить,

На этой службе не жалей трудов,
Но только царских избегай пиров.

Они души твоей не утолят,
В напитке царственном — змеиный яд.

Таит величье тысячу обид,
Цветеньем розы куст колючий скрыт.

Безумец пламя за цветник сочтет,
Но от ожогов кто его спасет?

Вот тянется ручонкою своей
Дитя к змее, не зная свойства змей.

Отборный жемчуг ловится подряд
К беде,— жемчуголовы говорят.

Вот в чем опасность службы царской, друг:
Жемчужин горсть ничто пред морем мук,

Свой путь подальше от царей держи,
А лучше — им и вовсе не служи.

Кто истину несет в себе самом,
Тот в царстве духа будет сам царем.

А если по неволе служишь ты,
Беги — когда по воле тужишь ты.

Хочу, коль ты способен все понять,
О положенье нынешнем сказать.

Коль должен ты служить, служи — иди,
Но здесь мои советы затверди:

Во-первых: к делу ревностью горя,
Не спорь напрасно с волею царя.

А во-вторых: в служении своем
Будь скромен, руководствуйся умом.

И в третьих: не промолви прямиком
Ни доброго, ни злого ни о ком.

В-четвертых: проходя свой трудный путь,
Со всеми ласков и приветлив будь.

Но тот блажен, кто будет в стороне
От этой службы, тягостной вдвойне...

А тем, кто служит честно, тьма обид
Звездой удачи изредка блестит.

Все это ложь, беспомощный мой друг!
А правда в том, что ты внезапно, вдруг

Все бросишь сам и всем пренебрежешь,
И в вдаль — к рабату [25] бедности — уйдешь.

И там свою гордыню победи,
Даров судьбы твоей покорно жди.

Бессмертной вечной воле покорись,
Как стебель травяной к земле склонись.

Все горе вынеси, что рок пошлет,
Как горы на себе земля несет.

И град камней бестрепетно прими,
В грозе фиалкой стан свой распрями.

В беде покорствуй, верности держись
Духовного смятенья устыдись!

И силу и величье обретешь
И к вечной цели верный путь найдешь.

Глава XXXIII

РАССКАЗ О СТЫДЛИВОСТИ АНУШИРВАНА

В дни юности своей Ануширван [26]
Любовным был недугом обуян.

Он от любви своей изнемогал,
Но в тайне ото всех ее держал.

И, мукою великой истомлен,
Свиданья, наконец, добился он.

В дворцовом цветнике, в тени ветвей
Он встретился с возлюбленной своей.

И руку он к любви своей простер;
Но, видя, что глядит она в упор,

Он прочь отдернул руку, устыдясь.
Она спросила: «Что с тобою, князь?

Ты руку протянул и прочь убрал?»
И так Ануширван ей отвечал:

«Не суждено мне счастье в этот час,
Огонь мой пред нарциссами погас!»

Вот так не перешла своей черты
Стыдливость юношеской чистоты.

Нарциссы глаз своих склонил в слезах,
Ушел, и от любви отрекся шах.

Иной огонь светил уму его.
И по величью духа своего

Владыкой он непобедимым стал,
Мир справедливостью завоевал.

* * *

О Навои, все души страсть влечет,
Но чистота — величия оплот.

Эй, Кравчий! Скромно кубок наполняй,
Девятикратно кланяясь, подай!

Чтоб сам тебе я молвил: «Друг, испей!»
Вина уронишь каплю — не жалей!

За каплю девять чаш я выпить рад,
Прольешь — я выпью тридцать чаш подряд.

Глава XXXIV

СЕДЬМАЯ БЕСЕДА О ВОЗДЕРЖАННОСТИ

Счастлив мудрец, воздержанный во всем,
Пусть он слывет в народе богачом.

Но все богатство, скопленное им,—
В довольстве положением своим.

Не будет никогда расточена
Духовного сокровища казна.

Корыстолюбье — нищенская часть,
Страсть накопленья — нищенская страсть.

Ты к нищим приравняй царя-скупца,
Царем считай дервиша-мудреца.

Нет, царь не тот, кто горд своим венцом,
А тот, кто не нуждается ни в чем.

Царь птиц — Анка [27], довольство же: «кане» [28],
Ведь буквы в начертанье их — одне.

Удод — в венце, но он не стал царем;
От жадности он стал простым гонцом.

В венце плясун базарный, словно шах,
Но пляшет он, нуждаясь в медяках.

В пыли подачку подбирает он,
Пред низким в пыль венец бросает он.

В величье духа, правду говоря,
А не в венце — достоинство царя.

Дервиша в рубище и колпаке
Зови царем: он мир несет в руке.

Не хочет он казною обладать,
Но целый мир, как дар, готов отдать.

Тем, кто державой духа овладел,
Нет нужды до людских ничтожных дел.

Тот, кто путем воздержанных идет,
Сокровище довольства обретет.

А ты, богач, богатством не гордись,
В воздержанности мудрой утвердись!

Громадно небо, но ему одно
Светило дня прекрасное дано.

А ночью на груди его луна
Для равновесия утверждена.

Взгляд человека светел от того,
Что двух бровей михраб хранит его.

У нас во рту зубов два ряда есть,
Чтобы могли мы пищу нашу есть.

Ушедший от корысти и тщеты,
Найдешь в необходимом счастье ты.

Несут страданье перлы для ушей.
Но слово знанья — перлы для ушей.

Ушные мочки злато тяготит,
А ногу золотой сапог теснит.

От мудрых тонких слов ушам легко,
В просторной обуви ногам легко.

Коль жаждущий увидит водоем,
Он черпать воду рад и черепком.

Свежа в кувшине глиняном вода,
Золою чистят зеркало всегда.

Пусть рукоятка не позлащена,
Была бы медь зеркальная ясна.

Ведь жаждущий, склоняясь над водой,
Не думает о чаше золотой.

Голодный, черствой корке рад в беде,
Подумает ли о живой воде?

...Пресыщенный богач, не знавший бед,
Решил задать диковинный обед.

В плов повара, рабы его причуд,
Взамен моркови, золото кладут.

Взамен гороха — горсти жемчугов,
А изумруды — вместо огурцов.

А коль взамен лепешек нам даны
На блюдах отражения луны,

Коль пищу, вместо зелени простой,
Осыплют драгоценной бирюзой,

От яств таких кому какая честь?
Любой голодный их не будет есть!

Не могут зубы жемчуг разжевать,
Зуб можно о жемчужину сломать

А если ты проглотишь изумруд,
То грани камня горло обдерут.

Обида для гостей — такой обед,
Позор для богачей — такой обед!

Желудку жемчуг не переварить,
Уж лучше жемчуг людям раздарить!

Такая пища людям не нужна,
Такая расточительность грешна.

А расточитель будет брошен в ад
За всю чрезмерность бесполезных трат.

Пусть ты богат несметно, как Карун,
Пусть ты великий царь, как Фаридун,

Ты не растратишь из-за пустяков
Сокровища заветные отцов!

Не трать сто тысяч там, где хватит ста,
Не то тебя постигнет нищета.

Дай хлеб голодным, платье дай нагим,
Попросят десять — выдай сотню им.

И сам умерен будь, как честь велит
Тогда народ и бог тебя простит.

А если человек, хоть беден сам,
В расходах подражает богачам,

Примером расточенья увлечен,
Богатство жизни расточает он.

Бедняк! Во всем сравняться с богачом
Стремится он в безумии своем.

Но, плетью клячу жалкую гоня,
Обскачешь ли Рустамова коня?

На нем халат последний может быть,
А людям хочет он парчу дарить.

В петле тщеславья делая круги,
Он залезает по уши в долги.

А чтобы долг просроченный отдать,
К ростовщикам он должен прибегать.

Потратит все, и вновь с пустой мошной...
Скажи: он сам свой дом сровнял с землей.

Долги платить не в состоянье он,
Беда кругом, ему грозит закон.

Он плачет на пороге у друзей,
Но слезы не разжалобят людей.

И остается — пред судом предстать
Или тайком из мест родных бежать.

От безрассудства с ним произошло
Несчастье, разорение и зло.

А кто воздержан, тот — храним судьбой —
Такой беды не знает над собой.

Два медяка, добытые трудом,
Надежней злата, данного царем.

И лучше есть лапшу без катыка,
Чем ждать подачкой сладкого куска.

После труда поденщик отдых свой
Вкушает со спокойною душой.

Он во сто раз счастливее того,
Кто стал рабом тщеславья своего.

О ты, что обуздать пристрастья смог,
В тебе самом — возвышенный чертог!

Полюбоваться ль хочешь на цветы,
Цветник небес обводишь взглядом ты.

Небесный свод, воздвигнутый творцом,
Как синий купол над твоим дворцом.

Сиянье радуг арками ворот
В твоем чертоге подпирает свод.

Блистает солнце розою твоей,
Горит луна свечой твоих ночей.

И звезды, чьи дороги высоки,
Кружатся над тобой, как мотыльки.

Счастлив сумевший стать самим собой,
Смиривший страсть железною уздой!

В нем вся вселенная заключена,
Сокровищница памяти полна.

Коль жаждет он великое свершить,
Коня ему не нужно торопить.

В золе и в искрах — в блеске их игры
Он видит бездны, звездные миры.

Но целый мир в глазах его — обман,
Небесный лотос для него — саман.

На царский не сменяет он дворец
Лачугу, где царит покой сердец.

Порой, куска насущного лишен,
Питаться кровью сердца будет он.

Пусть горький корень он в пути найдет,
Он будет есть его, как чистый мед.

Растрескаются пятки ног его,
Но он пути не бросит своего.

Пускай разорвана его хырка.
Прославит он дыханье ветерка.

Сокровище души не бросит в грязь
И на парчу не поменяет бязь.

Пусть хижина его лучом луны
Озарена сквозь трещины стены;

Пусть ветер ночи, свой стремя полет,
Дыханьем стужи дверцу распахнет;

Пускай в лачуге трещины вокруг
Завесой скрыть пытается паук;

Пусть камень под усталой головой
Считает он подушкой пуховой;

Пусть ночью зимней у себя в углу,
Дрожа, он зарывается в золу;

Пусть летом, в чуждые придя места,
Он прячется от зноя в тень моста;

Коль в нищете богат он, как Карун,
А в бедствии велик, как Фаридун,

Коль он воздержан, а в душе своей
Богаче самых славных богачей,

Тогда он в мире солнцем заблестит.
Корысть души высокой не прельстит.

Без страха он воспрянет в день Суда,
От мук освобожденный навсегда.

Под вечным светом ляжет тень его
На диск блестящий солнца самого.

Кто рад дарам Аллаха, тот всегда
Счастлив — без мук напрасных и труда.

А кто корыстью низкою живет,
Тот в пропасти безвестной пропадет.

«Воздержанные, вам — гласит аят —
Сады блаженств и славы предстоят!»

Глава XXXV

РАССКАЗ О ЮНОШАХ— НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОМ И АЛЧНОМ

От бедности два друга в старину
Пошли пешком из Фарса в Чин-страну.

Один смиренно гнет судьбы терпел,
Другой богатства, почестей хотел.

И вот на некий горный перевал
Взошли они. И камень им предстал

Утопленный в земле; а над землей
Он высился обтесанной плитой.

И надпись, врубленную долотом,
Увидели они на камне том:

«Кто б ни пришел когда-нибудь сюда,
Пусть, не жалея силы и труда,

Подроет камень и перевернет.
На нем он указание прочтет,

Что есть вблизи забытый харабат,
И там, среди руин, закопан клад.

А кто меня, не тронув, обойдет —
Богатство в бескорыстье обретет!»

И взволновался алчный, не тая,
Как в нем свирепа жадности змея.

Стал рыть он землю, руки в ход пошли,
Чтоб выворотить камень из земли.

А бескорыстный молвил: «Никогда
Такого я не начал бы труда!

Не лучше ли, чем душу изнурять,
Своим душевным кладом обладать?

А если бог захочет одарить,
Он может скалы в щебень сокрушить!»

Так он сказал и путь свой продолжал,
А на рассвете город увидал.

Открылись створы городских ворот,
И он вошел под их высокий свод.

Когда ж вошел в ворота, вкруг него
Столпились люди города того.

А в той стране обычай бытовал:
Когда глава державы умирал,

С утра к воротам выходил народ;
И первого, кто в город их войдет,

Они венчали золотым венцом
И над собою ставили царем.

Вот так в цари скитальца, бедняка,
Избрали горожане и войска.

А спутник, лютой жадностью объят,
Рыл землю, чтобы найти желанный клад.

И наконец, смертельно изнурен
Ту глыбу камня выворотил он.

И прочитал: «Кто за мечтой идет
Несбыточной, тот — в бездну упадет».

Так бескорыстный странник стал царем,
Корыстный же остался бедняком.

* * *

О Навои, корысти устыдись,
Добром последним с бедным поделись.

Эй, Кравчий мой! Я жаден лишь к вину,
Оно смывает алчность, как вину.

Я выпью, чтоб на жизненном пути
Престол в стране смиренья обрести!

Глава XXXVI

ВОСЬМАЯ БЕСЕДА О ВЕРНОСТИ

У неба — девять золотых ларцов,
А в каждом — сотни тысяч жемчугов.

И каждый перл — подобие свечи,
Что нежный свет жемчужный льет в ночи.

Тот жемчуг выше чтит душа моя
Глубин жемчугоносных бытия.

Мы называем «Небом» Море Сил,
Где неисчерпны россыпи светил.

И все они по чистоте равны,
Как жемчуга, которым нет цены.

Все несравненны — с чем их ни сравни,
Все непостижны разуму они.

Где ищешь перл один — там сто лежат,
Где ищешь сто, отыщешь мириад.

Но есть на дне жемчужина одна,
Чьим блеском эта глубь озарена.

Вселенную пронизывает свет
Жемчужины, которой пары нет.

Ты спросишь: «Как жемчужину зовут?»
В ответ чистосердечные вздохнут

И скажут: «В день творенья названа
«Жемчужиною верности» она!

Она — единственная, как Анка,
Она — средь нас, хотя и далека...

Подобна блеском солнцу. Пыль на ней –
Татарский мускус в волосах ночей.

Кто ею овладеет,— не таю,—
Опасности подвергнет жизнь свою.

Кто в руки ту жемчужину возьмет,
Свой век в труде и муке проживет.

Но, в преданности искренней тверда,
Она тебя не бросит никогда.

Она любовь являет всем живым —
Возвышенным, и низменным, и злым.

Так Солнце Мира светит всем равно,
И для того оно сотворено.

Весенний ливень каплею любой
Рождает перлы в глубине морской.

Цветы не знают, украшая сад,
Что всех благоуханием поят.

Огонь не знает, что тепло дарит,
Вино не знает, что оно пьянит.

И тот, кем жемчуг верных обретен,
Поймет, что ничего не знает он.

Хоть перлу верности и нет цены,
Ему и свойства низкие даны:

Кто этот перл несет в груди своей,
Тот примет на голову град камней.

Кто вечно верен другу своему,
Тот истомится мукой по нему.

Чем плодоносней ветвь, тем больше ей
Достанется и палок и камней.

Чем жила рудная в горах щедрей,
Тем глубже ходы прорубают к ней.

Тот, для кого в ночи свеча горит,
Ей голову урезать норовит.

И, наконец, когда блеснет восток,
Он пальцами потушит огонек.

Любовью к людям солнце дня полно,
А ночью под землей утаено.

Как свет — слова, что начертал калам,
Но от чернил сам черен стал калам.

К темничной яме наклонился день,
Но там и в полдень непроглядна тень.

С тех пор, как звезды всходят над землей,
Мир перед ними как старик хромой.

Неужто же любви, что так сильна,
Глухая безответность суждена?

Ужель награды, кроме боли, нет
Тому, кто мотыльком летит на свет?

И неужель услышит лишь упрек
Тот, кто всю душу верности обрек?

Ты гостю подаешь вино и мед,
За что ж он в кубок твой отраву льет?

Вот розы в знак любви приносишь ты,
Не розы — сада райского цветы.

А друг в ответ колючками дарит,
Чей каждый шип и ранит и язвит.

Где человека средь людей найти,
Коль так у них искривлены пути?

Где человека средь людей найти?
С кем разговор от сердца повести?

Где друга верного отыщешь? Где?
Когда ты в притесненье и нужде?

Чтоб он хоть посочувствовал тебе,
Когда ты предан гибельной судьбе!

Чтобы пред ним ты душу облегчил,
Под тяжестью мирской влачась без сил:

А кто в беде на жизненном пути
Не может друга доброго найти,

Чей рот, как дратвой, тайною зашит,
Кто в сердце копит горе — и молчит,

Сгорит от горя одинокий тот,
Костром истлеет, дымом изойдет.

Пусть тело рана старая томит,
Трудней тому, кто боль в душе таит.

Печаль дохнет, как ураган грозна,
Хирман его развеет — до зерна.

Да шлет тебе дыханье бытия
Жизнь, как подруга верная твоя!

Неверную подругу надлежит
Со свечкою сравнить, что не горит;

Сравнить с сосулькою, когда она
Способности горенья лишена.

Но жизнь — подруга верная твоя,
Когда с тобою верные друзья.

А тот, кем добрый друг не обретён,
Жемчужница — но жемчуга лишен.

Не сможет одинокий человек
Свой долг исполнить и за долгий век.

Один — перед лицом земных щедрот,—
Он счастья в этом мире не найдет.

Горит очаг, коль два полена в нем;
От головешки — дым над очагом.

Столба в жилище мало одного,
Прогнется кровля радости его.

Когда орлу крыло стрела пронзит,
Как на одном крыле он полетит?

Двух игроков для нардов надо брать,
Одною костью в нарды не сыграть.

Кресалом не ударив, из кремня
Не вырубишь ни искорки огня.

Но трут кресало с камнем запалят,
И целый мир сияньем озарят.

Коль заострен калам и расщеплен,
Тогда в руке умелой пишет он.

И кто бы выстрелить из лука мог,
Когда у лука надломился рог?

Жемчужина полуденных глубин
Красивей, если рядом с ней — рубин.

Бедняк, когда он дружбою богат,
Счастливей обитателя палат.

А у царя, лишенного друзей,
Тоска на сердце камня тяжелей.

Несчастье, громом грянувшее вдруг,
Не устрашит, когда с тобою друг.

Как верхний камень замыкает свод,
Так дружба — счастья истинный оплот.

Вот свойства друга. Но, увы! Взгляни —
Таких не существует в наши дни!

А если есть, то где его найти
В людском потоке, на земном пути?

Быть может, он средь ангелов живет,
Но как достигнешь ты его высот?

Не будет пери другом никогда,
Ведь пери человечности чужда.

Тебе подобных пери я видал,
Но верности у них не наблюдал.

Нет, верность ты ищи в сердцах людей,—
Хоть это, может быть, всего трудней.

Коль встретишь верность, обойдя весь свет.
Произнеси: «Победы близок свет!»

И сонмы духов неба в этот час
В слезах воскликнут: «Да не сглазят вас!»

Кто встретил верность на тропе мирской,
И сам да будет верным всей душой.

О свежий ветер, веющий в ночи,
Мой вздох горящий до нее домчи!

Как вихрь, над головой ее кружи,
Ей о моих мученьях расскажи!

Шепни, что на пути далеком к ней
Я жертвовать готов душой своей!

Из цветника ее хоть лепесток
Сорви и принеси на мой порог.

О ветер ночи, будь моим гонцом,
Поведай ей о бедствии моем!

К ногам ее склонись и ей служи,
Заботливо, любовно поддержи!

Не будь, как предрассветный ветерок,
Рассеянным, что к полдню изнемог.

Будь смелым, ветер, веющий в ночи,
Лети, шумя крылом, труби, кричи!

И от меня скажи ей: «Ты одна
Из воздуха и света соткана!

О, долго ль встречи мне с тобою ждать?
Конца разлуки нашей не видать!

Тюльпаном был я на горах тоски
И растерял под ветром лепестки...

Душа изнемогла, душа больна,
Ремнями смерти скручена она.

Степные дали я пересекал,
Нигде пути к тебе не отыскал.

Нашел одни страданья, клад ища,
И жизнь моя по-прежнему нища.

Я был обманут маревом степным.
Бреду в пустыне, тернием язвим.

Найти мне розу счастья не дано,
Зато шипами сердце пронзено.

Тот, для кого я не жалел души,
Злоумышлял против меня в тиши.

Тот, кто надеждой был души моей,
Низверг мне на́ голову град камней.

О друг, не сотня мне голов дана!
Камней ведь — сто, а голова — одна.

Примчись ко мне на крыльях на ветру,
Иначе будет поздно, я умру.

Коль с караваном, по пескам степным,
Ты двинешься к развалинам моим,

Не медли, весть мне с голубем пошли,
Водою Хызра жар мой утоли!

Чтобы навстречу вышел я тебе,
Исполнен благодарностью судьбе.

Когда в слезах тебя увижу я,
Мой первый дар тебе — душа моя.

И слезы вновь исторгнутся из глаз,
При виде счастья, пусть в последний час.

Но коль не будет это мне дано
И солнце встречи мне не суждено,

Тогда искать мне дальнего пути,
В страну за гранью времени идти.

Но тот, кто выпил верности фиал,
Тот и блаженство высшее познал.

Кто это чувство разделил со мной,
Я знаю сердцем: избранный такой

Всю жизнь свою любимой посвятит
И для нее души не пощадит.

Он девяти небес подымет гнет
За каплю счастья от ее щедрот.

Кто верности жемчужину найдет,
Ее он миром вечным назовет.

Он сердце должен для любви открыть.
Благословлять ее, благодарить.

О, если счастья удостоюсь я,
На лоне мира успокоюсь я!

Благодарить любовь я буду рад
Всем, чем по воле судеб я богат.

А те, чьи души искренне верны,
Таким сокровищем награждены,

Что если небо в свиток превратить,
На нем рассказ о них не уместить!

Глава XXXVII

РАССКАЗ О ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ

Слыхал я: четырех улусов хан,
Эмир Тимур, великий Гураган,

Повел войска железною рукой,
И, в Хинд войдя, жестокий принял бой.

Удачи неизменная звезда
Ему дала победу, как всегда.

А чтобы не могли враги восстать,
Велел он всех индийцев убивать.

И там он столько жизней погубил,
Что кровь убитых потекла, как Нил.

Отрубленные головы горой
Лежали над кровавою рекой.

Там не было пощады никому,
Настала смерть живущему всему.

Шел некий воин — весь окровавлен,
И двух влюбленных бедных встретил он,

Готовых вместе молча смерть принять;
Им негде скрыться, некуда бежать.

Убийца воин обнажил свой меч,
Чтобы мужчине голову отсечь.

Но заслонила женщина его
И так молила воина того:

«Ты хочешь голову? — мою руби,
Но пощади его и не губи!»

Убийца воин повернулся к ней,
А друг ее вскричал: «Меня убей!»

И вновь убийца двинулся к нему,
И вновь предстала женщина ему.

Тот со стальными пальцами барлас
Разгневался: «Убью обоих вас!»

Занес он меч над жертвою своей,
А женщина кричит: «Меня убей!»

Мужчина же: «Меня убей сперва,
Чтоб лишний миг она была жива!»

Так спорили они наперебой,
Под меч его склоняясь головой.

Угрюмый воин медлил. Между тем
В толпе раздался крик: «Пощада всем!»

Спешил глашатай войску возвестить,
Что царь велел убийства прекратить.

За жертвенность, быть может, тех двоих
Рок пощадил оставшихся в живых.

* * *

О Навои, и ты любви своей
Пожертвуй всем, души не пожалей!

Дай чашу, Кравчий, если ты мне друг
И в чистой радости и в море мук.

Я задыхаюсь, мне исхода нет.
Врачуй! Исполни верности обет!

Глава XXXVIII

ДЕВЯТАЯ БЕСЕДА О ПЛАМЕНИ ЛЮБВИ

Когда прекрасный жизненный восход
Нас напоит вином своих щедрот,

Веленьем вечной мудрости дыша,
Как сад Ирема, расцветет душа.

Скажи: не сад, что насадил Ирем,
А гурий обиталище — Эдем.

Там птицы в яркой зелени ветвей
Рассказывают сотни повестей.

В чудесном том саду цветок любой
Сияет, блещет полною луной.

Там цвет необлетающий горит,
Как лепестки блистающих ланит.

Растет самшит вечнозеленый там,
Как стан прекрасный — юношески прям.

Там — завитки сунбула и лилей
Подобны кольцам мускусных кудрей.

А вертограда несказанный лик —
Не солнца ль ослепительный родник?

Прекрасен лик! И зной и влага в нем.
Схож подбородок с водным пузырем.

Нарциссы глаз берут сердца в полон,
Зовут уста — смеющийся бутон.

Листва в движенье, как лицо, живет,
На ней роса — благоуханный пот.

Подобной красоте сравненья нет,
Предела чувству изумленья нет.

Но сквозь нее провижу я черты
Непостижимой, высшей красоты.

Весною ранней в сень родных ветвей
Из-за морей вернулся соловей:

И розу новую он увидал
И, захлебнувшись страстью, зарыдал.

Все ярче блещет розовый цветок,
Как разгорающийся огонек.

Огонь горит в сердечной глубине,
А соловей сгорает в том огне.

Все глубже чары розы; все сильней
Печаль певца, гремящего над ней...

Когда рассвет над миром засиял,
Так соловей защелкал, засвистал,

Такой он поднял звон, и гром, и крик,
Что зашумел, проснулся весь цветник.

Когда сгоришь, поймешь ты, может быть,
Что значит быть любимым и любить.

Любовь смятенья смерч несет уму,
И чужд влюбленный сущему всему.

А кудри несказанной красоты
Арканами крутыми завиты.

Живой огонь любви с пожаром схож;
Всю землю охватил его грабеж.

Огонь бушующий неукротим;
Все небо — дым и искры перед ним.

И пери с неба падают без сил,
Как мотыльки, спаливши перья крыл.

И разума чело омрачено,
Дыхание рыданьем стеснено.

Из-за любви, чья власть сильней судьбы,
Черны одежды светлой Каабы.

Вином любовным Будда опьянен,
Прекрасный лик румянцем озарен.

Лист за листом — любовь Коран сожгла,
В костер его подставку унесла;

Она святую Веру в плен ведет,
Мечеть во власть неверным отдает.

На пса напяливает тайласан [29],
Где шит по шелку золотом тюльпан.

Она велит: «Святой Инжил [30] читай,
Кумир гранитный Буддой почитай!»

Она в мечети продает вино,
В михраб молящимся несет вино.

Она огни, как розы в цветнике,
Ночами зажигает в погребке.

Сады не знают — как они цветут,
Кувшин не знает — что в него нальют.

Шипами роз душа уязвлена,
Опьянена дыханием вина.

Из-за любви пути ума темны,
Противоречий спутанных полны.

Невежество над знаньем восстает
И как безумца в даль степей зовет.

Огонь любви безумной... разум твой
Сгорает в нем соломинкой сухой.

А сердце! — как в печи плавильной, в нем
Любовь горит бушующим огнем.

Но сердце, где огонь любви возник,
Бесценно, как рубиновый рудник.

А если нет любви — зачем она,
Вселенная? Зачем и жизнь нужна?

Любовь — душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.

Любовь — волшебный камень. Шах времен
В невзрачную кочевницу влюблен.

Любовь — алмаз: а сердца твоего
Вместилище — шкатулка для него.

Ты сердце зодиаком назови,
Когда, как солнце, ярок свет любви...

Не солнце, а пылающий огонь,
Живой, всепожирающий огонь!

Телесный строй — надежный, словно дом,
Испепеляется ее огнем.

Страсть красота рождает. Так в ночи
Горит костер от огонька свечи.

Сколь ни желанна красотой своей
Любимая, огонь любви сильней.

Так в горле соловья тоска звонка,
Что превосходит силу чар цветка.

Костер дымит, но ты его разрой —
И к небу вихрь взовьется огневой...

Когда огонь великий налетит,
Не только жизнь — он целый мир спалит.

Смягчается жестокий ум тогда,
Как в горне расплавляется руда.

Аскетов сонм смятеньем обуян,
Как вспыхнувший от молнии саман.

Та сила так сильна, что слон пред ней,
Как под ногой слоновьей — муравей.

Кто скажет: «Я влюблен!» — не верь ему.
Не каждый верен чувству своему.

Кто ищет только внешней красоты,
Томим тоской душевной пустоты,

В нем огонек и брезжит, может быть,—
Но на свече булат не размягчить.

В нем горя нет. Но так он лгать привык,
Что — как от горя — рвет свой воротник.

Его дела и видимость — обман;
Лицом он — ангел, а душой — шайтан.

Он — светоч верности; но посмотри —
Какую мерзость он таит внутри.

Он у любимой требует всего,
Дабы алчба насытилась его.

Великой жертвы требуя, он рад
Дождю им не заслуженных наград.

Святую плоть — благоуханней роз —
Он восхваляет — искренне, до слез.

Его письмо — украшен и цветист,
Но полон подлой ложью каждый лист.

Как фонаря волшебного стекло,
Он чист; а за стеклом — обман и зло.

Когда б подобный лжевлюбленный мог
Мне встретиться — его б я вживе сжег!

Нет, истинно влюбленный — лишь такой,
Кто чист очами, речью и душой,

Сгорающий в огне сверхбытия
И, все познав, отрекшийся от «я».

Он боль скрывает, но поблекший лик
Лишь слезы омывают, как арык.

Он исхудал, как нитка, он больной;
Суставы, как узлы, на нитке той.

Он на плечах костлявых сто скорбей,
Влачит — вьюков верблюжьих тяжелей.

Как в слове «дард» согнулась буква «даль»,
Согбенный болью, он плетется вдаль;

И язв не счесть на теле у него,
Как звезд не счесть у неба самого.

Его порывистый горящий вздох
Рождает в небесах переполох.

Оборванные — в тысяче заплат —
Его рубаха и его халат.

Он однолюб и славы чужд земной,
Душой стремится он к любви одной.

Он, сердцем чужд навек иных забот,
Речений праздных не произнесет.

И, в изумленье, созерцает он
Одну, чьим взглядом дух его пронзен.

Взгляни: то не слеза — рубин горит
На желтизне его худых ланит.

Куда б ни глянул — вдаль, иль в высоту,-
Везде одну он видит красоту.

Любуясь блеском образа того,
Себя он забывает самого.

Лишь искренне влюбленному дано
Блаженного познания вино.

Лишь тот самозабвенно опьянен,
Кто красотою вечною пленен.

Не будь отшельником, в миру живи,
Но не гаси в себе огня любви!

Пусть в том огне душа горит всегда,
Пусть тот огонь не гаснет никогда!

Быть может, здравомыслящих собор
Ему суровый выскажет укор,

Блаженства райские начнет сулить,
Чтоб жар безумья в сердце остудить.

И вот он их послушает... А там
Пойдет черед молитвам и постам.

Начнет он раны сердца врачевать,
Обломки стрел из плоти вырывать.

И птицу тела, словно западней,
Накроет он суфийскою хыркой.

Но в том затворе истомится он,
И на свободу устремится он.

И садом, что цветеньем обуян,
На загородный выйдет он майдан.

Нарядных всадников увидит строй
За конным состязаньем иль игрой.

Увидит скачущую на коне
Красавицу, подобную весне.

Огнем вина пылает цвет ланит,
Султаном роза на чалме горит.

Сравни с пожаром эту красоту,
Или — с гранатной веткою в цвету.

Как страж индийский — родинка у ней,
Глаза бездонной пропасти черней.

А брови — словно лунных два серпа;
Увидев их, теряет ум толпа.

То два убийцы — скажешь ты — сошлись,
На злое дело вместе собрались.

А над бровями родинки пятно —
Над буквой «нун» укропное зерно.

Спадают кудри черною волной,
Подобные кольчуге боевой.

А уши — тюркский воин на коне
Красуется в блистающей броне.

Глаза, где обольщенье и обман,
Сжигают благочестия хирман.

И не от дыма ль огненных зениц
Черней сурьмы густая сень ресниц.

От этого огня, от этой тьмы
Вселенная одета в цвет сурьмы.

На розовых щеках сверкает пот,
Как амбровые капли вечных вод.

Сквозит пушок над верхнею губой,
Как травка над рекой воды живой.

Цветастым шелком стан высокий скрыт,
Как вьющимися розами самшит.

И как струя небесного огня,
Как молния — полет ее коня.

Она сама, как солнце на коне,
Блистающее в синей вышине.

Парчовый заткнут за пояс кафтан,
Цветут шальвары, как цветок савсан.

Сверкает радугой узор платка,
А покрывало легче лепестка.

Цветок багряный на чалме горит,
Цветок тюльпана к тополю привит.

Вот чар волшебных сила, о душа!
Вот он — цветник Халила, о душа!

Творенье неба лучшее — она
Непобедимой нежностью сильна.

Суровый содрогнется человек,
Когда она вблизи стремит свой бег.

Когда проскачет конь ее, пыля,
Пред нею рухнут небо и земля.

Где, словно див, ее промчится конь,
Объемлет души ангелов огонь.

Скажи: она — убийца на коне,
Но сеет смерть не по своей вине.

Муж разума Зуннун и сам Шибли[31]
От красоты ее с ума сошли.

И плачет вера над безумьем их;
Печаль в пещерах, в ханаках святых.

И тот, чей дух — незыблемый утес,
Ее увидев, льет потоки слез.

Молитва, ясный разум — свет всего
Значение теряют для него.

Огонь любви невежду не страшит,
Но тот блажен, кто видит и горит.

Вся грязь уничтожается в огне,
А злато очищается в огне.

И тот счастливым будет в двух мирах,
Кому перед огнем неведом страх.

Глава XL

ДЕСЯТАЯ БЕСЕДА О ПРАВДИВОСТИ

Тот, кто правдив, не думает о том,
Что древний свод идет кривым путем.

Ведь не помеха мчащейся стреле
Бугры и буераки на земле.

Ум направляет к цели — по прямой.
От цели отдаляет путь кривой.

Высокого познания мужам
Любезен звонкий най за то, что прям.

А чангу крутят каждый раз колки,
Чтоб струны были прямы и звонки.

Копье достойно богатырских рук;
Веревкой вяжут караванный вьюк.

Свеча высоко на пиру горит,
Сердца гостей сияньем веселит.

А по кривой летая, мотылек
Попал в огонь и крылышки обжег.

Прям кипарис и к небу устремлен,
И никогда не увядает он.

А гиацинт деревья обвивал,
И почернел под осень, и увял.

Пряма на таре звонкая струна;
А лопнет — в кольца скрутится она.

Коль по линейке строки пишешь ты,
Калам не отойдет от прямоты.

А коль наставишь точки, как пришлось,
Вся рукопись пойдет и вкривь и вкось.

В сияние одетая душа —
Как ни была бы пери хороша,

Хотя б красавицы вселенной всей
Склонялись, как служанки перед ней,

Хотя б огнем ланит, венцом чела
Она весь мир испепелить могла,—

Но коль живой сердечной прямоты
В ней нет, то ею не прельстишься ты;

Она прямыми стрелами ресниц
Не поразит и не повергнет ниц.

И не привяжется душою к ней
Никто из чистых искренних людей.

Коль верные михраб не возведут,
Намазы их напрасно пропадут.

Будь благороден, пишущий! Пиши
Правдиво перед зеркалом души.

Тот прям душой, чей правду видит взор;
Рукою гибкой обладает вор.

Когда же явным станет воровство,
Палач отрежет кисть руки его.

В косых глазах, так говорит молва,—
Одно явленье видится, как два.

А в вечном и едином видеть двух
Есть многобожие; запомни друг!

Был непостижный дар всезнанья дан
Великому, чье имя Сулейман.

Царь Сулейман — владыка и пророк —
Наполнил славой Запад и Восток.

В песках, где даже коршун не живет,
Он словом воздвигал дворцовый свод;

На облаках ковер свой расстилал,
В походе ветер, как коня, седлал;

Заставил дивов, пери, свет и тьму
Повиноваться перстню своему.

Была на перстне надпись; смысл ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Живет в наш век султан, хакан времен,—
Нет, не хакан, а Сулейман времен;

Тот, чей престол вздымается в зенит,
Чьим блеском затмевается зенит.

Ему отважных преданы сердца;
Как небо в звездах — свод его дворца.

Джамшида он величием пышней,
Войсками Искандара он сильней.

Он близ Хурмуза ставит ратный стан,
Там, где когда-то правил Сулейман.

По вечной воле разума времен,
Как Сулейман, он перстнем одарен.

Тот перстень сила звезд ему дала,
Чтоб совершать великие дела.

Не лал бесценный славен в перстне том,
А надпись на окружье золотом.

Я изумился, прочитав ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Пусть этот перстень мощи не дает,
Владелец перстня мощь в себе найдет.

И каждый будет жизнь отдать счастлив
Владыке, что к народу справедлив.

Правдивость — сущность истинных людей;
Два главных свойства различимы в ней.

Вот первое: не только на словах,
Правдивым будь и в мыслях и в делах.

Второе: сожалей о мире лжи,
Но правду вслух бестрепетно скажи.

И оба свойства эти хороши,
И оба — знак величия души...

О, если б каждый лживый человек
Поменьше лгал! — Но не таков наш век...

Так мыслит в наше время целый свет,
Что слово правды хуже всяких бед!

Там, где ты ищешь правды, прямоты,
Лжи закоснелой вижу я черты.

«Страной неверных» дальний Чин зовут,
Но верность и правдивость там живут.

Хоть правда от природы всем дана,
Но всем потом не по сердцу она.

Где сердце ты правдивое найдешь
Средь изолгавшихся, чья правда — ложь?

И кто правдив сегодня — о, как он
Гоненьем и нуждою угнетен!

Взгляни на время! Видишь, как оно
В движении своем искривлено.

Как циркуль движутся пути светил,
Но циркуль тот «прямой» не начертил.

Правдивым — слава! Но у них всегда
С коловращеньем времени — вражда.

Калам писца стезей спешит прямой,
И платится за это головой.

Был прям «Алиф», но в плен его взяло
Петлею начертание «Бало».

Веревка прямо, как струна, в шатрах
Натянута; но вся она — в узлах.

По линии прямой — метеорит
Летит к земле; и, падая, горит.

Свиваясь в кольца, древняя змея
Над кладом дремлет, яд в зубах тая.

Чарует сердце новая луна,
Хоть, словно серп, она искривлена.

А сколько завитков вокруг чела
Накручивают, чтоб чалма была?

Нет, нет! Не то хотел сказать я вам,—
Видать, ошибся быстрый мой калам!

Над нами искривлен небесный свод,
Но в правде сердца истина живет.

Свеча сгорает, изливая свет,
И для свечи отрады большей нет.

А яркий росчерк молнии кривой
Блеснет — и поглощается землей.

Садовник, чьи орудья — шнур и взгляд,
Кустарник дикий превращает в сад.

Когда широкозубой бороной
Не заскородишь пашни поливной,

Напрасно будешь землю поливать,
Напрасно будешь урожая ждать.

И зеркала поверхность — чем ровней,
Тем отраженье в зеркале верней,

Тем ярче в нем сиянье красоты
И резче безобразия черты.

Так солнца диск в озерах отражен,
А кривизною зыби — искажен.

Когда ты по невежеству солжешь,
То, может быть,— не в счет такая ложь.

Но тот— неверный, не мужчина тот,
Кто делом лжи, как ремеслом, живет.

И сколько бы ни ухитрялся он,
В конце концов он будет обличен.

И если он обманет весь народ,
Но все же от возмездья не уйдет.

Хоть целый век обманывай глупцов,
Но выдаст ложь себя — в конце концов.

Рассвет вещает наступленье дня,
Обманчив яркий блеск его огня.

Фальшивыми монетами платеж
Подсуден. Что же не подсудна ложь?

Ты в злобе клялся ложно, может быть,
Но ложь свою ты можешь искупить.

Тому, кто средь людей слывет лжецом,
Народ не верит никогда, ни в чем.

И если правду будет говорить,
Он никого не сможет убедить.

Обманщик он! — трубит о нем молва,
Ему не верьте! Ложь — его слова!

В народе имя доброе навек
Утратит, изолгавшись, человек.

Коль правда весь народ не убедит,
Ложь эту поросль правды заглушит.

Когда не можешь правды ты сказать —
Молчи, терпи и жди, но бойся лгать.

Глава XLI

РАССКАЗ О ПТИЦЕ—ЛГУНЕ ТУРАЧЕ

Жил у подножья гор, в лесу большом
Могучий лев, с небесным схожий львом.

Но, не страшась в округе никого,
Боялся он за львенка своего.

Все муравейники он разорил,
Чтоб муравей дитя не укусил.

Испытывая постоянный страх,
Таскал повсюду львенка он в зубах.

Жил там один турач, гласит молва;
Он пуще коршуна боялся льва.

Лев проходил, детеныша держа.
Турач, от страха смертного дрожа,

Вдруг перед носом льва взлетал, крича.
А лев пугался крика турача.

На миг сильней он челюсти сжимал,
Чтобы в беду детеныш не попал;

И сам, не рассчитавши страшных сил,
Невольно львенку раны наносил.

От этого душой терзался лев,
Вернее — просто убивался лев.

И чтоб конец несчастью положить,
Он с этим турачом решил дружить.

Сказал: «Не причиню тебе вреда!
Так поклянемся в дружбе навсегда.

Ты всякий страх забудь передо мной,
Сиди себе в своих кустах и пой.

Я здесь среди зверей слыву царем,
А ты придворным будь моим певцом.

Мне убивать тебя корысти нет,
Сам знаешь — бык мне нужен на обед.

Враги твои — охотники одни;
И ты остерегайся западни.

Но если в сеть ловца ты попадешь —
То знай: во мне спасителя найдешь.

Твой крик услышав, я примчусь бегом
И вмиг с твоим разделаюсь врагом.

Вот этой страшной лапою моей
Спасу тебя от вражеских сетей!»

Так лев могучий мягко говорил,
Что сердце турача обворожил.

Вот лев и птица в дружбе поклялись
И впрямь, как братья кровные, сошлись.

Где лев свирепый в полдень отдыхал,
Туда турач без страха прилетал.

И даже, шла о нем в лесу молва,
Садился смело он на гриву льва.

Как птица легендарная Анка
На гребень царственного шишака.

Порой — «На помощь!» — в шутку он кричал;
За это лев сердился и ворчал:

«Эй, друг, не лги, со мною не шути!
Ложь до добра не может довести».

Но турачу понравилась игра.
«На помощь!» — он в кустах кричал с утра.

А лев устал его увещевать,
Не стал на крик вниманья обращать.

Так жил шутник до рокового дня,
Когда его поймала западня.

Беспечно начал он зерно клевать
И в сеть попал, а сеть не разорвать.

Он закричал: «На помощь,— друг, скорей!
Один я тут не вырвусь из сетей!

Спросонья лев подумал: «Снова крик...
Какой обманщик! Экий озорник!

Сто раз напрасно он меня пугал,
Сто раз его спасать я прибегал.

Сто раз обман устроивши такой,
Он только потешался надо мной!..

О помощи не докричался лжец —
Попал в беду, настал ему конец.

Тому, кто никогда нигде не лжет,
Без спора верит на слово народ.

* * *

Будь, Навои, прямым в своих речах,
Будь искренним в напевах и стихах!

О Кравчий, дай отрадный мне фиал,
Чтоб выпил я — и льву подобен стал!

Пускай пирушку озарит свеча!
Пускай дадут кебаб из турача!

Глава XLII

ОДИННАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ВОЗВЫШЕННОСТИ ЗВЕЗД НА НЕБЕ ЗНАНИЙ

Пока с людьми враждует небосвод,
Почет — невеждам, а ученым — гнет.

Везде, где угнетение царит,
Познанья сад запущен и забыт.

Плоды опали, гнить обречены;
Сухие ветви вверх вознесены.

Прославлен века нашего позор,
А россыпь лалов скрыта в недрах гор.

Гляди — покорны Запад и Восток
Тому, кто нравом злобен и жесток.

Кейван — планету, веющую злом,—
«Планетой высочайшей» мы зовем.

А Муштари, чей знак — исток щедрот,
На пояс ниже по небу идет.

Злодей от кары огражден судьбой,
А добрый тяжко угнетен судьбой.

Пустая раковина — злой скупец —
Бесценный жемчуг прячет в свой ларец.

А кто, как чистый перл, душой открыт,
Сверлом алмазным грудь свою пронзит.

Взметнув нагие скалы в вышину,
Хребет горы царапает луну.

А под пятой горы, во тьме глубин
От мира скрыт блистающий рубин.

Индус-огнепоклонник пламя чтит
И на престоле яшмовом сидит.

У ног его — в золе — росток огня;
Горит, колеблется цветок огня.

Глупец, ничтожный в сущности своей,
Блистает, как павлин в садах царей.

А тот, кто словом покорил страну,
Жить обречен, как попугай в плену.

Ловецкий сокол, злой убийца птиц,
Взлетает в небо с шахских рукавиц.

А птица кабк [32], что солнцу песнь поет,
Конец бесславный на костре найдет.

Замзама [33] воду черпает скудель,
А в хрустале лелеют винный хмель.

Вино ключом нечестия зовут,
Но как к нему уста-рубины льнут.

Как зеркало прозрачен небосвод,
Его туманит мгла вечерних вод.

И ночь зеркальный блеск луне дала,
А от росы потускли зеркала.

Весь день плясунья-бабочка кружит,
Шелками крыльев яркими блестит.

А ночью залетевший мотылек
Себя одеждой бедствия облек.

Уходит на чужбину — нищ и наг —
Томимый жаждой знания бедняк.

Истлело платье на плечах его,
И нет сандалий на ногах его.

От жажды губы у него черны,
Пяты колючками уязвлены.

Его колпак в прохожих будит смех,
Одежда — сеть из дырок и прорех.

Как птицу счастья в эту сеть поймать?
Где — кроме крупных слез — приманку взять?

Бумага, книги в торбе у него;
Найти источник знанья — цель его.

В возможность чуда должен верить он,
Бумажными листами окрылен.

И пусть нуждой не будет он убит,
Хоть голод день за днем его томит.

Хоть он под лютым солнцем почернел
И телом, как тростинка ослабел,

И подаяньем кормится в пути,
Чтобы до цели поскорей дойти.

Мечта его — пристанище, где он —
Для всех невидим — будет утаен.

Людна чужбина, только друга нет.
К родной стране давно затерян след.

Здесь тоже много улиц и домов,
Но где найдет он на чужбине кров?

Не знает он, куда ему пойти.
О, муки одиночества в пути!

Разлуки пламя дух его палит,
Глухое одиночество теснит.

Так он — голодный — бродит в пыльной мгле,
А ночь настанет — ляжет на земле

Избыть усталость, малость отдохнуть;
Но до зари не может он уснуть.

А поутру идет он в медресе,
Потом — в другую. Так обходит все.

Всем говорит, как он нуждой томим,
Но каждый притворяется глухим.

Пускай удел скитальческий жесток,
Он за уроком слушает урок;

Бездомен, вечно голоден, угрюм,
Наукой он обогащает ум.

Так на чужбине жизнь его худа,
Что хуже не бывало никогда.

Язык не в силах это рассказать,
Калам не в силах это описать.

И так он проживет пятнадцать лет,
Храня в мученьях верности обет.

А на ночь он в углу ночлег найдет,
Коль милосерден сторож-доброхот.

Есть в мире тысячи таких бедняг,
Покрыл их судьбы непроглядный мрак.

На тысячу едва ли пятерых
Достигших цели вижу среди них.

И эти, с малым знаньем, может быть,
Чуть научась писать, идут служить.

Но полных знаньем — двух иль одного
Назвать могу для века своего.

Учиться нужно тридцать, сорок лет,
Чтобы открылся избранному свет.

Счастливец! Пусть под солнцем капля он,
В нем океан познаний заключен!

Он все науки мира изучил,
На всех языках он заговорил.

Душа он, обнимающая мир,
Он — капля, отражающая мир.

Пустого слова нет в его речах,
Тайн сокровенных свет — в его речах.

Густая тушь письмен его черна,
В ней влага вечности заключена.

В строках, начертанных его рукой,
Сверкает смысл рекой воды живой.

Он из долины бедственной земли
Читает знаки звезд, как Бу-Али.

В руке его, как молния, тростник
Записывает все, что он постиг.

Но чем полнее знания его,
Тем горше и терзания его.

Как прежде, у него приюта нет,
Как прежде, скуден ужин и обед.

Но вот — невежда грубый, может быть,
Ты не захочешь с ним и говорить,

И гнать его велишь с порога прочь,
Не в силах отвращенья превозмочь;

Понятья в нем о благочестье нет,
И в нем ни совести, ни чести нет.

Он чувства человечности лишен,
Он страшно глуп, но властью облачен.

Он — ненавистник правды и наук,
И для ученых он — источник мук.

Его пристрастье — мучить, убивать,
Управы на него не отыскать.

И на лице лоснящемся его
Сияет наглость, больше ничего.

С собакой он не может быть сравнен,
Собака человечнее, чем он.

И странно, что убийца и злодей,
Невежда, нечестивый враг людей

Велик и властен — волею судьбы,
А люди лучшие — его рабы.

Пылает золотом его халат,
Он самодурства пламенем объят.

Он вреден всем. Он, как дракон, лежит
Над кладом, что собрал для нас Джамшид.

Он — шип; но ветер утренний ему
Втыкает розу лучшую в чалму.

Хоть изверг он, но шахскою рукой
Ему кушак подарен золотой.

Здесь каждый шаг злодея — смертный грех,
А на лице его — бесстыдный смех.

Не потому ль высокомерен он,
Что в правоте своей уверен он?

Так предстоят у нас вселенной всей
Мудрец-бедняк и правящий злодей.

Ученый в унижении всегда,
А извергу — и слава и звезда.

Невежда правящий позорит мир,
Зовется же — наместник и эмир.

Но самовластье принужден терпеть
Мудрец, чтоб с голоду не умереть.

Он ангелу подобен... Как же он
Перед проклятым дивом унижен!

Ему за труд не платят. И смотри:
Его с порога гонят вратари.

Когда же, унижаясь, наконец,
К наместнику войдет он во дворец,

Молитву перед беком он прочтет,
Прах поцелует — и ни с чем уйдет.

Но тот, кто силой знаний власть берет,
Тот и себя погубит, и народ.

Мудрец, что ищет власти в наши дни.
Кто он? Его с невеждою сравни!

К чинам ученый рвется? Но тогда
Сравни с морской водою пот труда.

Не для шакалов жадных и собак
На мертвом скакуне златой чепрак.

В ученье низкий сердцем должен быть
Усердным, чтоб отличье получить.

Но истинно ученый — только тот
Кто, не страшась, путем своим идет.

Что слава? — Это надо ли ему?
Не нужно этой падали ему.

Рудник рубинов он таит в себе,
Он драгоценный перл растит в себе.

Он россыпь жемчуга в себе найдет,
Как мириадозвездный небосвод.

Бесценны перлы в мантии его,
Несметно звезд бессмертных торжество.

Такого счастья тот достичь успел,
Кто мир и весь соблазн его презрел.

Пусть не стыдится он своих заплат,
Ведь роза тоже в клочья рвет халат;

И солнце на небе обнажено,
Но как одеждой туч омрачено;

И самой сладкой дыни слаще мед;
Что кабарга без мускусных щедрот?

Муж не одеждой славен золотой;
Перл драгоценный славен сам собой.

Мясная муха бирюзой блестит,
Но погляди — у падали гостит.

Глава XLIII

РАССКАЗ О ВСТРЕЧЕ ИМАМА ФАХРА РАЗИ И СУЛТАНА МУХАММАДА ХОРЕЗМШАХА В БАНЕ

Познания взыскующих притин[34],
Имам всех верных в мире Фахраддин

В Хорезме свой шатер установил,
Но Хорезм-шах его не посетил;

Мол — как живешь? Не надо ли чего?
И Фахраддин не посетил его.

Шах устыдился, встречи стал искать,
Имам не захотел его принять.

И не могли их люди помирить,
Завесу отчужденья приоткрыть.

Имам великий в баню раз пошел;
Шах в ту же баню в тот же час пошел.

И там — в пару, в горячих облаках,
Ученого спросил хорезмский шах:

«О мудрый муж — прославленный везде,
Скажи — что нас на Страшном ждет суде?

Кому, какие муки суждены
Там — на путях загробной стороны?»

Уместно — в бане — задал шах вопрос.
И так имам ответно произнес:

«Ты знать хотел, что там — за гранью тьмы?
Так знай: все там, как в бане, будем мы.

Там нищий и султан, во всем равны,
Предстанут пред судом — обнажены.

Ты голым в баню Страшного суда
Войдешь, венец оставив навсегда.

А я на грань судилища того
Вступлю в сиянье знанья своего.

Ты здесь могуч и самовластен был,
Ты будущего сам себя лишил!»

* * *

О Навои, познанием живи,
В деяньях знание осуществи!

Эй, Кравчий, дай вина познанья нам,
Чтобы молитву позабыл имам!

А пьющим то вино, как дольний прах
И золотой Хорезм и Хорезм-шах!

Глава XLIV

ДВЕНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ЛЮДЯХ КАЛАМА

Кто пролетает, порождая свист,
Узоря строками бумажный лист?

Исток чернил в расщепе тростника,
Но мыслью каждая жива строка.

Калам, как клюв у птицы, заострен,
Смысл этим клювом должен сыпать он.

Его кормушка — мрак, начало — свет,
Муск на шелку — его полета след.

Калама след, как мускуса струя,
Чарует, извиваясь, как змея.

Полет письма, как молнии полет,
Его земная тяжесть не гнетет.

Пусть раздвоенным острием своим
Калам с двужалою змеей сравним.

Но словно на сокровище дракон,
Лежит строка, что начертает он.

Огнем, что выдыхает тот дракон,
Стеклярус в чистый жемчуг превращен.

Ты, пишущий, на свой калам взгляни:
Он прям, с жезлом мусы его сравни:

Он, поглотив весь мир, всю суть его,
Постиг повествований волшебство.

А погляди — он легок, как перо,
Как у свирели, у него нутро.

Ты не зови пророческим жезлом
Тростник свой, о владеющий письмом.

Но помни, что перу в твоих руках
Предшествует наука о словах.

В довременном, когда царила тьма,
Предвечный взял дощечку для письма.

И под чудесным тростником его
Возникло все, что есть,— из ничего;

Все, что теперь запечатлел мой стих,—
О пишущих, о добрых и о злых.

Но их — дурных и добрых,— может быть,
На степени я должен разделить.

Подлейший среди них — писец суда,
Что служит беззаконию всегда.

Свидетелей он слушает, и все ж
Слова их правды превращает в ложь.

И каждая письма его черта —
Предательство, обман, неправота.

Он — страж закона, он — судья людей,
Радеет лишь о выгоде своей.

Страницу за страницею черня,
Пером он водит, правого виня.

А преступленье под его пером
Предстанет благочестьем и добром.

Он втайне клевету готов строчить,
Дабы невинных в крепость заточить.

Пусть будет вовсе не имевший жен
К нему Иса под стражей приведен,

Он — если выгоды не углядит —
Его в девятиженстве обвинит.

С цыганом дочь Халифа повенчать
Он может, лишь успей подачку дать.

Он все, ничем не брезгуя, берет,
Он кожу с неимущего сдерет.

О горе — если сел за стол судей
Такой пером владеющий злодей!

Вторым затем злодеем предстоит
Сановник, что верховный суд вершит.

Перед народом чист, благочестив,
Он черен сердцем, помыслами крив.

Он крылья пери красит в черный цвет,
Над ним управы кроме смерти нет.

Кощунственно, открыв святой Коран,
За правду явный выдает обман.

Хашана (знают все: Хашан урод) —
Хасаном он прекрасным назовет.

Он вместо слова «есть» напишет «нет»,—
Тому свидетель тот, кто создал свет.

Зато уж слог и почерк так хорош,
Так благородно высказана ложь,

Что лист — постель, где хоть султану спать;
И мускусная под листом печать.

Но как ни гладко писан этот лист,
В него вчитайся ты, кто сердцем чист.

И, ложь прозревши, ужаснешься ты,
О судьбах наших содрогнешься ты.

Его письмо — красивое на взгляд —
Цветник, но в цветнике шипы язвят.

В его письме прекрасном свежий тут,
Как горький дым, а розы углем жгут.

«Айн» превратил он в знак несчастья: «гайн».
С ним лишь сравним братоубийца — Каин.

Таких судей недолго и судить,
Им надо сразу головы рубить.

Вот так же третий — писарь каламзан
Позорит государственный диван.

Его сюда планеты привели
Зловещие, избавив от петли.

Он знатным стал, пред ним — фиал вина,
Ему диван султана — майхана.

Скажи: подобна флейта на пиру
Его легко скользящему перу.

Расщеп калама в тушь макает он,
День ясный в сумрак облекает он.

Вот он — людей сжигающий костер,
Что клубья дыма до неба простер.

К делам правленья равнодушен шах,
Народ его у хищника в сетях.

По областям наместников он шлет —
Людей бесчестных, грабящих народ.

Что кустарей им стон, что плач дехкан?
Они наглы, не страшен им султан.

Наместник, где на отдых станет он —
Пир для него повсюду учрежден.

Пусть хижина дехканская бедна,
Но требуют хорошего вина.

Пируют и хозяина поят,
Хозяйке женщин привести велят.

Всех кур зарежут там на плов гостям,
Возьмут овес последний лошадям.

Где погостил наместник — в те дома
Несчастье вторглось, как сама чума.

Там, где злодей гостил, презрев закон,
Там всхлипыванье, горе, плач и стон.

Там лихоимства жадная рука
Становится судьбою кишлака.

Там взяточник поставлен старшиной,
Да двое стражей под его рукой.

Они, как скорлупа и два зерна;
От них несет ущерб сама казна.

Султанское имущество крадут
И тайно, за бесценок, продают.

А чтоб ущерб казенный возместить,
Спешат людей побором обложить.

Взамен числа «один» напишут «пять»,
Чтоб с разоренных впятеро содрать.

Пусть будет, словно кончик тростника,
Таким писцам отсечена рука!

Чем больше богатеет кедхуда [35],
Тем больше угнетенному беда.

Но кроме тех, кто неприемлем нам,
Есть люди, чей благословен калам.

Таков хранитель мудрости мунши [36],
Чей слог и почерк дивно хороши.

Ты скажешь, прочитав его письмо,
Что блещет совершенство в нем само.

Ты скажешь: не нашел бы слов нужней,
Читая книгу розы, соловей.

Ты скажешь: в зеркале словесном он,
Как попугай речистый, отражен.

Его письмо — в ночи разлуки свет,
К реке живой воды ведущий след.

Его письмом утешен, кто влюблен.
Отчаявшийся к жизни возвращен.

Спасенье угнетенный видит в нем.
Тем, кто гнетет, оно как божий гром.

Как грозный небосвод, его письмо,
Или как солнце ясное само.

Заглавие письма сравни с луной,
А киноварь — с рассветною зарей.

А книги, что он пишет от души,
Всегда полезны, мудры, хороши.

И прозы и стихов запас велик
Для тех, кто выбрал путь созданья книг.

Он в книгу много повестей вплетет,
Реченья древней мудрости найдет.

Газель порою, привлекая взгляд,
Откроется в цвету, как райский сад.

Он нижет перлы истины на нить,
Как ночь созвездья нижет, может быть.

А в сотнях им написанных листов.
Сияют мысли древних мудрецов.

Страница каждая — цветущий сад,
Узор вокруг — садовых стен квадрат.

А золото на ней и синий цвет,
Как цветника весеннего расцвет.

Там строки, как жасмин и кипарис,
Прекрасными созвучьями сплелись.

Там, как шиповник, начертанье слов,
А смысл глубокий — урожай плодов.

Двустишия сравнимы с Каабой;
Как сад Ирема, весь их внешний строй.

Не будь письма такого, где бы нам
Пристанище найти своим стихам?

О, кто бы ты ни был,— книги береги!
Аллах тебе за это помоги.

И каллиграфу дай переписать
Любую обветшалую тетрадь.

Пусть ни описки не допустит он,
В прочтение «Хадисов» углублен.

Коль может он в особую тетрадь
К Корану толкованье записать,

Коль перепишет среди прочих книг
«Историю пророков и святых»,

В трудах идя дорогой бытия,
Коль перепишет он еще «Яхья»

И книги те, что написал Аттар,—
Оставит людям он бесценный дар.

Коль перепишет книгу «Химия́» —
Сердцам откроет солнце бытия.

А если «Нафахат» писать начнет,
То все сердца к себе он привлечет.

А если перепишет «Шавахид»,
Навек свою он славу утвердит.

А если «Хакоик» и «Маариф»
Осилит он, да будет он счастлив.

Да будет милость Вечного над ним
Наградою трудам его святым!

Да будет мастер украшенья книг,
Как их творцы, прославлен и велик!

Да будет в жизни радостен своей,
Возвышен, независим от людей.

Как молния, стремительный калам
Художника — внимателен к словам;

Какой бы росчерк он ни начертил,
Ты знай: он путь к бессмертью проложил.

Глава XLV

О ТОМ, КАК ВОЗВЕЛИЧИЛСЯ ЯКУТ БЛАГОДАРЯ СВОЕМУ ПРЕКРАСНОМУ ПОЧЕРКУ, ВЫСОКОМУ ИСКУССТВУ КАЛАМА И КИСТИ

На ветке сада бренности живой
Был в Сухраварде славен шейх святой.

Он дива вожделений истребил,
В зените истины кометой был.

Раз во дворец халифа шейх пришел,
Как милость вечного в долину зол.

И как Хиджас пред Меккой, перед ним
Державный преклонился Мутасим.

На трон пришельца усадил халиф
И рядом сел, беседой с ним счастлив.

Ларец один, в нем — пара жемчугов,
Как две звезды в созвездье Близнецов.

Шейх говорил, что путь наш — тарикат.
Халиф ему внимал, потупя взгляд.

И слушали, дыханье затая,
Придворные, царевичи, князья.

Окинул взглядом шейх огромный зал
И вдруг — в толпе Якута увидал.

И он, стремительно покинув трон,
Якуту отдал поясной поклон.

Халиф сказал: «Посмею ли спросить,
Я сам тебе по-рабски рад служить;

За что же честь ему! Кто он такой,
Что ты пред ним склонился головой?»

Ответил шейх: «Он, средь людей дворца,
Единственный — по милости творца.

Ты сам отличья выше дать не мог
Той степени, что дал ему сам бог!

Искусством переписывать Коран
Он славится до отдаленных стран.

И с ним никто в искусстве не сравним,
Вот почему склонился я пред ним».

Халиф был несказанно изумлен,
Якута скромного возвысил он.

С тех пор в покоях царского дворца
Он занял место главного писца.

* * *

О Навои, перечеркни слова,
В которых нет дыханья божества!

Друг, яхонтовым нас пои вином,
Покамест до Багдада не дойдем!

Чтобы опорой сильной я владел,
Чтоб камень желтый яхонтом зардел!

Глава XLVI

ТРИНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ТЕХ, КТО ПРИНОСИТ ПОЛЬЗУ ЛЮДЯМ

Как утро сыплет горсти серебра,
Ты солнцем льешь для всех лучи добра.

Смеясь, как утро, ты на всех глядишь,
Кружась, как солнце, ты для всех горишь.

Пусть каменный тебя осыплет град,
Стоишь, как горы вечные стоят.

Не устрашаясь вражьего меча,
В ночах сияешь людям, как свеча.

Ты и с разрубленною головой
Для книги бытия — калам живой.

Твою грудную клетку рассекут,
Но жемчуг, как в жемчужнице, найдут.

Ты будешь изливать, как кабарга,
Благоуханье, пав от рук врага.

Но те, кому добро несешь любя,
Всегда молиться будут за тебя.

Твое прозванье: «Лучший из людей»,—
Его всей жизнью оправдай своей.

Чем больше пользы людям принесешь,
Тем больше пользы в том себе найдешь.

Благодеянья сеешь ты вокруг,
Благодеянья дар — твой верный друг.

Уронит каплю облак в бездну вод,
И в глубине жемчужина растет.

За саженцем присмотрит садовод,
А саженец дает и цвет и плод.

Опорный столб — оплот для потолка,
Но сам он упадет без потолка.

Красавиц брови крашены усмой,
Но от бровей — краса усмы самой.

И родинки мы славим черноту,
Когда живую видим красоту.

Но человек, несущий людям вред,
Сам для себя источник худших бед.

Нельзя хрусталь ногами раздавить
И ног осколками не уязвить.

Хоть искра стог самана подожжет,
Саман сгорит, а искра пропадет.

На шею сядет, кровь сосет комар,
Но нанесет ладонь ему удар.

Так на сову все птицы нападут
И в западню внезапно попадут.

Богач, засыпав закрома давно,
Глядит — истлело в закромах зерно

Кто камни вздумает метать в зенит,
Камнями теми будет сам побит.

Кто людям хочет бедствий и вреда,
Знай — это признак низости всегда.

Счастлив или несчастен человек —
Не им самим свой предначертан век.

Бесценный мускус кабарге не скрыть,
Благоухания не утаить.

Кто щедростью с рожденья одарен,
Не думает — богат иль беден он.

Вот человека чистым создал бог,
Но для нечистых грязен он и плох.

Есть у плода ядро и скорлупа;
С тобой друзья, вокруг — врагов толпа.

Есть в мире и добро, и зло, и грех;
Добро — тайник, открыто зло для всех.

Плохого много, тонет мир во зле,
Добра и правды мало на земле.

Не может злобный див Коран читать,
У низких сердцем правды не узнать.

Презрение к добру — природа злых,
Махни на них рукой, уйди от них.

Дурному кажется, что он хорош,
Но ты его хорошим не сочтешь.

Кто видит лишь пороки у других,
Тот недостатков не поймет своих.

Тот, у кого на все неверный взгляд,
В блестящей меди видит смертный яд.

Кто низок в мыслях, с завистью глядит
На всех, а зависть сердце тяготит.

Обломок ракушки в руке чужой
Он назовет жемчужиной морской.

Иголку приравняет он к копью,
Обрывок нитки примет за змею.

От зависти чужой чурек сухой
Считает он блистающей луной.

И так завистлив он, что иногда
Мозоли на ладонях у труда

За горсть жемчужин принимает он,
Хотя мозолей сам не знает он.

Перо совы, умчавшейся во тьму,
Пером симурга кажется ему.

Вино рубином называет он,
Но кубок свой не наполняет он.

Он, видя, что порой вино я пью,
От зависти глотает кровь свою.

Он даже человеческим слезам
Завидует, хоть и не плачет сам.

Увидя новый дом, резной айван,
Он, как пожаром, злобой обуян.

Нам смех, но нет веселья у него,
Мы выпьем, а похмелье — у него.

Когда мы радуемся — он скорбит,
Его чужое горе веселит.

От злобной зависти укрыться нам
Трудней, чем ход в казну закрыть ворам.

Дыханье розового цветника —
Мученье для навозного жука.

Дорогой Хызра дивы не пойдут,
Их устрашит зеленый изумруд.

Осветит солнце всю земную ширь,
Но солнца не увидит нетопырь.

Вода — спасенье жаждущих людей,
Огню пожара гибель — встреча с ней.

Безумец прячется в глухой степи,
В саду он, как в темнице,— на цепи.

Отрадно быть холодным облакам
Преградой ярким солнечным лучам.

В скудели грубой спрятанный от глаз
Не потеряет ценности алмаз.

Как Бу-Лахаб пророка ни чернил,
Весь мир избранник божий осветил.

О друг — живущий, как велел пророк,
Ты счастлив, если чужд тебе порок!

Бог в сферу неба,— мудрые рекли,—
Вместил вращающийся шар земли,

Чтоб солнечных лучей поток живой
Согрел на ней любой росток живой.

И был предвечным насажден цветник,
Где человек, как лучший цвет, возник.

А лучшим средь людского рода стал
Тот, кто под ношей мира не упал.

Но совершенством сей украсил сад
Глава пророков и пророк Ахмад.

Он стал светилом сущего всего,
Войдя в зенит величья своего.

Он людям, как маяк в ночи, светил,
Хвалу творцу вселенной возвестил.

Добро своим мерилом сделал он,
Чтоб ты к добру был сердцем устремлен.

Он — восхваленный утром светоч сил —
Тебя возвысил сам и восхвалил.

Великой той хвалы не забывай,
Всегда за благо благом воздавай.

Себе у бога пользы не проси,
А людям больше пользы приноси.

Длиннее сделай щедрости аркан,
Не прячь свой дар, что был с рожденья дан.

Имеешь много— одаряй людей,
Имеешь мало — тоже не жалей.

Когда ты вовсе беден — говори,
Сердца словами мудрости дари.

Порою наступают времена,
Когда спасает слово — не казна.

От смерти может слово защитить,
В труп охладелый душу возвратить.

Свет веры в слове миру заблистал,
Зверь силой слова человеком стал.

Где золото дороги не найдет,
Разрушит слово бедственный оплот.

Живое слово — жизни лучший цвет
Познания волшебный самоцвет.

Но слово — лишь тогда оно сильно,
Когда к добру, как луч, устремлено.

Будь, сердце, радо радости людской,
А сердце злобы истомись тоской.

Не назовется человеком тот,
Кого людское горе не гнетет.

А радуется гибели людей
Палач, или могильщик, иль злодей.

Тот, кто встречал завистливых и злых,
Душою отвращается от них.

О друг, когда ты в горе иль беде
И не находишь помощи нигде,

И некто вдруг в тот час к тебе придет,
И помогать и утешать начнет,—

Пускай не в силах он тебе помочь,
Ты не гони его с презреньем прочь.

Он, жаждущий добра для всех людей,
Достоин благодарности твоей.

Таким тебя предвечный сотворил,
Родник добра в груди твоей открыл.

Тот будет восхваляем и велик,
В ком не заглох божественный родник.

И суждены ему в конце концов
Трон и венец высокий двух миров.

О, мудрый, взвесь: не лучше ль быть таким:
Счастливым,— не отверженным, не злым?

Всех выше те, кто доброе творят,
Но за дела добра не ждут наград.

Всем жертвуют для страждущих людей,
Не думая о выгоде своей.

Все облак, что имеет,— отдает,
Зато ему подвластен небосвод.

А муравей, чья доля — собирать,
Во тьме подземной должен обитать.

Осыплет ветер груды лепестков,
Но больше новых расцветет цветов.

А ветер, что сорвал цветы с ветвей,
Бродягой стонет у чужих дверей.

Хрусталь — источник розовой воды —
Хранят в закрытой нише от беды.

А веник — собиратель грязи всей —
Валяется в презренье у дверей.

Кудрей дыханьем мускусным даря,
Красавица блистает, как заря.

А мускус Чина, гордый сам собой,
Мы сравниваем с черною землей.

И третья степень в деле блага есть —
В ней благородство высшее и честь.

Дари всегда с открытою душой,
Сладчайшим словом горечь правды скрой.

Дарящего, коль сердце чутко в нем,
Мы здесь дарящим дважды назовем.

Взгляни: плоды прекрасны, но цветы
Над ними — завершенье красоты.

И пусть прекрасна пери, но сильней
Пленит иная нежностью своей.

Венца несовершенно торжество,
Коль не венчает редкий перл его.

И пища с зеленью вкусна не столь,
Коль не положат перец, сахар, соль.

Тот, кто себя на этом утвердит,—
За боль, что причинят ему, не мстит.

Любая для него прозрачна тьма,
Над бездной горя ярок свет ума.

И это настоящий человек,
Средь сонмищ наивящий человек.

Велик он человечностью своей,
Живет в нем человечность всех людей.

Глава XLVII

РАССКАЗ О ТОМ, КАК АЙЮБ УКАЗАЛ ДОРОГУ ВОРУ

Халиф Айюб, в раздумья погружен,
Не спал — величьем тайны опьянен.

Была его молитва горяча;
И плакал он, сгорая, как свеча.

К его дворцу покой пристроен был,
Где ночь он в созерцанье проводил.

Какой-то вор, когда Айюб не спал,
Под худжрою подземный ход копал.

И вот, закончив труд, он в келье той
Просунулся из пола головой.

Айюб все понял, но молчал, молясь;
Тут из подкопа вор освободясь,

Проворно — все, что видел, все, что мог,—
Пошел хватать, совать в большой мешок.

Он всякой утварью мешок набил
И на-спину себе, кряхтя, взвалил;

Полез назад. Тесна была дыра,
Не пролезал в подкоп мешок добра.

Так — сито мышь в нору поволокла,
А ей самой нора тесна была.

И пожалел грабителя того
Айюб, увидя бедственность его.

Сказал он: «Ты беспомощен теперь,
Твой груз велик. Иди-ка лучше в дверь!»

И отпер дверь, сказав, мол, так пойдешь
И прямо на дорогу попадешь.

Вот — указатель верного пути!
Кто может в сторону с него сойти?

Вор потрясен его словами был,
Тяжелый груз мешка его давил.

Его в смятенье слово привело,
Ты скажешь — душу у него сожгло.

Он был готов не только умереть,
А от стыда с мешком своим сгореть.

В слезах к ногам Айюба он упал
И громко завопил и зарыдал.

Он перед милосердьем ослабел,
Слова прощенья слыша, онемел.

Халиф десницу милости простер
И слезы у несчастного отер.

И шейх ему, чтоб мог он снова жить,
Решил одежду верных предложить.

Несчастный вор, решив за ним идти,
Воспрянул к бытию на том пути.

Его лицо пылало, как саман,
И света он увидел океан.

Так, совершенством истины прощен,
Он был к добру и свету обращен.

* * *

О Навои, с безумием своим
Расстанься — истиной руководим!

Дай, Кравчий, руку мне! Грехи прости!
Душа моя спешит навек уйти.

Дай чашу мне! Пусть, как Айюб, душой
Я терпелив, но век не Ноев мой!

Глава XLVIII

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ БЕСЕДА
ЖАЛОБА О ПОСТРОЕНИИ СУДЬБЫ

Как фокусник бродячий, небосвод
С тобой игру обманную ведет.

Что фокусы? Сильней любой судьбы
Деянья темные его волшбы.

Как фокусник, кружа свой синий таз,
Дает он представление для нас.

На рубище его взамен каймы
Созвездия горят из вечной тьмы.

А со спины через плечо на грудь
На всем плаще заплата — Млечный Путь.

Вкруг солнца, как дервиш, кружится он;
Огонь в тазу лазурном затаен.

Легко привыкла свет его рука
Вытаскивать из-за воротника.

Из пасти сыплет искрами огня,
А мы зовем все это утром дня.

И как всемирной славы торжество,
Все пламенеет рубище его.

Он — кукольщик, скрывающий игру
Завесою, похожей на чадру.

Его театр не на столбах стоит,
И зрелища кругообразен вид.

Откроет балаган: как хороши
Все куклы! Но они — обман души.

Искусством дивным игры их полны,
И люди марою обольщены.

Он в грудь себе вонзает нож кривой
И порождает месяц молодой.

Под страшным заклинанием его
Блистает звезд несметных торжество.

Какая же глубокая печаль
Его согнула, словно букву «даль»?

Колдун коварный — как согнулся он,
Как сединой рассвета убелен.

Или он — ведьма старая? У ней
Одно желанье — убивать людей.

Она Хосрова древнего убьет.
Что ей Хосров? Фархада кровь прольет.

Невесте мира ласку и добро
Несет она, советует хитро.

Надушит амброй завитки кудрей.
Поставит солнце зеркалом пред ней.

Белила даст, чтобы была бела
И поутру жасмином расцвела.

Лицо украсит блеском лепестков,
С висков опустит мускус завитков.

Тюльпаноцветно нежный лик зажжет,
Пятно тюльпана родинкой возьмет.

Окрасит брови синею сурьмой,
Осыплет всю алмазною росой.

И шепчет льстиво: ты, как кипарис,
Ты в зеркало разлива поглядись.

А рот земли прекрасной, как бутон;
Чтоб говорить, раскрыться должен он.

Нарциссы — глаз невестиных зрачки,
Язык — прекрасных лилий лепестки.

Судьба царциссы подарила ей,
Всей научила хитрости своей.

Так древний свод, чтоб обмануть твой взгляд,
Украсил землю, словно райский сад.

Ее царевной Чина назови,
Бросающей в сердца огонь любви.

Настолько чары древние сильны,
Что поколенья ими пленены.

И человек любой, едва рожден,
Великой этой чарой обольщен.

Пускай Рустам родится тахамтан —
К колдунье этой попадет в аркан.

Земля-старуха, как весна, цветет,
Посредник ей — коварный небосвод.

И сколько скрыто чар и колдовства,
Дабы соединились эти два.

Что значит брак с землей сердцам живым?
Земля берет всю душу, как калым.

Пусть мир калымом душу заберет,
Но вера душу чистую спасет.

Вот так красавица, весны светлей,
Влюбленному велит молиться ей.

В тот час, как он к ногам ее падет,
Она на выкуп намекать начнет.

Мол, на калым души не пожалей,
Потом отдай и веру вслед за ней.

А душу взяв и веру у него,
Прогонит прочь из дома своего.

Едва прогонит, вслед иной придет
И так же все отдаст и прочь уйдет.

И новые придут вослед за ним,
И пропадут, все уступив другим.

Жестокость мира к предку твоему
Тебя не научила ничему.

Пришло, ушло их сколько — счета нет...
За тысячей идет сто тысяч вслед.

Вот дело бытия: приход, уход.
Что вас — на этот пир пришедших — ждет?

Вот так судьба в кругу своем тверда,
Утверждена от века — навсегда.

Числа и сметы приходящим нет.
Уйдут — приметы уходящим нет.

Все, что народ, как соты, создает,
Вращаясь, истребляет небосвод.

Ты в две дуги небесные вглядись
Есть точка, где они пересеклись.

Не потому ль, чтоб нам закрыть исход,
Крест-накрест опоясан небосвод?

Нам от его вращенья — ночь и день,
И счастье, и беда, и свет, и тень.

И от его вращенья свет и тьма
Способны серп луны свести с ума.

Над ночью в клочьях траурных одежд,
Рассвет рубаху рвет — лишен надежд.

Светильник мирный от него дрожит,
В смятенье ветер по степям кружит.

В ущельях гор безумствует вода,
Сметает силь усилия труда.

Не по вине ль судьбы — волна морей
Отравы горше, соли солоней?

Ты раною запекшийся в крови
Рубиновую россыпь назови.

Зачем земле жемчужина нужна,
Что из слезы мучений рождена?

Зачем сгустилось облако черно?
Видать — своей судьбой омрачено.

Из-за чего источник слезы льет?
С источником враждует небосвод;

Под блеском розы сто шипов тая,
Рыдать он заставляет соловья.

Отколь в тюльпане чернота взялась?
Кровь у тюльпана в сердце запеклась.

Блестят, играют грани хрусталя,
Огнем вина сердца людей паля.

Огнем веселья мир сердца зажжет,
Но все, что даст, обратно отберет.

Зовется покровителем людей,
Но нет врага коварней и лютей.

Пусть ты в его сиянье расцветешь
И счастье краткодневное найдешь,

Пусть ты обогатишься, как Карун,
Пусть возвеличишься, как Фаридун,

Но никогда ты к цели не дойдешь
На том пути! Бесследно пропадешь.

Сей свод и все деяния его
Вниманья недостойны твоего!

Сей низкий свод, для страждущих под ним,
С округлым неким решетом сравним.

Он всех — богатых, бедных, слуг, господ —
Горстями в это решето кладет.

И так, сумев порядок навести,
Он начинает решето трясти.

Тут не помогут жалость или гнев,
Когда пойдет неслыханный отсев.

Никто не помощь на отсеве том,
Застрянут злые в решете густом.

Увидишь — тот, кто далеко стрелял,
Стрелою в решете судьбы застрял.

В чем суть решений решета судьбы?
В недоуменье мы — ее рабы...

Когда свой меч заносит небосвод,
Он равно злым и добрым зло несет.

Царя с престола древнего отцов
Влачит на стол, где моют мертвецов.

А бедняка, укрытого хыркой,
Венцом венчает, кейевой парчой.

Подносит кубок, блещущий вином;
Но помни — яд смертельный в кубке том.

Кто, выпивший до дна его фиал,
Не корчился от мук и не стонал?

Пусть небом возвеличен был эмир
И подчинил себе почти весь мир.

Но где он — столь возвышенный судьбой?
Увы! Он — прах, и поглощен землей.

Когда-то миром правил род царей,
Известный справедливостью своей.

Но тем из них, кто всех подлее был,
Бессудный небосвод благоволил.

Владелец перлов редкостной красы
Не отличает жемчуг от росы.

Смотри: нарцисс прекрасный близорук —
Он, как в тумане, видит все вокруг.

Но радостен его весенний пир,
Ему златые кубки ставит мир.

А роза, радующая мой взгляд,
Непостижимая, как райский сад,

Шипами раня плоть моей руки,
Рассеяла под ветром лепестки.

Мошной, как мерой, в майхане поят,
В мошне такой же чинский муск таят.

Стрелок онагра вольного убьет
И, ободрав, из шкуры тул [37] сошьет.

Смотри: людей терзающий злодей
Садится гордо на престол царей.

Зачем же всех других оставил ты
В пучине бедствия и нищеты?

Где Джам? Где Фаридун? Где сам Заххак?
Ирадж? Гущанг? — Увы, ушли во мрак.

Где Салм, где Минучехр, и где Навзар?
Где царственный Бахман? Где Искандар?

Куда исчез великий Чингисхан?
Где сам Тимур, могучий Гураган?

Как высоко их поднял небосвод,
И как низвергнул в прах с таких высот.

Не упивайся миром, не зови
Его богатств! Не верь его любви!

Плоды, что он несет тебе, отдай!
От праха отрекись — не опоздай!

Покамест жив, ты унижай его,
Пятой дервиша попирай его.

Пока владеешь волей, светом вежд,
От мира отряхни подол одежд.

В долг у него сокровищ не бери,
Свое богатство людям раздари.

Раскрой, как солнце, рук своих персты,
Дождь серебра пролей! Беги тщеты!

Наступит час: до нитки обдерет
Тебя сейчас дарящий небосвод.

Глава XLIX

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСКАНДАР ЗАВОЕВАЛ ВЕСЬ МИР

В те дни, когда великий Искандар
От звезд венец вселенной принял в дар,

Все государства он завоевал,
Во всех концах Подлунной побывал.

Он по морям неведомым проплыл,
Земли и суши стык соединил.

Зеленый свод звучал ему хутбой,
Чеканил дождь монеты золотой.

Пред ним склонились все цари земли,
Гордились, что ярмо его несли.

Он был царем, пророком и святым,
Ни с кем в познанье мира несравним.

Он был — Джамшид величьем дум и дел
И чашею Джамшидовой владел.

И он семи небес владыкой стал,
Семь поясов земных во власть приял.

Прекрасный Хумаюн! — Во цвете лет
Он должен был покинуть этот свет.

Вдруг стал беспомощен. Стеснилась грудь
Тоской, перед отходом в дальний путь.

Его рабы ему не помогли,
Спасенья мудрецы не принесли.

Все на живых ветвях они цвели,
Он уходил один во прах земли.

В мучениях, собрав остаток сил,
Свое он завещанье возгласил.

«Вот я унижен... Больно слышать бой
Литавр переселенья в мир иной.

О вы — мои соратники, друзья,
Исполните — что завещаю я:

Симург души моей,— недолго ждать,—
Умчится книгу вечности читать.

А мне уделом станет вечный мрак,
Опочивальней вечной — саркофаг.

Пускай в отверстье гробовой доски
Наружу будет кисть моей руки!

Пусть видят все, что мира властелин,
Познавший тайны неба и глубин,

Всем овладел и понял: все — тщета!
Уходит, и рука его пуста.

Вот я владел при жизни всей землей,
И ничего не уношу с собой!»

* * *

О Навои, от мира отрешись!
Что — мир? Души жемчужины лишись.

Эй, Кравчий, опьяненье страсть моя!
Но, что мне делать? Видишь — беден я.

Дай чистого вина! Да, что в вине?
Неси зерцало Искандара мне!

Глава L

ПЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ПЬЯНСТВЕ

О ты, что в радость плотскую влюблен,
Невежества вином ты упоен.

Ты бражничаешь, дух живой губя,
Разгул и днем и ночью у тебя.

В твоем нутре всегда кипит вино;
Не ты кричишь — в тебе кричит вино.

Как хум, гордынею вскипаешь ты,
Что ты ничтожен — забываешь ты.

Ты говоришь, но речь твоя гнусна;
Как пена, на губах твоих слюна.

Ты позабыл о жизненном вине
Ты позабыл и о последнем дне.

Когда неумолимый Азраил
Придет — что скажешь ты, лишенный сил!

Об камень бы тебя, как хум, разбить,
В осколки мелкие бы раскрошить!

Разбить бы вдребезги тебя давно
И по земле разлить твое вино!

Чтоб кровь твоя во тьму земных глубин
Ушла и превратилась там в рубин.

Ты пьешь вино, едва блеснет рассвет;
Но близок час: за все ты дашь ответ.

Идут года... Беспутства устрашись,
От своего безумья отрекись!

Изверженный из общества людей,
Посмешище ты уличных детей.

Как только пьяный выйдет из ворот,
В него кидает грязью всякий сброд.

Покамест держит пиалу рука,
Он пьет. А выбравшись из кабака,

О притолку ударясь головой,
Он падает — с распутанной чалмой.

И, в лужу грязи окуная нос,
Он на прохожих лает, словно пес.

Хоть кажется ему, что все пустяк,
Но в нем слабеют мышцы и костяк.

Тропу домой никак он не найдет;
Он хочет пить и грязь из лужи пьет.

Ограду увидав, ломает он;
Обломками в людей бросает он.

Толпа детей швыряет вслед ему
Камнями, волоча его чалму.

Он поминутно падает, потом
Из грязи подымается с трудом.

И снова падает, и вновь встает,
Пройдет два шага, снова упадет.

Лежит в грязи, не помня ничего;
И лижут псы блевотину его.

Проспавшись, в час рассветной тишины
Он вновь стучится в двери майханы.

Найти чалму не в состоянье он.
Он был с деньгами — денег он лишен.

Его богато вышитый халат,
Как саван с мертвеца, ворами снят.

Кинжал его украли дорогой.
В одной он туфле. Туфли нет другой.

Подол его рубахи и штаны
Разорваны, и мокры, и грязны.

Шатаясь, он по улице бредет
И вновь домой дороги не найдет.

Всем телом от озноба он дрожит.
Его тошнит, и все ему мерзит.

По переулкам пыльным бродит он,
Своей калитки не находит он.

Все, что не взяли воры у него,
Ночная стража оберет с него.

Ночная стража всюду такова,
Худая про нее у нас молва.

Давно ль он был богат, красив, хорош?
Но посмотри — на что теперь похож!

Весь в ссадинах, в грязи и синяках,
Он бродит, наводя на встречных страх.

Бредет, горя от жажды, изнурен,
Из-за беспутства радости лишен.

Нет на душе веселья у него,
Мучительно похмелье у него.

Как могут люди так себя забыть?
Как могут люди так себя губить?

Причин безумья знать мне не дано.
Безумцы есть; но ясно мне одно,—

Что всякий сей пригубливатель чар
Ответит — я, мол, рэнд и каландар.

Но этот рэнд о совести забыл,
Ее в постыдном пьянстве истребил.

Что нам о строчкогоне надлежит
Сказать, коль он себя бессмертным чтит?

Палач, что без убийств не может жить,
И собственных детей готов убить.

На розы не глядит навозный жук,
Когда помета множество вокруг.

Но углежоги — лицами черны,
А нет на них за черноту вины.

Сова угрюма, но среди руин
Ей кажется, что и она — павлин.

От пьянства — гибель тела и ума,
Так силь ломает стены и дома.

Ужасно буйство ливневой воды;
Спасенье в бегстве от такой беды.

С разливом бедственным сравню вино,
Мужей могучих валит с ног оно.

Живое тело — это дом души,
Храм — где бессмертный свет горит в тиши.

Все сокрушает ливневый поток,
Ломает и лачугу и чертог.

А пьянство неумеренное — тьма,
Гасящая бессмертный свет ума.

Коль на свечу хоть капля попадет,
Дрожащий огонек свечи умрет.

Но диво — винопийца день за днем
Привык свой светоч заливать вином.

Не только жар в мангале потушить,
Способен ливень и маяк залить.

Плеснув воды на тлеющий сандал,
Ты видишь — жаркий уголь черным стал.

Кто веселить себя привык вином,
В мрак погружает свой духовный дом.

Скажи: вино — огонь, что создал бес,
И может сжечь посев семи небес.

О смертный, ты на плоть свою взгляни,
С сухой соломою ее сравни!

Страшись, не затевай с огнем игру,
Иль кучей пепла станешь на ветру.

Вино, огонь родящее в крови,
Огнем геенны адской назови.

Прозрачно, чисто, как вода, вино,
Коварным обольщением полно.

Оно играет искристо, маня
Пленительным сиянием огня.

Четыре свойства у огня того;
Печальна участь пленника его.

Четыре элемента существа
На том огне сгорают, как трава.

Сгорают тело, чувство, разум сам,
Сгорают честь, и вера, и ислам.

Того огня ничем не потушить
И никакой водою не залить.

Ведь ливнями шумящий небосвод
Им порожденных молний не зальет.

Вот так же бурный дождь апрельских гроз
Не может погасить сиянья роз.

Но в том светильник жизни не зачах,
Кто искренне раскается в слезах.

И только эти слезы, может быть,
Способны пламя ада потушить.

Слеза мольбы на желтизне щеки
Сильней потока яростной реки.

Кто плачет, полонеры и любви,
Слезу его жемчужной зови.

У плачущих в раскаянье людей
Слеза любая жемчуга ценней.

Кто кается на людях, тем не верь:
Прощения для них закрыта дверь.

Неискренен в раскаянии тот,
Кто руку на святой Коран кладет.

Не верь ни воплям, ни потоку слез
Того, кто кается, страшась угроз.

Кто предан истине всем существом,
Не волен тот в раскаянье своем.

В душе всегда хранит он божий страх
На трудных испытания путях.

Пусть — по незнанью — он в грехе живет,
Раскаянье само к нему придет.

Несовершенство чувствуя свое,
Он плачет, истребляя бытие.

И, грозный счет ведя делам своим,
Рыдает он — отчаяньем томим.

Но, милостью небесной огражден,
Как золото из тигля, выйдет он.

Свет красоты бессмертной возлюбя,
Откажется от самого себя.

И он в своем раскаянье найдет
Неисчерпаемый исток щедрот.

Сам человек — что может сделать он,
Коль силой высшею не одарен?

Без помощи таинственной ее —
Увы — ничто раскаянье твое.

Под вечным светом очищай себя!
От вечной тьмы оберегай себя.

Молись, чтоб совести твоей скала
Всегда несокрушимою была.

Ведь совершенный сердцем человек -
Гора неколебимая вовек.

Друг! Не своим желанием живи,
А волею божественной любви.

Глава LII

ШЕСТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА ОБ АЛЧНЫХ СЕБЯЛЮБЦАХ

О ты, гонящий своего коня
Дорогой брани, храбрости, огня;

Ты по майдану молнией летишь,
Рустама память ни во что не чтишь.

Гляжу я: как высокомерен ты...
Былых друзей презрев, уверен ты,

Что три, четыре пальца лишь всего
От неба до затылка твоего.

Ты на коне, как барс, а конь — гора;
Но нет в тебе ни света, ни добра.

Ты нравом тигра злобного лютей,
И топчешь ты достоинство людей.

Как ты надменно попираешь всех,
Но это — ересь, нечисть, гнусь и грех.

Угрюмо хмурится твое лицо,
А перстень твой — проклятия кольцо.

Ты — злой Заххак! Все действия твои —
Из плеч твоих две выросших змеи!

Великий презирая шариат,
Ты бороду брить дважды на день рад.

Но ты, рожденный ереси служить.
И недостоин бороду носить.

Ты точишь стрелы гнета твоего
Точилом подбородка своего.

Зато усы твои,— о, как они
Закручены, как птичьи западни.

Хоть ты суров, огромен, как гора,
Мы от тебя не слышим слов добра.

Неблагородный подбородок свой
Ты всем открыл, расставшись с бородой.

Тебя кулах венчает; блеск пера
В чалме твоей нам не сулит добра.

Дал то перо тебе не Джабраил,
А сам Иблис — владыка темных сил.

Твоя джига — перо ночной совы,
А не венец павлиньей головы.

Когда идешь ты, гордый удалец,
Качается чалмы твоей конец.

Но эта шапка с вмятиной на ней —
Гнездо для птицы низменных страстей.

Коль на тебе не шелковый халат,
Мне кажется — и жизни ты не рад.

Лицо платком привык ты прикрывать —
Сатиру б о тебе на нем писать!

Чтоб ты, как в зеркале, себя узнал,
Чтоб ты, читая, от стыда сгорал.

Шелк презираешь ты, что дома ткут,
Китайские шелка тебе везут.

Ты не наденешь бязь, тебе нужна
Рубаха из льняного полотна.

Одежда нижняя твоя легка,
Она прозрачней крыльев мотылька.

Вот ты, как роза в лепестках своих,
В цветных шелках; златой кушак на них.

Скажи, кто так искусно вышить мог —
Какой ценой — твой поясной платок?

Шит жемчугом роскошный твой халат,
Сапог подковки золотом звенят.

Твой конь сверкает сбруей золотой,
Уздечка блещет шахской бирюзой.

Дорожный безрукавный твой чапан
От драгоценных яхонтов багрян.

Одет прекрасно, внешне ты красив,
Но ты — по сути — безобразный див.

Ты с виду пери: только шип жесток,
Что скрыл росистой розы лепесток.

Красуясь, ты смеешься, как весна,
Но вешний твой румянец — от вина.

Ждем слов твоих. Но, спьяну бестолков,
Ты губишь смысл в потопе лишних слов.

С тобою свита — лизоблюдов тьма,
Но нет ни в ком ни чести, ни ума.

Слетелись, словно стаи воронья;
Как падаль, их влечет казна твоя.

О, как они угодничают, льстят,
Как преданно в глаза твои глядят.

Что ни сболтнешь ты спьяну — вздор любой
Зовут вершиной мудрости земной.

Кричат тебе: «О мой Мирза! Мой бек!
Ты — самый первый в мире человек!»

А ты сидишь — доволен и счастлив,
Как на пиру чертей верховный див.

Вино — змеиный яд — в твой кубок льют,
А мясо змей закуской подают.

Все, что не чисто, что запрещено,—
Твой обиход: и пища и вино.

Как на пиру, ты полон удальства!
Как хвастаешь ты, выпив кубка два!

Ты, на словах, врага мечом разишь,
Сбить шлем железный с месяца грозишь.

Могучего Бахрама бросить в прах
Сулишься ты; но только на словах.

Как муха, для тебя ничтожен слон,
Не толще нитки для тебя дракон.

Вот так гадальщик в горсточке песка
Акулу видит меньше червяка.

Как звук литавр тебе — небесный гром
На нечестивом пиршестве твоем.

А грозный свод и молния его —
Жаровня для кебаба твоего.

Ты угнетатель, вероломный вор,
Безбожник, людям от тебя — позор.

Ты хвастаешь, что правишь всей страной
И даже шахской волею самой.

Ты хвастаешь, что рухнул бы престол,
Когда бы ты на помощь не пришел.

Ты наглостью такою обуян,
Что пред тобой ничто и сам султан.

Кричишь: «Сто тысяч войска мне даны,
А двести тысяч мне теперь нужны.

Где войско мне великое достать?
Задумал я весь мир завоевать...

Я утеснения не потерплю,
Служить к другому шаху поступлю!»

Вот так, крича, несет он пьяный вздор;
Ему с восторгом вторит пьяный хор.

Когда ж, неумолима и грозна,
Со всех сторон надвинется война;

И станет темен неба лик и взгляд,
И молниями сабли заблестят;

Когда при виде бедствий и смертей
Смятенье потрясет сердца людей,

Тогда вставай, джигит, являй свою
Отвагу, силу, опытность в бою.

Но где ж верховный бек — полков глава?
Где все его хвастливые слова?

Он отдает приказы в грозный час,
Но бестолков любой его приказ.

Где власть его? Где воля? Где рука?
Все гибнет, все... Бегут его войска!

Без высшей воли все усилья — прах.
Победу и успех дарит Аллах.

Зачем на службу шах берет глупца,
Когда простерт над шахом щит творца?

Ведь ищет только выгоды своей
Тот себялюбец алчный и злодей.

А шах, что им обманут, в день Суда
Сгорит в огне великого стыда.

В бою с врагом, в рассыпанном строю,
Один Рустам — он все ж один в бою.

Один джигит врага не сокрушит,
Хоть подвиг двух Рустамов совершит.

Пусть будешь ты один в бою счастлив,
Пусть пред тобой бегут Рустам и Гив,

Но если войско все несет урон,
Погибнешь ты — гордыней увлечен.

Свою живую душу не губи,
Дракона себялюбья истреби!

Глава LIV

СЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ВРЕМЕНАХ ГОДА И ВОЗРАСТАХ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

Когда апрель прекрасный наступил
И миру всю любовь свою явил,

Нам ветерок с нагорий и лугов
Принес благоухание цветов.

Он ветви гибкие плакучих ив
Шуметь заставил, до земли склонив.

Им подмести велел он пыль с земли,
А тучки землю поливать пришли.

Вот молнии сверкающий аркан
Весь облачный перепоясал стан.

Гром отгремел, весенний дождь прошел,
Райхон благоухающий расцвел.

В саду, обильно политом, возник
Из черной почвы синий базилик.

И этот цвет полмира охватил,
Как сферу синюю цветник светил.

Росток райхона, ростом как дитя,
Смеется, юной красотой блестя.

Весна, свое являя колдовство,
Готовит благовонье из него.

Покрылось поле травяным ковром,
Цветы райхона — гурии на нем.

Раскрылись розы в свежести ночной
Роса их льется розовой водой.

И дремлет, в сновиденья погружен,
Младенец — нераскрывшийся бутон.

Тюльпан в степи так весело плясал,
Что ветер шапку у него сорвал.

Цветы, как дети, вкруг зеркальных вод
В саду образовали хоровод.

И в пляске круговой они идут
И песенку «Гульходжа-Гуль» поют.

И так же все похожи на детей
Травинки, обступившие ручей.

Как звезды на высоких небесах,
Цветы красуются на деревах.

И все живущие изумлены
Величием цветения весны.

Как будто не ряды дерев цветут,
А хороводы девушек идут,

Чтоб красоту их видели поля,
И горы, и холмы, и вся земля.

Дни эти — пир, и блеск, и торжество
В полях, в садах — цветущего всего.

Но несколько ночей и дней пройдет,
Наступит новый времени черед.

Когда возникнут завязи плодов,
Осыплет ветер лепестки цветов.

Зазеленеет на ветвях листва,
Заплещет, как стоустая молва.

Знамена бело-красные падут,
Зеленые знамена расцветут.

Шелка цветные сбрасывая, сад
В зеленый облачается халат;

Взамен жемчужин — изумруд блестит,
А вместо красных лалов — хризолит.

Цвет яблонь в стекловидных лепестках
Покрылся ржавчиной на всех ветвях.

И вот сквозной листвой блистает сад,
Как Хызр, надев зеленый свой халат.

Темнее ночь в тени его густой,
Его роса — родник воды живой.

Как молодая пери, скажешь ты,
Сад полон неги, томной красоты.

В зеленый шелк одеты все сады;
На шелке, вместо пуговиц, плоды.

Деревья — в пуговицах золотых,
В жемчужинах, в рубинах дорогих.

Плоды айвы, как золото, горят,
А яблоки — как жемчуг и гранат.

Инжир благоухает, словно мед,
И груши налились прозрачней сот.

Под кровлей виноградной, в знойный день,
Где зреют гроздья,— сладостная тень.

Я этот сад, что полн творящих сил,
С великим бы художником сравнил.

Он словно рай, блистающий в тиши,
Он словно жизнь разумная души.

Когда плоды садовник соберет,
Сад станет как беззвездный небосвод.

Торчат нагие ветви без плодов;
Он как жемчужница без жемчугов.

Прекрасный сад разграблен до конца,
Нет у него жемчужин для венца.

Усильем созданные жизни всей —
Плоды надежд оборваны с ветвей.

А ветви без плодов ты назови
Людьми, в чьем сердце нет живой любви.

Грусть каждой обнаженной ветви той
Сравнима лишь с душевной пустотой.

Мне кажется — болеют дерева:
Желтеет и чернеет их листва.

Желтея в муках, как меджнун больной,
Листву роняет ветка над водой.

Она согнулась, словно буква «даль»,
От безнадежности ее печаль.

С плакучих ив, как ливень медных стрел,
Под ветром вихорь листьев полетел.

Листва сама пожелкнуть не могла,
Ее печаль огнем своим сожгла.

Спалил листву, как пламя, листопад,
И только сучья черные торчат.

Листки последние — клочки парчи —
Декабрьский ветер оборвет в ночи.

Печален сад безлиственный, нагой...
Земля покрыта тлеющей листвой.

В долинах, защищенных гранью гор,
Кой-где желтеет лиственный убор.

Но и туда дыханье января
Доходит, разоренье творя.

Стоят ряды деревьев,— о тоска! —
Как черные индийские войска.

Стоят деревья голы и черны,
Как толпы пленников обнажены.

Они скрипят и стонут на ветру
И, леденея, стынут поутру.

А листья, если в ворох их сгребут,
Лишь на костер для сторожа пойдут.

В ад превратился светлый райский сад;
Ад с ним в сравненье — райский вертоград.

Мне наших дней весна и листопад
Напоминают чем-то этот сад.

Ведь каждый человек, едва рожден,
Как бы сияньем утра озарен.

Сперва он, словно свежий куст в росту,
Где розы раскрываются в цвету,

Где лепестки, покрытые росой,
Бессмысленно полны сами собой.

О, как они милы! У них — с утра
До вечера — еда, питье, игра.

И вот он понемногу, день за днем,
Становится разумным существом.

Как свежий к солнцу тянется побег,
Так тянется, растет и человек.

И розы — девы лик сквозь тонкий дым,
Как солнце, возникает перед ним.

Нарциссы томные — ее глаза,
Так нежны, так скромны, но в них — гроза.

Ресницы — стрелы длинные у ней,
Туранский лук — изгиб ее бровей.

А взгляд — колдует, усыпляет он;
Верней — от глаз влюбленных гонит сон.

Ее ланиты — алым лепесткам
Подобные — способны сжечь Ислам.

Она вино пригубит на пиру
И разум твой развеет на ветру.

Вино пылает на ее щеках,
Пот выступает на ее висках.

Где в мире жарче пламя чем у ней,
Что от воды горит еще сильней?

Ее губа, пушком оттенена
И умерщвлять и оживлять вольна.

Так молодость блеснет и отцветет...
И понемногу зрелость настает.

Осыплет время лепестки цветов,
Наступит созревание плодов.

Отступит горьких заблужений тьма
Перед лучом бессмертного ума.

Хирман невежества, где мрак и стыд,
Разумный знанием испепелит.

Как древо плодоносное, свой век
Разумный украшает человек!

Коль знаниями овладеет он,
Безумье мира одолеет он.

Один всю жизнь исследует Коран,
Хоть он непостижим, как океан.

Другой ютится в келье, в медресе,
Чтоб воедино свесть хадисы все.

Что слава? Что награда за труды,
Когда с ветвей осыплются плоды?

Когда печали ураган дохнет
И стан твой, словно дерево, согнет.

И все твои желанья отгорят
И, словно листья с пальмы, облетят;

Услышишь ты беспечный смех детей
Над желтизной и дряхлостью твоей...

В прищуре век светильники очей
Завесишь ты завесами бровей.

Глаза от света яркого болят,
А брови их, как сторожа, хранят.

От света слепнущие и от слез,
Глаза тусклы, как медный купорос.

А если в полдень пред глазами ночь,
Стеклянными очками не помочь.

О посох старца! О согбенный стан!
Вы — ось Зенита и Меридиан!

Ларец жемчужный рта — без жемчугов;
Десна, как буква «син», но без зубцов.

Рассыпаны все четки — до зерна,
Зубцов своих твердыня лишена.

Зато хребет являет становой
Все позвонки — дугою костяной.

Все угасает. Словно саван, бел,
На теле темный волос поседел.

Стан, словно «даль», деньми отягощен,
Земле прощальный отдает поклон.

В глубокой безнадежности тогда
Последних дней проходит череда,

Пока посланец смерти не придет
Освободить страдальца от забот.

И кто бы в этот мир ни приходил,
В свой срок из чаши сей глоток испил!

Душа, пригубив смертного вина,
Путем небытия уйдет — хмельна,

Забыв себя и мир земных страстей...
А где блуждает? — Нет о ней вестей.

Из чаши смерти всяк хлебнет в свой час,
И эта чаша не минует нас.

Что слезы перед гибельной чертой
О жизни, бесполезно прожитой?

Весь долгий день я спал, пока я жил...
Очнулся, вижу — вечер наступил;

Забыл свой труд; не помышлял о том,
Что поздно будет каяться потом.

Без пользы я растратил жизнь свою;
Не будет пользы, коль себя убью.

Живя беспутно, что я совершил?
Опомнился, но время упустил.

Остался краткий срок, а путь далек...
Все тяжко мне, как тягостный упрек.

Коль за грехи мои прощенья нет,
Что ждет меня? Увы! Спасенья нет!

Наш век на части разделен судьбой,
Все эти степени пройдет любой.

До десяти он в игры погружен,
До двадцати он миром опьянен.

У всех до тридцати, до сорока
Жизнь — это наслаждения река.

Всем в мире наслаждение дано;
И это было мне не суждено.

Коль к полувеку муж не умудрен,
То в шестьдесят пойдет он под уклон.

Достойный, ты и в семьдесят ходи,
А в восемьдесят у огня сиди.

Мудрец, и в девяносто ясен будь;
А во сто — собирайся в дальний путь.

Когда животной жизнью человек
Живет, он без следа пройдет свой век.

Ты жизни не желай себе такой,
Коль нет защиты неба над тобой!

Уйди от жизни низменных людей,
Она — не жизнь, но гибели страшней...

Глава LVI

ВОСЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ

Для духа мир — узилище, но он
Рай для невежды, что в него влюблен.

Не унижай величья своего,
Не пей, мой дух, из кладезя его!

Коль мира этого круговорот
В свой срок рабом в подземный град сойдет,

Зачем о нем печалиться, скорбя,
И — прежде смерти — убивать себя?

Зачем при жизни траур надевать?
Умрешь — тебя успеют обрыдать.

В душе твоей печаль; ты не страдай,
Свою печаль стократ не умножай!

Заботами свой век не сокращай,
Одну заботу в две не превращай,

Но от своей печали отдохни,
Усталость, скуку, горечь отгони!

Пускай судьбы гоненье велико,
Старайся пережить его легко.

Как ни громаден труд, но победит
Тот, кто на этот труд легко глядит.

Пусть Шам цветет, красуется Герат,
Когда они души не тяготят.

И стоит ли печалиться о них
Нам — странникам на сих путях земных?

Сад этой жизни верности лишен,
В нем лучший цвет на гибель обречен.

И если этот сад от бурь и гроз
Укрыть своих не может лучших роз,

Там не ищи успокоенья ты,
Где благовонья лишены цветы.

Что совершится, то навек уйдет.
Кто прошлое догонит? Кто вернет?

Что можешь ты о будущем сказать?
Как можешь ты судьбу предугадать?

Не властен управлять грядущим днем
Живущий во мгновении одном.

В мгновенье каждом, это помни ты,
Грядущее и прошлое слиты.

Что ты скорбишь над бездной бытия,
Когда одно мгновенье — жизнь твоя?

Ты милосерден, ты — родник любви,
Не мучься, милость сам себе яви.

Тебе одно мгновенье здесь дано,—
Так пусть же будет счастливым оно.

Твое дыханье — жемчуг дорогой,
Прозрачный жемчуг — друг надежный твой.

Ты в четках чередуй рубины дней
С жемчужинами радости своей.

Равняю жемчуг духа твоего
С жемчужиною солнца самого.

Сияет всем светило бытия;
Но в глубине — жемчужина твоя.

Восходит солнце, падает во тьму...
Но внемлет мир дыханью твоему.

Способно солнце полдня все спалить,
А без дыханья мир не может жить.

В дыханье сущность жизни всей живой;
Так назови его «живой водой».

Дыханье, дух!.. От бездны до звезды
Источник вечный в нем живой воды.

Дыханье сил творящих, суть всего,—
В твоем живом дыханье дух его.

О дуновенье, что миры творит,
Сосуд из глины разумом дарит!

В дыхании Исы увидишь ты
Ступень к познанью вечной красоты.

Живущее погружено во тьму,
Но духом вечным жизнь дана ему.

Вокруг тебя — без края и конца —
Как океан, струится дух творца.

Могучим будешь, коль познаешь ты,
Каким богатством обладаешь ты!

Все — от него: бессмертье бытия,
И каждый шаг, и вздох, и жизнь твоя.

А жизнь твоя — дыхания длина,
Но сотнями скорбей омрачена.

Ты унижаешь высший дар ее,
Виной тому — неведенье твое.

Ничтожны мысли в голове твоей,
Ничтожен смысл пустых твоих речей.

Подумай о сокровище своем,
Не будь живой душе своей врагом!

Не унижай величья своего,
Но устыдись хоть бога самого.

Воспрянь из тьмы и праха, сын земли,
И назиданью мудрости внемли.

Тот, кто всему дыхание дает,
Тебя осыпал множеством щедрот.

Ты призван быть не зверем, не ростком,
Не камнем — а разумным существом.

Сознанья чистый свет в тебе горит,
Путь правой веры пред тобой открыт.

Пять чувств тебе даны, чтоб осязать,
И видеть, и внимать, и обонять;

И руки, и запас телесных сил,
И ноги — чтобы прямо ты ходил.

Ты различаешь вкус различных блюд,
Но помни: милость вечного и тут.

Дары творца несметны... Пусть же вам
О них напомнит вкратце мой калам.

Так много у тебя одежд цветных,
Что ум не может перечислить их.

Твой конь, твой мул, твой верховой верблюд
Тебя в любую даль перенесут.

Твои сады полны живых щедрот,
В садах бегут потоки светлых вод.

В садах кумиры дивной красоты,
Как гурии небесной высоты.

До звезд айваны твоего дворца
Возносятся — по милости творца.

Пусть счета нет богатству твоему,
Но знай — за все обязан ты ему.

Дороже всех богатств, тебе дана
Бесценная жемчужина одна:

И это — разум. Не сравняться с ним
Рубинам и алмазам дорогим.

В жемчужнице земного бытия
Заключена жемчужина твоя.

В ней — дар познанья тайн и высоты,
Вот чем при жизни удостоен ты!

Аллах, когда свой перл тебе вручал,
Тебя короной щедрости венчал.

Благодари его за дар любой
И ведай: благодарным — дар двойной.

За хлеб насущный, за питье и снедь
Молитвой благодарности ответь.

И да не будет до скончанья дней
Предела благодарности твоей.

На сущность жизни свой взор устремим,
О духе бытия поговорим.

Вот чудо силы зиждущей, живой —
Твой каждый вдох и каждый выдох твой.

Вдох новой силой наполняет грудь,
А выдох — в нем существованья суть.

Тебе дана двойная благодать —
Всей грудью вольным воздухом дышать.

Дыханьем жив светильник бытия.
Благодари! Дыханье — жизнь твоя!

Дыханье, дух живой! — Его почтил
Творец всего, владыка вечных сил.

Ты помни с благодарностью о том,
Что почитаемо самим творцом!

Ведь мыслишь ясно, видишь, слышишь ты
И чувствуешь — покамест дышишь ты.

Сознанье да сопутствует ему —
Дыханию святому твоему.

Ты душу будь всегда отдать готов
Тому, кто твой защитник, друг и кров.

Страшись о верности забыть своей,
Нет сердцу испытанья тяжелей.

В рассеянье, в самозабвенье ты
Чем занят в этом вихре суеты?

В твоих делах Аллаху пользы нет...
Смотри, чтоб не возникли грех и вред.

Пускай твои заботы и дела —
Впустую, но не делай людям зла!

Противоядие тебе претит,
Зачем же ядом кубок твой налит?

Счастлив, коль друга ты сумел найти,—
Ему вниманье сердца посвяти.

Но устрашись насилье совершить,
Страшись жестокость к людям проявить!

Уж лучше пир веселый в майхане,
Чем стон и слезы по твоей вине.

Не тронь ничью казну, ничью семью
И чти чужую честь, как честь свою.

Друзей и собеседников найди,
От гнета горя жизнь освободи.

Увидя чудо розы молодой,
В саду беседу избранных устрой.

С любезностью, с изысканностью всей,
Присущей мудрым, созови друзей.

Чтоб с их приходом, радостна, светла,
Как сад весенний, жизнь твоя цвела.

В лачуге ль темной, в роскоши ль палат —
Будь щедрым, беден ты или богат.

Ни серебра для истинных друзей
И ни души своей не пожалей.

Возрадуется пусть душа твоя,
Когда вокруг тебя твои друзья.

Здесь на разлуку все обречены.
Как меч кривой, сверкает серп луны.

Счастливец на земле любовь обрел,
Воздвиг беспечной радости престол;

Но, выкованный небом, меч кривой
Обрубит ветви радости живой.

Он неразрывных сердцем разлучит,
Как вихрь закрутит, в стороны умчит.

Таков в своих деяньях небосвод,
Таков его ужасный обиход.

О, если б от грозы его спаслись
Прекрасный ирис, стройный кипарис.

Как гости, все они в саду земном,
Как братья, все они в кругу своем.

О, если б сердце в мире повстречать,
Способное на дружбу отвечать!

Стремящийся к возлюбленной своей
Да будет осчастливлен встречей с ней.

Когда душой с любимой будет слит,
Пусть он меня в тот миг благословит.

Достигший здесь желанного всего,
Пускай на лоне счастья своего

Благодаренье поспешит изречь,
Чтоб счастья цвет от бедствий уберечь.

Пусть вечно благодарным будет он
За благодать, которой наделен.

И пусть создатель сущего всего
Продлит и осчастливит жизнь его!

Глава LVIII

РАССКАЗ О КРАСАВИЦЕ ЧИНА

Изображал художник не один
Красавицу, прославившую Чин.

Как передам я эту красоту?
Ее лицо — страна Хотан в цвету.

Лицо светилось, говорят, у ней
Под сенью темной мускусных кудрей.

Она такие сети чар плела,
Что даже сердце хана в плен взяла.

Чин потрясен был этой красотой,
Шатался вечной истины устой.

Ее изображенья обошли
Весь мир, околдовав людей земли.

Все люди — ближней, дальней ли страны —
О ней лишь были мыслями полны.

Однажды эта дева на майдан
Собралась ехать — поиграть в човган.

Хан в этот день не мог поехать с ней,
Но дал в охрану избранных людей.

Дабы ее не оскорбил ни взгляд,
Ни слово, сказанное невпопад.

Он этой страже приказал хватать
Всех, кто хоть слово смел о ней сказать.

А стража, чем усердней, тем лютей;
Хватали в день по нескольку людей.

Они погибли в муках и крови...
Но был один — неколебим в любви.

Он жаждал встречи с ней, изнемогал;
Пил не вино, а кровь свою глотал.

Отчаяния хмель его увлек —
И чудом он проник в ее чертог.

В ее опочивальню он попал,
Но, сердцем слаб, в беспамятстве упал.

Тут стража зоркая его нашла,
Скрутила руки, к хану привела.

Всех, кто посмел хоть сердцем полюбить
Красавицу,— хан повелел убить.

Сказал: «На стройке крепости моей
Кладите их меж глыбами камней.

Пусть головы их из стены торчат
И дерзких, непокорных устрашат.

Да видит их мучёнья весь народ
И помнит пусть — кто дерзок, тот умрет».

И стали слуги хана в тот же час
Осуществлять чудовищный приказ...

Закат померк. И ветерок ночной
Рассеял черный мускус над землей.

Хан собирался в степь, но вздумал вдруг
Взглянуть, как новых стен возводят круг.

В его крови — огонь вина любви,
С ним свита — звери, чьи мечи в крови.

При свете факелов увидел он
Постройку стен, услышал крик и стон.

Услышал скрип навоя, гул труда.
Сошел с коня и сам пошел туда.

На стонущих он посмотреть решил,
Которых сам на гибель осудил.

Увидеть — стойки ли в любви своей
Они, несчастнейшие из людей.

Вопили, плача, каялись они,
Предсмертной мукой маялись они.

Средь них один лишь благородный был
Тот, кто любви всю душу посвятил.

Измученный он на земле лежал,
Не плача, смертной очереди ждал.

Нет, видя близость страшного конца,
Он горячо благодарил творца.

«Господь! Пока я жив, дышу пока,
Во мне жива любовь, мне смерть легка!»

Пред смертью, за великий дар — любви
Он продолжал творца благодарить.

«Любимая моя!» — Он повторял
И плакал, ослабев, и замирал.

Увидевши его, жестокий хан
Был состраданья бурей обуян.

Его от казни он освободил,
С возлюбленной его соединил.

Он горести любви душой постиг,
Стал справедлив и подлинно велик.

* * *

О Навои, благослови того,
Чей дух — основа духа твоего!

Мой Кравчий, жар души не утолен,
В красавицу из Чина я влюблен!

Дай чашу Чина — жажду утолить!
Я сам, как люди Чина, стану пить!

Глава LIX

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА О БЕСПОДОБНОМ ХОРАСАНЕ И О ПРЕКРАСНОМ ГРАДЕ ГЕРАТЕ

Воздвиг творец сияющих высот
И явный и не явный небосвод.

Он семь небес округлых сотворил,
Семью светильниками озарил.

Шесть — лучезарны, но седьмой средь них,
Как яркий факел среди свеч простых.

Три — в нижних сферах, три — огни высот,
А факел озарил четвертый свод.

Есть шесть небесных свеч; и все они —
От факела рожденные огни.

Тот факел перлом млечным назови,
Не перлом — солнцем вечным назови.

Султан семи небесных сфер — оно
Душою в тело неба внедрено.

На средней сфере неба свой престол
Султан светил блистающий обрел.

И поговорку вспомнить тут не грех,
Что «Дело среднее — важнее всех».

Как всем планетам путь указан свой,
Семь поясов имеет мир земной.

Меж ними вечная взаимосвязь
Во дни миротворенья родилась.

Но солнце ярче всех; оно идет
Эклиптикой, что делит небосвод.

Четвертый круг небес, что избран им,
Сравним с четвертым поясом земным.

Четвертый пояс средь земных широт
Блистает, как четвертый небосвод.

В науке измерения земли
Иклим четвертый «раем» нарекли.

И в нем — прекрасней всех подлунных стран —
Лежит благословенный Хорасан.

Четвертой сферы неба шире он,
Как свод седьмой, возвышен в мире он.

Его неисчислимы города,
И каждый город — яркая звезда.

Все города в тени садов густых;
Как ангелы и пери — люди в них.

Над Хорасаном горные хребты,
Как стены неприступной высоты.

А в недрах гор — сокровищ тайники,
К ним глубоко прорыты рудники.

Живые воды на степной простор
Бегут, шумя, с могучих этих гор.

Краса его долин светлей стекла —
Где водоемы, словно зеркала.

Его полям зеленым и садам
Завидует цветник небесный сам.

Цветет он, плодородием дыша.
Мир — это тело; Хорасан — душа.

Скажи: грудная клетка мира — он;
В груди Герат, как сердце заключен.

Живое сердце, в похвале о нем,
«Султаном царства тела» мы зовем.

Ты свой Герат, исполнившись любви,
«Султаном стран вселенной» назови!

Он — сердце мира и живет в сердцах;
Так в центре войск шатер свой ставит шах.

При виде шаха, радости полны,
Войска восторгом воспламенены.

Не грех, что полюбился он сердцам:
Герат — наш кров, наш отчий дом и храм.

Перо мое крылатое, спеши,
Красу его убранства опиши.

Ты свой Герат не градом называй —
Ирема светлым садом называй.

Окружность Хорасана велика:
Чтоб обойти его, нужны века.

Узор дорог бесчисленных его
Начертан кистью неба самого.

Здесь почва — мускус, урожай — двойной,
Страна обильна, словно рай земной.

В Герате башни крепостной стены
Долину озирают с крутизны.

Вокруг Герата главы снежных гор
Встают под небо синее в упор.

Неколебим Гератских стен отвес,
Врата их — арки девяти небес.

А купола дворцов в лучах зари
Горят, как ангельские алтари.

Резьба блистает на стенах дворцов
Под бирюзою синих куполов.

Сквозь арки непомерной вышины
Пройти могли б небесные слоны.

Видны хребта земного позвонки
Во рвах; так рвы твердыни глубоки.

Как небо, крепость замка высока;
Над замком звезды неба, как войска.

Базары града знает целый свет,
Там дорогим товарам счета нет.

Там сколько бы добра ни покупать,
Во сто раз больше будут предлагать.

Шумят базары, чуть блеснет заря,
Неисчерпаемые, как моря.

Там блещут, как небесная река,
Стоцветные атласы и шелка.

А у заргаров [38] радугой огней
Играют груды дорогих камней.

Ты на большом базаре городском
Заблудишься, забудешь обо всем.

На главную соборную мечеть
Нельзя без восхищения глядеть.

Столица — мир, мечеть в ней —мир другой,
Как в синей сфере неба — шар земной.

Его минбар уводит к небесам,
Туда, где Муштари сияет нам.

Ее михраб, серпом луны горя,
Прекрасен, как вечерняя заря.

Дворцы блистают дивной красотой
И в городе, и за его чертой.

Везде, куда пришлец ни поглядит,
Благоустройство дивное царит.

Из многих малых городов и сел
Возник Герат, как море, и процвел.

Названия кварталов и садов
Идут от ста названий городов.

О боже, боже! — Люди говорят,—
Храни всегда прекрасный наш Герат.

В нем два светила, двух планет светлей,
Как Млечный Путь, цветенье двух аллей.

Я там мечетей не сочту святых,
Смотрю с благоговением на них.

Там каждый хлеб, что бедным раздают,
Подобным солнцу люди назовут.

Там по утрам Корана каждый стих
Гремит, как хоры ангелов святых,

Там медресе, как медресе небес,
Ключи познанья и живых словес.

Строителям, сумевшим их создать,
Поистине присуща благодать.

Познанья жар в учениках горит,
У них учиться должен Утарит.

Возвышенные своды этих школ —
Как купола небесного престол.

Горит рассвет, блеснув из облаков,
В сверкающей эмали куполов.

И минареты дивной высоты
Красуются повсюду, как цветы.

Над ними пери легкие парят,
Обряд для нас неведомый творят.

Ты видишь — стая ангелов сошла
На их сверкающие купола.

Ты скажешь: минареты — строй колонн,
На коих трон Аллаха утвержден.

На острых куполах серпы луны
Путь человека озарять должны.

Там муэззин по лестнице крутой
Восходит ночью со своей свечой.

Движенье неба чередой полос
На куполах блестящих отлилось.

Мечети дивной красоты стоят,
Украшенные, как небесный сад.

Там голуби живут, как Джебраил,
Сложивший крылья у престола сил.

Войдя в мечеть, под исполинский свод,
Чистосердечно молится народ.

Пять раз на дню ты должен совершать
Намазы — и пророка восхвалять.

Сады Герата! Каждый сад его
Прекраснее Эдема самого.

И каждый сад — отрады полон он
Всем, кто трудом и зноем изнурен.

Там цветники всегда полны цветов,
Тропинки вьются между цветников.

Там шестигранные есть цветники
И восьмигранные есть цветники.

Там расцветает столько видов роз,
Что мне их сосчитать не удалось.

И садоводы знающие тут
Плодовые деревья берегут.

Вот так цветет, красуется Герат,
Земля услад, прекрасный сад отрад.

Там розы, обвиваясь вкруг ветвей,
Цветут среди мощеных площадей.

Там сотни птиц пернатых гнезда вьют
И день и ночь на сто ладов поют.

Журчанием арыков ночь полна,
Как пир отрадный бульканьем вина.

Журчанье вод и свежий шум ветвей
Велят на пир ночной созвать друзей.

Чертогами, пленяющими взгляд,
Художники украсили Герат.

На стенах роспись — чинские шелка,
В той росписи Мани видна рука.

А на твердыне замка сам Кейван,
Как страж, хранит Герат и Хорасан.

На юге город огражден рекой,
Она подобна небу синевой.

Взгляни на пузыри кипящих вод:
Любой из них, как бирюзовый свод.

А с севера — прозрачны и звонки —
Наш город орошают две реки.

Вода их вкусом слаще райских вод,
В них влагу жизни черпает народ.

Сады над ними, полные красы,
Под ветром шелестят, как речь Исы.

Предместья города среди садов —
Подобия цветущих городов.

Ни Самарканд с предместием любым,
Ни даже Миср богатый не сравним.

Продли, Аллах, святого мира дни,
Герат от всех несчастий охрани!

Таким он не был двадцать лет назад —
Прекраснейший из городов Герат.

Столица и держава расцвели
По воле властелина сей земли.

Разумен, тверд во всех своих делах
Победоносный справедливый шах.

Ануширван — прославленный в былом —
Стал ныне бы его учеником.

Пусть в справедливости он преуспел,
Но светочем ислама не владел.

Закон, без света истины святой,
Негоден в управлении страной.

Забыто все... Лишь тем в столетьях жив
Ануширван, что был он справедлив.

Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв.

Султан, что справедливость утвердит,
Свой век бессмертной славой озарит.

Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.

Благоустраивай лицо земли,
Добру и справедливости внемли.

В твоих руках — народ и мир земной,
Не только этот — но и мир иной!

Глава LX

РАССКАЗ О ЦАРЕ БАХРАМЕ

Когда из мира Язди-Джирд ушел,
Бахрам воссел на отческий престол.

Но вместо управления страной,
Он затевал вседневно пир горой.

Коль царь умеет только пить и спать,
Враги начнут державу разрушать.

Бахрам, в угодьях рыская степных,
Не видел горя подданных своих.

Его вазиры грабили казну
И разоряли славную страну.

Охотился Бахрам в глухих степях.
Отстала свита; заблудился шах.

Шалаш разрушенный увидел он,
Услышал чей-то тихий плач и стон.

Дом обвалился, словно дом души,
От всех таящей боль свою в тиши.

В стене торчали стрелы, след вражды,
Насилия или другой беды...

В руину царь вошел и видит в ней
Ограбленных, измученных людей.

Хозяин бедственной лачуги той
Принес Бахраму хлеб, кувшин с водой.

«Как ты живешь?» — спросил его Бахрам.
Ответил: «Как живу, ты видишь сам».

Бахрам сказал: «Всю правду мне открой,—
Что здесь случилось с ними и с тобой?»

Ответил: «Прежде лучше нам жилось,
Пока гонение не началось.

Наш новый царь вино беспечно пьет,
Не видит он, как мучится народ.

Царь спит, а слуги царские в тот час
Идут и грабят беззащитных нас.

Вся эта столь богатая страна
В пустыню мертвую превращена».

Руины замка увидал Бахрам,
Спросил: «Скажи, что прежде было там?»

Ответил: «Это был богатый дом,
Прекрасный сад старинный рос кругом.

Цвели там розы, зрели там плоды,
Журчал поток каризовой воды.

От тех живых неистощимых вод
У земледельца множился доход.

Насильники, что грабить нас взялись,
Разрушили, засыпали кариз [39].

Сады погибли, высохли поля,
Мертва неорошенная земля.

Край обезлюдел, рушатся дома,
Как будто здесь у нас прошла чума.

Сам погляди — что с этих взять людей?
А слуги шаха все лютей и злей.

Мы — нищие, все отняли у нас,
Нам нечем жить. Пришел последний час!»

Все понял шах: мучительным огнем
Душа, скорбя, воспламенилась в нем.

Мечь состраданья грудь ему терзал,
От горя ком под горло подступал.

От сердца прочь беспечность отошла,
Увидел ясно он все корни зла.

Решил он — притеснителей казнить,
Добро и справедливость утвердить.

Великую он в этом клятву дал...
Тут кто-то с вестью доброй прибежал:

«Как мы взялись раскапывать кариз,
Воды прозрачной струи полились!»

Хозяин молвил: «Милостив творец!
Видать, наш царь-пьянчужка наконец

Над нашим горем сжалился душой.
Вода! — К добру, наверно, знак такой!»

Встал царь, дехкана поблагодарил
И щедро всех несчастных одарил.

Он истребил насилие и гнет,
От лихоимства защитил народ.

И правда им была утверждена,
И снова расцвела его страна.

Великий шах живет — известно мне —
Заботой о народе и стране.

За то и раем Хорасан зовут,
Что люди в благоденствии живут.

* * *

Мой шах? Мечты да сбудутся твои!
Да будет радость в том и Навои!

Эй, Кравчий, поспеши фиал налить,
Хочу достойно шаха восхвалить!

Душа моя скорбит, угнетена.
Я смою гнет живой водой вина.

Глава LXI

ДВАДЦАТАЯ БЕСЕДА
НАСТАВЛЕНИЕ ЦАРЕВИЧУ БАДИУЗЗАМАНУ

Все, что живет в строенье мировом,
Суть бытия таит в себе самом.

В любом явленье сущего всего
Природа проявляется его.

Так свойства солнца дня — в его лучах,
Зародыши жемчужин — в облаках.

И порожденье горных жил — рубин,
И амбра — детище морских глубин.

Сын человеческий есть человек;
Царь от царя рожден, от бека бек.

Коль благородный шах — как бы рудник,
То сын его в нем, как рубин, возник.

Хоть лалов много в царском руднике,
Их судьбы — у зиждителя в руке.

По степеням он удостоил их
Венцов и власти в областях земных.

Но в ожерелье должен быть замок,
Чтоб жемчуг вдруг рассыпаться не мог.

Чтоб был един и крепок Хорасан,
Надежда наша — Бадиуззаман.

Природою он одарен самой,
И ангел он душевной чистотой.

Хоть сущностью он человек во всем.
Но ангел он в обличии земном.

Утонченный по сущности своей,
Он — милость божья для земных людей.

О Шах-заде, где мне слова найти,
Чтобы хвалу тебе произнести?

И стыдно мне хвалить... так полон ты
Достоинств, нежности и чистоты.

Как можно солнце мира восхвалить?
С чем можно свет лучей его сравнить?

Кто скажет: «Хлеб насущный жизнь дарит»,—
Тот слова нового не говорит.

Известно всем давно, что: «Небосвод
Возвышен», а «Луна сиянье льет».

Тебе не нужно похвалы пустой,
Я просто побеседую с тобой.

Султан (да будет вечно счастлив он)
Познанием великим наделен.

Сегодня в силах он предугадать,
Чего от судеб завтра надо ждать.

Его глубокой опытности свет
Провидит зорко мглу грядущих лет.

История минувшего всего
Живет в зерцале памяти его.

В правленье государством умудрен,
Во все дела страны вникает он.

Он требует, чтоб обо всем ему
Докладывали тут же самому.

Коль он советам мог моим внимать,
То мне тебя уместно наставлять.

Во-первых, знай — не вечен человек;
Богатство, власть и царство — не навек.

Тревожен бытия глубокий сон.
Все минет... Каждый будет пробужден.

Подобен мир столпам руин глухих,
И все — мираж, что видишь ты средь них.

Прах, уносимый ветром,— мир земной,
А вечность только в истине одной.

Строитель тела — бренного дворца,
Дарящий душу,— это дух творца.

Пока на свете человек живет,
Да молится источнику щедрот.

Но царь, чья жизнь от бога далека,
Последнего ничтожней бедняка.

Дервиш, кому Аллах — единый кров,
Поистине наследник двух миров.

Все, что пишу я здесь моей рукой,
Предначертал калам судьбы самой.

Перед угрозой бурь не трепещи,
На испытанья бога не ропщи.

Когда в бою победы свет блеснет,
Ты знай: тебе победу бог дает.

Ты не гордись величием своим,
То — милость бога! Преклонись пред ним!

Шло войско на слонах; и вот оно
Налетом ласточек истреблено.

Сражен был каждый ласточкой одной,
Погибли все — гласит Коран святой.

Заххака вспомни — как он был жесток.
Бог Фаридуну слабому помог.

Он, вскормленный коровьим молоком,
Главу чудовища отсек мечом.

Будь милосерден к подданным твоим,
Ведь дал не ты и жизнь и душу им.

Дано им богом благо бытия.
Быть им защитой в бедах — цель твоя.

Велик по воле бога ты — счастлив,
Так будь всегда с народом справедлив.

А если шайка лихоимцев злых
Ослушается твердых слов твоих,

Ты меч святой закона занеси
И непокорным головы снеси.

Ты волей бога возведен на трон,
От щедрости его ты одарен.

Тебе он эту землю подчинил,
Покорных сонмы пред тобой склонил.

И коль не будешь благодарен ты
Ему за все, чем так задарен ты,

И волею его пренебрежешь,
И голову гордыни вознесешь,—

Достоин будешь кары ты иль нет?
Сам знаешь, сам на это дашь ответ.

Под вихрем гнева божьего — куда
Бежать тебе? Как жить тебе тогда?

Захочешь волю божью преступить,
Подумай — как от бога это скрыть?

Твои поступки ведомы ему,
От них народу стыдно твоему.

Страшись людей губить и притеснять!
Знай — от расплаты некуда бежать.

Гони с порога низость и порок,
Иди путем, что указал пророк.

Ты помни, цель твоя — спасенья дом;
Иди к нему единственным путем.

Калам, нетвердой движимый рукой,
Испортит чистый лист кривой строкой.

Ты Шариата знамя разверни,
Законом правды землю осени.

Шах, если правда им руководит,
Державу из развалин возродит.

Коль царь, хоть он неверный, справедлив,
Страна цветет, народ его счастлив.

А угнетатель, пусть он чтит ислам,
Губя народ, страну погубит сам.

Кто правил справедливо, только тот
Канатный мост над бездной перейдет.

Будь прям во всем, и к цели ты дойдешь!
Кривой стрелой в мишень не попадешь.

«Адл» — справедливость, правосудья щит,
Из букв — значенья полных — состоит.

«Айн» — первый знак. И власть дана ему,
Как солнцу, гнать вражды и гнета тьму.

«Даль» — знак второй, венец и властелин
В словах: «Давлат» — «Держава», «Вера» — «Дин».
А «Лам», как локон гурий, вечно юн;
В его силок попался Хумаюн.

Венцом, как солнцем, путь свой освети,
Нить истины не потеряй в пути!

Обиженного жалобам внимай,
Сколь жалобы ни долги, не скучай.

Коль угнетенный подымает стон,
Пусть у тебя найдет защиту он!

Укрой его, печаль его развей
Величьем справедливости твоей.

Пусть притеснитель — даже родич твой,
Карай его суровою рукой!

Людей несчастных грабя и губя,
Он тяжкий грех возводит на тебя.

Так, овладев сокровищем, змея
Блаженствует, свой яд в зубах тая.

Ты не потворствуй злу, препоны ставь,
Виновного раскаяться заставь!

Кто искренне раскаялся в грехах,
Тому простит всевидящий Аллах.

Любой, огнем пылающий порок
Потушит слез раскаянья поток.

Отрадно щедрым, благосклонным слыть...
Но твердым будь — и зло умей казнить.

И добрые и злые люди есть,
И не одна людским деяньям честь.

Ты — океан щедрот, но от него
Злым — все добро, а добрым — ничего!

Как вешний ветер, всем неси добро,
Но меч возмездья наточи остро.

Иных болящих сладости целят;
Но есть болезни, где полезен яд.

И если мазь не может вскрыть нарыв,
Гной удали, ланцетом кожу вскрыв.

Коль пальцами колючку из пяты
Не вырвешь, то к игле прибегнешь ты.

О шах, да будет при тебе всегда
Всем добрым — хорошо, а злым — беда!

А если зло с добром сравняешь ты,
То с мятежом не совладаешь ты.

Ничтожных и льстецов не возвышай,
Достойных за пустяк не унижай.

Чтоб на высокий купол зданья влезть,
Потом сойти — в стене ступени есть.

А тот, кто без ступеней ввысь пойдет,
Падение и муку обретет.

Начав ребенка грамоте учить,
Наставь его за знаками следить.

Хоть внешне люди схожи, но смотри —
Какая скрыта рознь у них внутри:

Пусть у свечи с сосулькой сходен вид,—
Сосулька тает, а свеча горит.

Стократно человека испытай
И лишь достойнейшего приближай.

Ты не суди по виду ни о ком,
Чтобы тебе не каяться потом.

Вот некто: словно ангел он красив;
А приглядись: в душе он — сущий див.

За малую погрешность не гневись,
Поспешности в расправе устрашись.

Ни в чем он неповинен, может быть...
А мертвого ничем не воскресить.

Пузырик водный лопнул. Навсегда
Умчала пену быстрая вода.

Прощай вину, коль малый повод есть,—
Не торопясь, обдумай все и взвесь.

Открой широко правосудья дверь,
Но на слово свидетелю не верь.

Пусть правоту своих докажет слов;
И ты распознавать умей лжецов.

Не любит лжи правдивый человек,
Лжец по природе лжет во весь свой век.

Так ночь подобна лжи, в ней правды нет,
Но проясняет истину рассвет.

Не подчиняйся голосу вражды,
Невинному не причиняй беды.

На человека грех чужой взвалить
Способна ложь, так не спеши казнить.

Перед началом всяких дел больших
Зови к себе советников своих.

Таков закон прославленных царей —
Внимать совету знающих людей.

Но часто терпит пораженье тот,
Кто мудрым людям закрывает рот.

В бою решенья быстро принимай,
Но все ж совету опыта внимай.

А коль в совете возникает спор,
Ты нерешительности дай отпор.

Хоть в силах дело ты осуществить —
Не медли, бойся время упустить.

Коль вовремя в свой сад ты не придешь,
Опустошенным ты его найдешь.

Все силы духа делу отдавай,
Но и добро творить не забывай.

Правдив наставник бескорыстный твой,
Не может заменить его другой.

Пусть ошибется он, но в двух мирах
Не ошибается один Аллах.

Перед лицом врага, готовясь в бой,
Войска разумно, правильно построй.

Идя на приступ, смерти не страшись,
В руке судьбы и наша смерть и жизнь.

Умершего спешат в мазар унесть;
А тем, кто жив, зачем в могилу лезть?

Не отступай в смятенье пред врагом,
Иди, собрав все силы, напролом.

Хотя победу только бог дает,
Но и отвага пользу принесет.

Не забывай: победоносен шах,
Любимый и в народе и в войсках.

Коль враг бежит пред силою твоей,
Щади людей, напрасно кровь не лей.

Ужасней тысяч смертоносных стрел
Страдальцев стоны, горы мертвых тел.

За свой успех творца благодари,
Но меч напрасно кровью не багри.

Все это, что тебе я написал,
Я в боевых деяньях шаха взял.

Когда ты удостоишься венца,
Бери пример с великого отца.

И мудр и славен будешь ты во всем,
Идя его испытанным путем.

Он — твой наставник — истинно велик,
Учись же, как покорный ученик!

Не будь ни в чем виновен перед ним,
И станешь сам ты счастлив и любим.

Глава LXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я к этой книге приступил,
Почувствовав прилив духовных сил,

Я за живой водой пошел во тьму,
В страданиях незримых никому.

Я сталью острой очинил калам
И дал исход стремительным словам.

Страницы украшая, словно рай,
Тростник мой зазвучал, как звонкий най.

Звук, порожденный писчим тростником,
Пел, нарастал, взывая, как маком.

Приняв за пенье флейты этот звук,
Запели и заплясал суфийский круг.

Тот звук отшельничьих пещер достиг,
Всех девяти небесных сфер достиг;

Он поднял смуту среди толп людских,
Смятенье в сонме ангелов святых.

И праведники стали горевать
И вороты одежды разрывать.

И этой звонкой флейты перелив
Внимали пери, крылья опустив.

Под этот звук освободясь от мук,
Больные позабыли свой недуг.

Теперь, когда пленяющая взгляд
Красавица одета в свой наряд

И над землей, величия полна,
Взошла, как двухнедельная луна,

Стал виден весь Восток в ее лучах,
И смута на земле и в небесах

Вновь началась... Сломался пополам
Секретаря небесного [40] калам.

Сокровищницы неба казначей
Слетел, кружась над головой моей.

Меня дождем бесценных жемчугов
Осыпал он из девяти ларцов [41].

Осыпал золотом и серебром
В великом расточительстве своем.

Как легкий вихрь кружился он, и пал,
И пыль у ног моих поцеловал.

Расставил он передо мной подряд
Сокровища, которыми богат.

Осыпал серебро моих седин
Рубинами неведомых глубин.

И стал я в удивленье размышлять,
Стал в размышленье душу вопрошать:

Ведь это все — написанное мной —
С моею жизнью сходственно самой;

Но это только тысячная часть
Того, над чем души простерта власть.

Пусть мой дастан достоинств не лишен,
Но как далек от совершенства он.

Он мыслями богат. Но где же строй?
В нем нет системы строгой и прямой.

Бывало — вдохновением дышу,
Но лишь двустиший десять напишу,

Зовут заботы; надо все бросать,
И некогда затылок почесать.

Как только тушь на небе голубом
Рассвет сотрет сернистым мышьяком,

И утро тьму ущелий, мглу и дым
Сметет лучистым веником своим,

И ночь знамена мрака унесет,
А день свой стяг багряный развернет,

И до поры покамест этот стяг,
Склонясь к закату, не уйдет во мрак,

Покамест ночь наставшая опять
Не станет с сажей киноварь мешать,

Покамест над землею небосвод
Опять свои светила не зажжет,—

С рассвета до ночи душою всей
Я пленник жалоб множества людей.

Не остается ни мгновенья мне
Побыть с самим собою в тишине.

И кто в мой дом печальный ни придет,
Сидит и забывает про уход.

Тяжелый, долгий разговор ведут,
Сидят, пока другие не придут.

Толпится в доме множество людей,
Сжигая зданье памяти моей.

Задачи ставят, коих, может быть
Никто не может в мире разрешить.

Прощенья просишь — дерзостью сочтут,
Все объяснишь — обиду унесут.

Будь с ними щедр, как небо, в их глазах
Любая щедрость только тлен и прах.

Тем, кто утратил в жадности покой,
Нет разницы меж каплей и рекой.

Все, что ты им даешь, они возьмут
И на тебя же с жалобой пойдут.

О, этот разнобой речей пустых!
Лишь алчность — чувство общее у них.

Будь ты могуч, как богатырь Рустам,
Будь ты безмерно щедр, как был Хатам,

Будь, как Карун, несметно ты богат,
Останешься пред ними виноват.

Хоть я от всяких служб освобожден,
Хоть я своей болезнью угнетен,

Но все же не решаюсь их прогнать,
А слушаю,— и должен отвечать.

Я в слабости души себя виню —
И все-таки докучных не гоню.

И это каждый день... в теченье дня
Пересыхает горло у меня.

Страдаю днем от глупости людей,
А ночью — от бессонницы моей.

И отдыха не суждено мне знать;
Урывками я принужден писать.

Прости погрешности стихов моих!
Мне было некогда чеканить их.

Мне сроки рой забот укоротил,
Свой замысел не весь я воплотил.

О, если б я, благодаря судьбе,
В день час иль два принадлежал себе,

То я не знал бы никаких препон,
Всецело в море мыслей погружен.

Я доставал бы перлы редких слов,
Ныряя в бездну, как жемчуголов.

Я добыл бы — силен, свободен, смел —
Сокровищ столько, сколько я хотел.

Я показал бы в наши времена,
Какою быть поэзия должна.

А так, возможно, тщетен был мой труд
И звуки этих строк навек замрут...

Когда я так в печали размышлял,
Мне друг мой, светлый разумом, сказал:

«Что ты без сил склонился головой,
О воин справедливости святой?

Ты, честности пример среди людей,
Не поддавайся слабости своей!

Ты здесь достиг вершины красоты,
Но можешь высшего достигнуть ты.

Ты — языка творец — дерзай, твори!
Свободно крылья раскрывай, пари!

Твои созданья — редкостный товар,
И вся вселенная — его базар.

Звездой блистает этот твой дастан,
Молва о нем дошла до дальних стран.

Я «Украшением вселенной всей»
Зову творение души твоей.

Небесной милостью осенено,
Блистает шахским именем оно!»

О шах, твоею славой, как аят,
Динары справедливости звенят.

Согнулось небо пред тобой кольцом;
И солнце — как твоя печать — на нем.

Как я могу хвалу тебе слагать?
Пылинке среди звезд не заблистать.

И капля меру знать свою должна,
Не может океаном стать она.

Но то, что высшей волей суждено,
Да будет человеком свершено.

Сгорел в огонь влетевший мотылек,
К огню не устремиться он не мог.

Несчастный сумасшедший — для детей
Посмешище, мишень для их камней.

Подобьем тех камней, того огня,
Поэзия, ты стала для меня.

Хоть в мире слов свободно я дышу,
Но нет мне пользы в том, что я пишу.

И мысль меня преследует одна,
Что эта страсть опасна и вредна;

Поэзией зовется эта страсть,
И горе тем, кто предан ей во власть.

Нижи газель, как жемчуг; но лишь те
Поймут ее, кто чуток к красоте.

За истину в ней выдается ложь,
И скажут все: «Как вымысел хорош!»

Кто был стихописаньем увлечен,
Мне кажется, что жил напрасно он.

Да лучше в погребке небытия
За чашей бедности сидел бы я!

Сумел бы от мирских тревог уйти
И думал бы о будущем пути!

Когда бы зной степной меня палил,
Я кровью сердца жажду б утолил...

Платил бы я на пиршествах ночных
Динарами телесных ран моих.

Меня бы одевала пыль пустынь,
Я не желал бы лучших благостынь.

Зонтом от солнца плеч не затеня,
Упорно к цели гнал бы я коня.

Была б в ягач моих шагов длина,
Моим венцом была бы седина.

Я шел бы, к цели устремлен одной,
Не чувствуя колючек под ногой.

Все бренные заботы разлюбя,
Я перестал бы сознавать себя.

И был бы царский жемчуг слез моих
Приманкой птицам далей неземных.

И рана скорби на груди моей
Была б святыней страждущий людей.

Кровавые мозоли пят моих
Дороже были б лалов дорогих.

Из каждой капли крови эти ран
В долине бед раскрылся бы тюльпан.

Я искрами моих горящих мук
Степной простор осыпал бы вокруг.

И как весною, снова б зацвели
Пески пустынной выжженной земли.

Когда бы я дорогой ослабел
И отдохнуть немного захотел,

Везде мне место — лечь, забыться сном,
Везде мне небо — голубым шатром,

Предгорий луг ковром служил бы мне,
А изголовьем камень был бы мне.

Едва прохлада сменит жаркий день,
Я лег бы на землю легко, как тень.

К моим ногам, измученным ходьбой,
Фархад склонился б и Меджнун больной.

И были бы ланиты их в крови
От сострадания к моей любви;

Хоть ни пред кем я не взывал о ней,
Не плакал о возлюбленной моей.

И поняли бы вдруг, изумлены,
Два призрака глубокой старины,

Что в области любви властитель — я,
Что на века над ними — власть моя.

...Когда б такой я степени достиг,
И стал душой в страданиях велик —

Весь мир, подобный радостной весне,
Прекрасный мир зинданом стал бы мне!

Тогда б сурьмою пыль моих одежд
Была для ангельских пречистых вежд.

И мне любовь моя и божество
Открыла б солнце лика своего

И жители небес, как стая птиц,
Кружась пред нею, падали бы ниц...

...И устремил свой взор духовный я
Поверх небытия и бытия.

Решил бесстрашно, как Сейид-Хасан,
Преодолеть сей бурный океан.

Меня душа, как птица, ввысь влекла,
К земле тянули низкие дела.

Вело веленье духа в райский сад,
А низменная страсть бросала в ад.

Лик этой страсти ангельски красив,
Но в ней слились в одно шайтан и див

И, каждый миг бесчисленно плодясь,
Над слабым сердцем утверждают власть.

Когда умножится зловещий рой,
Всецело овладев живой душой,

То человек, о правде позабыв,
Становится коварным, злым, как див.

Так говорю я, ибо я и сам —
Увы! — подвластен гневу и страстям.

Во имя бога вечного, душа,
Воспрянь, опору зла в себе круша!

Во власти этих дивов я томлюсь,
Великой кары в будущем страшусь.

Мой обиход — коль правду говорить —
Так плох, что хуже и не может быть.

А жизнь души нерадостной моей
Еще печальнее и тяжелей...

Пусть даже слез я океан пролью,
Грудную клетку превращу в ладью,

Но выплыть мне не даст в ладье такой
Гора грехов — огромный якорь мой.

Я внешне человек, но — видит бог,
Как я от человечности далек...

Меня — изгнанника — от Солнца Сил
Поток тысячелетий отделил...

Вот мудрецы беседуют в ночи —
В своих речах они прямей свечи.

Но змеи зависти в душе их те ж,
От бури злобы в сердце их мятеж.

И я, как все, вместилище страстей
И недостоин похвалы людей.

«Защитником народа» я слыву,
Гласит молва, что правдой я живу.

Слыву «плененным вечной красотой»,
Безгрешным и глазами и душой.

Соблазн гоню от глаз... Но как в тиши
Осилю вожделения души?

Погибну, коль на помощь не придешь,
Коль сам меня ты, боже, не спасешь!

Всю жизнь мою, все прошлые года
Я вспоминаю с мукою стыда.

А весь мой труд — калам, бутыль чернил,
Всю жизнь свою бумагу я чернил...

Калам речистее, чем мой язык,
Письмо чернее, чем мой темный лик.

Коль милостью их не омоешь ты,
Как им избавиться от черноты?

Длинна, я вижу, цепь моих стихов;
Стократ длиннее цепь моих грехов.

О господи, раба не осуди!
Меня над гранью бездны пощади,

Коль хорошо сложил дастан я свой!
А если плохо — то я весь плохой.

Благоволеньем озари мой труд,
Пусть эти строки сердца не умрут,

И пусть глубины мысли в книге сей
Откроются, сияя, для людей!

Велик мой грех. Но что весь груз его
Пред морем милосердья твоего?

Пусть добрых дел моих ничтожен след,
Но милости твоей предела нет!

РАССКАЗ О РАБЕ

Жил, знаменитый правосудьем встарь,
В одной стране великодушный царь.

Раб у него был верный, пазанда,
Великий повар славный в те года.

Однажды царь с гостями пировал,
А повар сам все блюда подавал.

И в спешке вдруг, усердием горя,
Горячим блюдом он облил царя.

И все решили: нет прощенья тут,
За грех такой его теперь убьют.

Шах глянул на несчастного того
И сжалился и пощадил его.

Вазир сказал: «Ответь, владыка мой,—
Как ты миришься с дерзостью такой?»

А царь в ответ: «Взгляни — он весь дрожит,
Он страхом и смущением убит.

А ведь убитого — ты должен знать,
Не принято повторно убивать.

Он тягостным раскаеньем томим,
И мы его невольный грех простим!»

О боже, мир падет, хвалу творя,
К стопам великодушного царя.

Я трудно жил, в грехах свой век губя,
Но жив одной надеждой на тебя!

Измучен я, казнен моим стыдом,
Но ты за муки воздаешь добром.

Хоть недостоин я твоих щедрот,
Но свет моей надежды не умрет.

О море щедрости! Кто я такой?
Из моря хватит капли мне одной.

Я знаю — только с помощью творца
Довел я эту книгу до конца.

И я «Смятеньем праведных» назвал
Свой труд, как только суть его познал.

Пишу в благословенный восемьсот
Восемьдесят восьмой — по Хиджре — год.

* * *

О переписчик будущего дня,
Молитвой краткой помяни меня!

И да исполнит бог мечту твою,
Да уготовит сень тебе в раю.

О Навои, вина теперь налей
И чашу благодарности испей.

Эй, Кравчий мой, хранитель чистых вин,
Не надо чаши! Дай мне весь кувшин.

Сегодня я без меры пить хочу,
На время сам себя забыть хочу!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кааба* — храм в Мекке.

[2] *Батман* — старинная мера веса.

[3] Имя *Низами*, в арабском начертании состоит из пяти букв.

[4] Суммы числовых значений этих букв — 1001.

[5] *Рэнд* — бродяга, кутила; иносказательно — воплощение мудрости.

[6] *«...На первом небе из семи».*— По древней космографии, семь небесных сфер, в которых движутся семь планет, расположенные одна внутри другой в следующем порядке: первое небо — Луна, второе — Меркурий (Утарид), третье — Венера (Зухра), четвертое — Солнце, пятое — Марс (Маррих, Бахрам), шестое — Юпитер (Муштари), седьмое — Сатурн (Кейван).

[7] *Наво* — мелодия.

[8] *Мумиё* — горный воск.

[9] *Харабат* — руины.

[10] *Муса* — пророк Моисей. *Иса* — Иисус.

[11] *Хума* (Хумаюн) — птица счастья.

[12] *Джам* (Джамшид) — царь, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

[13] *Аят* — стих Корана.

[14] *Бу-риё* — дух лжи.

[15] *Гебры* — зороастрийцы.

[16] *Михраб* — молитвенная ниша в мечети.

[17] *Хызр* — легендарный мудрец, спасающий гибнущих в пути. Изображается в виде старца в зеленой одежде.

[18] *Кыбла* — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

[19] *Иклимы* — климатические пояса. Части света.

[20] *Барк* — молния. *Фарк* — отличие.

Фар — блеск, ореол. Непереводимая игра арабским начертанием слов.

[21] *Бош* — голова (также обыграно арабское начертание).

[22] Оманский залив — знаменит добычей жемчуга.

[23] *Хатам* — славился щедростью.

[24] *Нисан* — апрель. От апрельского дождя, по легенде, в море зарождался жемчуг.

[25] *Рабат* — странноприимный дом, пристанище.

[26] *Ануширван* — шах сасанидской династии (VI век).

[27] *Анка* (или Симург) — сказочная птица, живущая на горе Каф.

[28] *Кане* — довольный (малим). В арабском начертании эти слова состоят из одних и тех же букв.

[29] *Тайласан* — молитвенная одежда.

[30] *Инжил* — Евангелие.

[31] *Зуннун* и *Шибли* — суфийские пи́ры (наставники).

[32] *Кабк* — горная индейка.

[33] *Замзам* — священный колодец в Мекке.

[34] *Притин* — наивысшая точка эклиптики.

[35] *Кедхуда* — старшина селения.

[36] *Мунши* — пишущий, каллиграф.

[37] *Тул* — колчан.

[38] *Заргар* — ювелир.

[39] *Кариз* — водопровод.

[40] *Небесный секретарь* — планета Меркурий — покровитель поэтов.

[41] *Девять ларцов* — девять небес (по древним представлениям).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Смятение праведных» является первой поэмой в составе знаменитой «Хамсы» («Пятерицы») великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. По литературным традициям Востока «Хамса» представляет собой свод пяти поэм, являющийся энциклопедией жизни и духовной культуры народов Востока. Пять эпических произведений-дастанов впервые были созданы и объединены под общим названием «Хамса» классиком азербайджанской литературы Низами Гянджеви (1141—1203). Затем в создании «Хамсы» так же прославился знаменитый поэт персидско-таджикской литературы Эмир Хосров Дехлеви.

«Хамса» как большое полотно дает поэту возможность всесторонне отражать социальные проблемы и общественно-философскую мысль той или иной эпохи, и поэтому она, как поэтическая форма и литературная традиция, в течение веков привлекала к себе внимание лучших поэтов Среднего и Ближнего Востока. Многие поэты Востока испытывали свой поэтический талант в написании «Хамсы», но среди них признанными классиками оказались Хосров Дехлеви, Абдурахман Джами и, наконец, Алишер Навои, создавший свою «Хамсу» на родном узбекском языке.

Следует отметить, что создание «Хамсы» после Низами, как уже многократно доказано учеными, ни в коем случае не является подражанием гению первого ее творца. Каждая новая «Хамса», являясь поэтическим ответом великим творениям Низами, Хосрова Дехлеви и Джами, в то же время была оригинальным художественным произведением, отражающим в себе основные идеи своей эпохи. Однако архитектоника, стиль, поэтические приемы, стихотворные размеры и сюжетные линии всех «Пятериц» остаются внешне сходными.

«Смятение праведных», как философская поэма, является своеобразным вступлением к «Хамсе» Навои и отражает все основные стороны мировоззрения поэта, его общественные, гуманистические, этические, эстетические взгляды, которые находят свое дальнейшее развитие в остальных поэмах «Пятерицы».

Алишер Навои в прологе всех поэм своей «Хамсы» высоко оценивает поэтический гений Низами, Хосрова Дехлеви и Джами. Он их считает своими учителями и одновременно подчеркивает, что его «Хамса» никак не является повторением произведения своих предшественников.

Создавая «Хамсу» на родном узбекском языке, Навои особо отмечает, что его цель — сделать достоянием своего народа эту сокровищницу человеческой мысли:

Желанье вслед великим трем идти,
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни.

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

«Хамса» Навои, как непревзойденный шедевр, была высоко оценена современниками поэта, вызвала многочисленные подражания, имела огромное влияние на развитие узбекской литературы в последующих веках.

Дружба и литературное сотрудничество между Абдурахманом Джами и Алишером Навои является олицетворением дружбы двух братских народов. Навои, закончив свою «Хамсу», понес ее к своему другу и учителю Джами. Об этой встрече поэт пишет:

Он всю мою «Хамсу» перелистал,
За бейтом бейт с вниманьем прочитал.

И спрашивал меня; и, просияв,
Как солнце, ликовал — ответу вняв.

Не ждал я сотой доли от него
Глубокого признания того.

(«Стена Искандара».
Перев. В. Державина)

Джами в конце своей поэмы об Искандаре особо останавливается на «Хамсе» Навои и дает высокую оценку творению своего друга. Хвала Джами не является панегириком, а искренней восторженной оценкой создания гениального поэта, ученого, великого ума своей эпохи.

«Смятение праведных» — первая поэма «Пятерицы», носит философско-дидактический характер и широко отражает основные проблемы общественной жизни эпохи.

Читая «Смятение праведных», можно убедиться, что «Хамса» Навои — это не сборник механически собранных воедино пяти поэм, а грандиозное, органически единое произведение, идейно и художественно неразрывно связанное во всех своих частях.

«Смятение праведных» Навои закончил в 1483 году. Поэма распадается на шестьдесят четыре главы. Первые главы, по традиции, посвящены богу и пророку. Дальше следуют двадцать бесед, в которых отражено идейное содержание поэмы. Мировоззрение Алишера Навои, как сына своей эпохи, не могло быть свободно от влияния философий ислама. В вопросах возникновения вселенной и появления в ней человека, его судьбы Навои верит в высшее начало, творящую силу. Его мировоззрение, в основе своем религиозное, совершенно отличается от взглядов ортодоксального ислама, оно пантеистическое и гуманистическое. По мнению Навои, человек является наивысшим и совершенным творением. Ни одно живое существо не наделено свойствами человека, поэтому человек достоин владеть наивысшими благами жизни. Так говорит Навои о человеке:

Сам стал он царством, троном и царем
Всевидящим и сведущим во всем.

Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он истину познал.

Дай, кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!

Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, Человека восхвалю!

В «Смятении праведных» воспевается человек, его высокие духовные свойства, и это составляет идейную основу поэмы и обусловливает ее эстетическое достоинство.

Почти в каждой главе, в каждом двустишии и строке Навои предстает перед глазами читателя как певец разума и прогресса, как гениальный мастер художественного слова. Его величие заключается еще в том, что он не был в плену тех формалистических традиций, которые были характерны для восточной придворной литературы. Навои неоднократно подчеркивал, что в поэзии форма и содержание должны быть едины. Но при этом он всегда указывал, что содержание составляет основу художественного произведения. В главе поэмы «О слове» Навои пишет о поэзии:

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

Поэт всегда стоит на реалистических позициях. Он требует правдивого изображения действительности:

Коль слово жаром истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

Вся поэма создана на основе реалистического метода. Любой вопрос, затронутый в поэме, своими корнями уходит в реальную жизнь, и трактовка его предусматривает решение общественно-политических философских и морально-этических вопросов эпохи Алишера Навои.

В конце каждой главы Навои дает маленькие рассказы-притчи, часто заимствованные из устного народного творчества и легенд, которые служат как бы иллюстрацией для выдвинутых поэтом положений.

В «Смятении праведных» поэт выступает как великий мастер философско-дидактической поэмы. Он поражает читателя глубиной мысли, широтой познания и прогрессивностью своих взглядов, в тех условиях феодального общества, когда ортодоксальный ислам уничтожил все живое и передовое в мире духовной жизни человека.

* * *

Окружающая среда поэта была мрачна. Поэт везде сталкивается с господством несправедливости, бесправия и мракобесия. Основная часть общества живет в нужде и голоде. Господствующая часть общества, обладающая всеми материальными благами, ведет паразитический образ жизни. Навои выступает ярым врагом бесправия, угнетения и зла. Он пишет:

Есть в мире и добро, и зло, и грех,
Добро — тайник, открыто зло для всех.

Плохого много, тонет мир во зле,
Добра и правды мало на земле.

В феодальном обществе шах является вершителем судеб общества. Но несправедливый и невежественный монарх, озабоченный только своим благополучием, приносит народу в стране бесчисленные беды. О них поэт писал:

Подобен раю — светел и высок —
Для пиршества украшенный чертог.

Но в киноварной росписи его
Алеет кровь народа твоего.

Завеса, чья неслыханна цена,
Не из парчи — из жизней соткана.

Украшен жемчугами твой шатер —
Ты у народа отнял их, как вор.

Чтоб яшму взять для арки и стены,
Гробницы древние разорены.

С особой ненавистью бичует Навои служителей религии ислама, шейхов, фанатиков ислама, которые не меньше феодалов угнетают и грабят народ и держат людей в невежестве и духовной нищете. Навои обрушивается на них:

Эй, ты, обманщик, дармоед в хирке,
Чей крик с утра мне слышен вдалеке.

Эй, лицемер, на рубище своем
Заплаты нашивающий кругом.

Не деньги ли под множеством заплат
Ты прячешь, как в народе говорят?

По тем заплатам нитка лжи прошла,
Твоя игла — из уса духа зла...

Взгляни на посох шейха и скажи:
Сей посох — столп опорный дома лжи.

Подобные паразитические элементы встречает поэт и в других социальных слоях общества — это придворные, вельможи, судьи, законоведы, писцы и др., живущие за счет трудового народа. Поэт о них пишет:

Подлее всех средь них — писец суда,
Что служит беззаконию всегда.

Свидетелей он слушает, и все ж
Слова их правды превращает в ложь.

И каждая письма его черта —
Предательство, обман, неправота.

Он страж закона, он судья людей,
Радеет лишь о выгоде своей.

Следует отметить, что почти все сатирические строки «Смятения праведных» были тесно связаны и обусловлены общественной жизнью той эпохи и часто были написаны на конкретных фактах. Критикуя паразитический образ жизни феодальной аристократии, поэт, в частности, резко осуждает государственную политику тимуридского правителя Султана Хусейна, который в последние годы своей жизни при-

носил немалое бедствие народу и неприятностей своему соратнику и другу Алишеру Навои.

Навои разоблачает господство невежд, фанатиков в эпоху бесправия, тирании, гнета и эксплуатации и с большой симпатией относится к простым труженикам и людям умственного труда:

Но вот—невежда грубый (может быть,
Ты не захочешь с ним и говорить,

И гнать его велишь с порога прочь,
Не в силах отвращенья превозмочь).

Он чувства человечности лишен,
Он страшно глуп, но властью облачен.

Он ненавистник правды и наук,
И для ученых он — источник мук.

С собакой он не может быть сравнен,
Собака человечнее, чем он.

И странно, что убийца и злодей,
Невежда, нечестивый враг людей,

Велик и властен — волею судьбы,
А люди лучшие — его рабы.

Поэт-гуманист, так возвеличивший Человека, все свое творчество посвятивший Человеку и всю свою жизнь служивший ему, перед ним тоже ставит большие требования. В поэме «Смятение праведных» целые главы посвящаются благородству, честности, щедрости, верности и другим человеческим качествам. Для Навои самым высшим критерием является гуманизм.

Не назовется человеком тот,
Кого людское горе не гнетет.

А радуется гибели людей
Палач, или могильщик, иль злодей.

Первое двустишие, ставшее крылатым, можно поставить эпиграфом ко всему творчеству великого поэта-гуманиста.

В «Смятении праведных» Навои много места уделяет теме любви, которая является одной из основных в восточной поэзии.

Любовь для Навои — не слепая страсть или любование внешней красотой возлюбленной, а сближение родственных душ. Истинной любви свойственны верность, преданность, благородство и человечность. Навои создает образы прекрасных женщин, наделяя их высокими человеческими качествами. Они во многом стоят выше мужчин, что было противоестественно в эпоху феодализма и безраздельного господства ислама. В любви, по мнению Навои, шах и нищий равны, в мире истинной любви не должно быть места ни насилию, ни эгоизму, ни корысти и тому подобным низменным качествам. В раскрытие извечной темы восточной поэзии, темы любви, Навои вкладывает социальное содержание и высокий гуманизм.

Поэт-гуманист, резко критически относящийся к общественно-политическому строю своей эпохи, воспринимает мир как постоянную борьбу Добра и Зла. Все проблемы, поставленные в «Смятении праведных», в той или иной мере подчинены этой ведущей проблеме.

Перевод поэмы, выполненный известным поэтом Владимиром Державиным, является наиболее полным. В данное издание не включены только начальные главы поэмы, носящие традиционный характер, а основная часть переведена полностью, за исключением нескольких отрывков. Вл. Державин широко известен как переводчик Шахнаме Фирдоуси, О. Хайяма, Хакани, поэм Низами, Саади, Дж. Руми, Джами и узбекских классиков — Дурбека, Хорезми, Машраба, Мунисa и др. Результатом многолетнего труда поэта Державина является прекрасный перевод «Стены Искандара» —последней, завершающей поэмы «Хамсы» Навои.

Перевод «Смятения праведных» — большой успех поэта Вл. Державина. В переводе Державина сохранен дух и пафос великого поэта, его поэтические приемы и художественные особенности.

Публикация «Смятения праведных» в переводе Владимира Державина является крупным событием в культурной жизни узбекского народа и достойным подарком всему советскому народу.

Рахмат Маджиди

ОГЛАВЛЕНИЕ

О Низами и о Хосрове Дехлеви 5
Об Абдуррахмане Джами 9
Глава XIV. О слове 15
Глава XV. Несколько слов о том, что в слове содержание является его душой, а без содержания форма слова — тело без души 21
Глава XVII. Описание души 26
Глава XVIII. Первое смятение. Исход души из мрака небытия и соединение ее с утром бытия 30
Глава XIX. Второе смятение. О том, как душа, подобная птице, обладающей перьями хумаюна, перелетела из цветка этого мира в небо — во мрак неизвестного мира ангелов 37

Глава XX. Третье смятение. Нисхождение смятенного странника из мрака мира ангелов в столицу государства тела 44
Глава XXVI. Третья беседа. О султанах 50
Глава XXVII. Рассказ о султане и старухе . . . 58
Глава XXVIII. Четвертая беседа. О лицемерных шейхах 62
Глава XXX. Пятая беседа. О щедрости 70
Глава XXXI. Рассказ о Хатаме Тайском 78
Глава XXXII. Шестая беседа. О благопристойности 81
Глава XXXIII. Рассказ о стыдливости Ануширвана 89
Глава XXXIV. Седьмая беседа. О воздержанности 91
Глава XXXV. Рассказ о юношах — нетребовательном и алчном 99
Глава XXXVI. Восьмая беседа. О верности 102
Глава XXXVII. Рассказ о двух влюбленных 111
Глава XXXVIII. Девятая беседа. О пламени любви . 114
Глава XL. Десятая беседа. О правдивости . . 124
Глава XLI. Рассказ о птице—лгуне тураче . . 131
Глава XLII. Одиннадцатая беседа. О возвышенности звезд на небе знаний . . . 135
Глава XLIII. Рассказ о встрече имама Фахра Рази и султана Мухаммада хорезмшаха в бане 143
Глава XLIV. Двенадцатая беседа. О людях калама 145
Глава XLV. О том, как возвеличился Якут благодаря своему прекрасному почерку, высокому искусству калама и кисти 153
Глава XLVI. Тринадцатая беседа. О тех, кто приносит пользу людям 156
Глава XLVII. Рассказ о том, как Айюб указал дорогу вору 165
Глава XLVIII. Четырнадцатая беседа. Жалоба о построении судьбы 168
Глава XLIX. Рассказ о том, как Искандар завоевал весь мир 177
Глава L. Пятнадцатая беседа. О пьянстве . 180
Глава LII. Шестнадцатая беседа. Об алчных себялюбцах 188

Глава LIV. Семнадцатая беседа. О временах года и возрастах жизни людей . . . 194
Глава LVI. Восемнадцатая беседа. О ценности жизни 204
Глава LVIII. Рассказ о красавице Чина 212
Глава LIX. Девятнадцатая беседа. О бесподобном Хорасане и о прекрасном граде Герате 216
Глава LX. Рассказ о царе Бахраме 225
Глава LXI. Двадцатая беседа. Наставление царевичу Бадиуззаману. 229
Глава LXIII. Заключение 239
Рассказ о рабе 251
Примечания 255
Послесловие 259

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений
в 10 томах

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ, т. III

Редактор Издательства Л. И. Ионова
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Р. Рузиева
Корректор Л. М. Бубнова

Сдано в набор 23/VIII-1968 г. Подписано к печати 2/IX-1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂=4,25 бум. л.— 14,28 + 1 вкл. печ. л.
Уч.-изд. л. 9, 1. Изд. № 750. Тираж 50 000. Цена 95 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ № 3053.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Digitized by Google